

Александр ЖДАНОВ

ВСЕ СОБЫТИЯ И ИМЕНА
В РОМАНЕ СЛУЧАЙНЫ,
НО ВПОЛНЕ ОЖИДАЕМЫ

ПАПАРАЦЦИ 2
ЧУЖОЙ УСПЕХ

*Памяти моего чудесного
и космического котенка Альфа
Он навсегда остался
в моем сердце и снах*

ПАУТИНА

Миром правят судьба и прихоть.

Монитор рябил: буквы стремительно складывались в слова, слова оборачивались фразами, фразы, мигнув алым, исчезали, чтобы вновь возродиться из букв.

Миром правят судьба и прихоть.

Он произнес свой любимый афоризм, слегка покатав на языке, чувствуя, как рот наполняется сладкой слюной. В животе начали порхать бабочки. Как долго он ждал этого момента!

Несколько движений мышкой, пара завершающих штрихов — и начнется ИГРА.

Игра на выбывание.

Игра, где ставкой будет песня. А главным призом — смерть.

Впервые будет выбирать не он, а обычные, ничем не примечательные люди. Их миллионы. Но миллионами будет управлять он, Демиург.

Как это приятно — почувствовать себя Демиургом. Он не любил слово «бог». В нем было столько вековых смыслов, нюансов, полутонов и недо-молвок, что становилось неловко и стыдно. Произнося его, он чувствовал себя маленьким мальчиком, которого мама поставила в угол за пролитое молоко. Молоко пролилось на даче — трехлитровая банка. Но он еще долго растягивал по земле белые ручейки, наблюдая, как в них барахтаются незадачливые муравьи и две божьих коровки. Одной коровке он помог: вытащил прутиком. Вторую утопил.

«Мама, смотри! Я бог!» — и тут же получил тяжелый шлепок.

Не произноси имя Господа всуе. Правило номер один. И это правило он запомнил на всю жизнь. Были и другие, не менее ценные уроки жизни,

их он выучил назубок. Со временем пришел к неожиданному открытию: правила создаются лишь для того, чтобы их нарушать.

Поэтому — Демиург. Творящий для народа, ремесленник-создатель, наделенный силой и мощью. Создатель новой реальности.

В мониторе клубилась новая реальность. Дизайн сайта прост и незатейлив, он не должен отвлекать от главного. Шрифт удобен, навигация — мечта любого блогера. Все для вас, мои дорогие, все для вас!

Подушечкой пальца Демиург ласково коснулся мышки. Виртуальный зверек ожил, мигнул красным глазом. Курсор покорно задвигался, подчиняясь высшей воле. На экране мелькнули коды и цифры. Ну вот, все готово!

42 страны.

42 исполнителя.

До финала, естественно, дойдут не все. Чуть больше половины. Но тем интереснее. Голосуйте за самую лучшую песню. Голосуйте за самый красивый номер. Голосуйте за исполнителя, который вам нравится. Выбирайте!

Победитель умрет в прямом эфире.

Демиург довольно откинулся в кресле, увидев первые цифры. Это лучший его проект.

ПИТЕР

1. Апрель подкрался незаметно, пусть и согласно календарю. Просто на какое-то время я выпал из обычной жизни, устроив очередную гонку на выживание. День превратился в ночь, ночь — в день. Съёмки, проекты, лица, лица, лица...

Всеми виной — кризис. Нет, не так. Скорее виной стало мое отношение к тому, что люди называют мировым экономическим кризисом. Когда какой-либо теме придается столь грандиозное значение, я перестаю обращать на нее внимание. В моей жизни столько мелких и крупных проблем, что было бы глупо следить за котировками акций в Соединенных Штатах Америки.

Так я думал в марте прошлого года. И в сентябре-октябре я думал точно так же. Жизнь виделась как один большой и веселый праздник, и вдруг наступил кризис. Тот самый, глобальный. «Ничего, — сказал себе Нежданов. — На наш век работы хватит. Звезды никуда ведь не денутся, правда? И шоу-бизнес останется тем же — богатым, алчным и требующим к себе повышенного внимания. Так какой смысл волноваться? Работа будет всегда».

Звезды действительно никуда не делись. Шоу-бизнес остался. Не при делах. А мои многочисленные проекты застопорились. Денег стало заметно меньше. В первый момент я не поверил: как такое вообще может быть? Затем в душе появились страх и растерянность: что дальше?

В ноябре зацепила тоска, которая к декабрю превратилась в нечто, напоминающее промозглую депрессию. Состояние для меня совершенно непривычное, потому и непонятное. Я подолгу зависал в Сети, пытаюсь разобраться, что ждет этот мир в ближайшем будущем, ведь от этого зависело и мое будущее. Прогнозы давались разные, по большей части неутешительные.

Много спорили в сети с Watchman. В отличие от меня, про кризис он знал заранее, и его оценки были более жесткими, чем большая их часть в Сети.

— Бросайте шоу-бизнес, пока есть возможность, — сказал он мне как-то. — **Шоу-биз — система, которая калечит людей.** Выжимает все соки и силы, а потом выбрасывает за ненадобностью. Задумайтесь, Александр, что вы будете делать через пять, десять лет? Все так же бегать по тусовкам, концертам, снимать артистов? Допустим, это принесет вам деньги. Возможно, это принесет вам известность. Но принесет ли вам шоу-бизнес внутреннюю гармонию, ощущение довольства собой и своим миром? Присмотритесь к звездам. В большинстве случаев это измотанные успехом люди. Измотанные в первую очередь потому, что успех этот мнимый. Случайный. Они тратят свою жизнь на то, чтобы сохранить звездный статус и доказать окружающим: все в их жизни идет как надо.

— А что в этом неправильного?

Смайлик в аське досадливо поморщился, словно я задал ему самый тупой вопрос из миллиона возможных.

— Неправильно придавать важность неважным вещам. Звездный статус — иллюзия. Его не существует. Шоу-бизнес наклеивает гламурные ярлычки и устанавливает гламурную цену. Вы хотите жить с таким ярлычком?

— Но если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно.

Он грустно улыбнулся:

— Конечно. Это кому-нибудь нужно. Вот только Маяковский писал не о звездах российской эстрады.

В чем-то я был готов с ним согласиться. Но пока что не представлял свою жизнь вне этой системы. Пусть она была и не совсем безупречна. Я привык к шоу-бизу, и порой мне казалось, что это единственный мир, в котором я могу существовать.

Декабрь стал неприятным открытием для всех звезд. Количество корпоративов сократилось, и многие артисты остались, как говорится, на боках. Те, кому повезло, смаковали неудачи тех, кто впервые за несколько лет провел новогоднюю ночь без работы, в кругу семьи.

В конце января началось оживление, а в начале февраля меня поглотила работа. Предложение следовало за предложением, и из-за суеверного страха я соглашался на все и сразу. Мама забыла, как я выгляжу. Брат отчаялся дозвониться. Друзья привыкли проводить время без меня. Я был вне доступа. Я все время был где-то. Гастроли, чesы, студийные съёмки,

конкурсы — нон-стоп ценой здоровья, сна и личной жизни.

Кошмар закончился в последних числах марта.

Однажды я проснулся в своей питерской квартире и понял, что не могу пошевелиться.

Бобик сдох.

Тело было чугунным и неповоротливым, не моим. Мысленным приказам оно теперь не подчинялось. Я вдруг ощутил, что у меня есть сердце — и оно болит. И понял, что впервые за всю жизнь я ничего не хочу и не могу. «Может, это кризис среднего возраста?» — вяло подумал я, пытаюсь дотянуться до мобильного. Хотя какой кризис? Телевизор подсказал — всемирный экономический. Господи, как тошно-то...

Слева довольно мурчал Рекс. Справа устроился мой второй кот — Альф. Животные радовались, что хозяин дома. Мне же было не до кошачьих нежностей. Вечером был концерт Дианы Арбениной. И я обещал быть. Вопрос только в том, как я доберусь до Петроградки, если не могу дотянуться до телефона. **И все-таки я сделал над собой невероятное усилие и позвонил единственному человеку, который мог найти решение в этой ситуации.**

Мамулечка приехала через час.

— Доигрался, — сказала она, выгружая из сумок различные деликатесы. — Добегался. Доснимался. Ты когда себя в последний раз в зеркале видел?

— Не помню, — пробурчал я, пытаюсь набрать очередной номер в мобильнике. Пальцы не слушались, а в глазах сверкали веселые звездочки, как у диснеевских героев.

Мама отобрала телефон и выключила.

— Не помнит он! Лучше не смотри. Там не ты.

— А кто?

— Большое чудовище.

Коты покинули кроватную нирвану и теперь терлись о матушкины ноги, выклянчивая вкусненькое. Лидировал Рекс, чувствовавший себя королем и истинным хозяином квартиры. Альф ему подражал.

Альф появился у меня недавно. И в основном из-за Рекса, который много времени проводил в пустой квартире. Уезжая, я смотрел в эти обиженные детские глаза и сам едва не плакал. Но не будешь же брать на съемки кота! Такого финта даже от Нежданова не потерпят.

В какой-то момент я не выдержал и рванул на кошачью выставку. Идея пришла спонтанно и, как потом оказалось, была правильной: я купил второго кота. Тоже корниш-рекса, только не королевского. Пепельно-серый Альф был очарователен. Всю дорогу я держал его за пазухой и представлял, как обрадуется Рекс новому другу.

Ага, как же...

Рекс впал в депрессию. Неделю не реагировал на ласку, не отзывался и почти ничего не ел. Затем вцепился в горло новому жильцу. Я с трудом расцепил этот мохнатый клубок, развел драчунов по разным комнатам

и запер. Еще неделю они орали на все лады, стараясь перекрыть друг друга. Кормить котов пришлось в разное время, иначе они норовили сцепиться. В какую-то минуту я дал слабину и решил отдать Альфа. Несмотря на то, что безумно к нему привязался. Вмешался Watchman. Выслушав меня, он сказал:

— Представьте, если бы ваша мама ни с того ни с сего привела в ваш дом второго Александра, очень похожего на вас, и приказала бы вам с этим вторым Александром дружить. Как бы вы себя повели? Обрадовались? Не думаю. Как минимум, вы бы стали ревновать и попытались бы переключить мамино внимание на себя. А это звери — у них животный инстинкт. Рекс защищает свою территорию, а младший пытается на ней укрепиться. Подождите немного. Любовь не возникает на пустом месте, любовь, как и привязанность, требует времени. Дайте им привыкнуть друг к другу и смириться с новой ситуацией.

Он, как всегда, оказался прав. Через три недели Альф и Рекс стали неразлучными друзьями. И теперь в мое отсутствие вдвоем громят квартиру, и делают это, надо сказать, весьма талантливо. Еще полгода, и мне придется делать капитальный ремонт.

Сейчас эти два брата-акробата были заняты другим важным делом: Рекс отвлекал маму, а Альф пытался стянуть кусок ветчины. Мама на провокацию не поддавалась, ветчину спрятала и продолжила воспитательную беседу.

— Врача вызвал?

— Зачем? — искренне удивился я.

— Затем, что когда люди болеют, они берут больничный, — ласково объяснила мама. — Так положено.

Последний раз я брал больничный, когда работал в журнале «Дамский Петербург». И то у меня тогда была важная съемка, на которую меня не отпускали. Как только за врачом закрылась дверь, я схватил камеру и рванул в Москву. Любимая работа мгновенно снимает температуру и избавляет от кашля и насморка. Проверено. Но больничный сейчас?

— Понятно, — констатировала мама, заваривая мой любимый зеленый чай. — Так я и думала.

— Мам, я сейчас встану... У меня вся неделя расписана по часам.

— Попробуй! — усмехнулась мама. — А я на тебя посмотрю!

Сердце резануло так, что я со стоном свалился в постель.

Ё-мое! Что ж делать-то?

— Лежи! Сейчас психотерапевт приедет. Я сама позвонила и договорилась. Врач хороший. Поднять тебя поднимет, так что никуда твои дела не денутся, но все ее рекомендации изволь соблюдать. Договорились?

Иногда с ней лучше не спорить. Я покорно кивнул и стал ожидать визита доктора.

Мне вообще везет на докторов. Звучит, на первый взгляд, дико, но тот, кто сталкивался с платной медициной, меня поймет. Хороший доктор

сегодня — на вес золота. Некоторое время назад я решил поставить себе брекетy (все-таки не дает покоя мысль об идеальной улыбке). И судьба свела меня с замечательным врачом-стоматологом ортодонтом высшей категории Натальей Аднановной Хади. Она удивительный, добрый, нежный и искренний человек. Только благодаря ее чуткости и дару убеждения я решился на эту стоматологическую авантюру. А еще мне понравились имена у дочерей Натальи Аднановны — Селин и Летисья.

— Вы специально выбрали такие необычные имена?

— У красивой девушки должно быть красивое имя... Имя во многом определяет судьбу, — ответила мне Наталья Аднановна.

Признаться, я потом посмотрел значение имен и выяснил, что Селин означает «лунная», а Летисья «радостная, счастливая». Наверное, это здорово — носить имя, которое означает счастье...

От этих мыслей меня отвлек звонок в дверь. Вот и доктор.

2. — У вас, молодой человек, невралгия!

Доктор — приятная женщина средних лет. Зовут Лапина Наталья Атаевна.

— Невралгия — это когда нервишки пошаливают? — после укола стало легче, и я даже начал шутить.

Она иронично взглянула на мои попытки подняться с постели.

— Нервишки — не ваш случай. У вас два варианта, Саша. Первый — загнать себя в гроб, и тут я вам ничем помочь не стану. Второй — изменить свой образ жизни. Найти время не только для работы, но и для других занятий.

— Каких, например?

— К примеру, секс с любимым человеком, те приятные эмоции и ощущения, что он дарит, — замечательное лекарство.

— Мой секс — моя работа. Других партнеров у меня на данный момент нет, — вяло огрызнулся я. — И с этим графиком, похоже, не предвидится. Так что этот вариант мне не подходит.

Наталья Атаевна рассмеялась:

— Меняйте график. Сон, конечно, не секс, но тоже дает силы и возможность восстановиться.

— График поменять я могу, но тогда останусь без работы. Понимаете, мне часто звонят ночью, просят подъехать через пару часов. Съёмка обычно растягивается до утра. За это платят хорошие деньги и...

— И получается замкнутый круг, — закончила она за меня. — Пожалуй, Вы самый мой парадоксальный пациент, Александр.

— Похоже на то, — мрачно согласился я.

Она рассматривала мои фотографии. Поначалу мне казалось, что внимание привлекла звездная серия, но, как выяснилось, я ошибся. Она задумчиво перебирала снимки, сделанные в разных странах.

— На любой парадокс найдется другой парадокс, — сказала Наталья

Атаевна после паузы. — Вы не можете изменить свой график, вы не можете сменить работу, но вы хотите оставаться при этом здоровым человеком. Остается последнее средство, и, думаю, оно вам подойдет идеально.

— Какое?

— Ищите эмоции. Только эти эмоции должны быть гипертрофированно позитивными.

— Как это? — не понял я.

— Попробую вам объяснить. Вы любите путешествовать. Прекрасно! Так сделайте путешествия вашим хобби! Меняйте отношение к фотографии: пусть она будет не только вашей профессией, но и самым любимым увлечением. Катайтесь по миру, встречайтесь и общайтесь с людьми, изучайте страну изнутри. Не по туристическим буклетам, а по-настоящему: кафе, города, пригороды, зоопарки, дворики, побережья... Бывайте везде, где Вам хочется. Снимайте это, обсуждайте, возвращайтесь туда, где Вам было хорошо. В общем, ловите эмоции. Представьте, что **Ваш фотоаппарат — это сачок для бабочки. А бабочки — счастливые мгновения.** Вот этот нескончаемый позитивный интерес и будет давать Вам силы для работы в таком бешеном ритме.

— И моя невралгия пройдет?

— Врать не буду. При отсутствии сна, хорошего питания и отдыха — скорее всего, нет. Но чем больше в вашей жизни будет путешествий, тем дольше Вы продержитесь. Хотя мой Вам совет — спите не менее восьми часов, ешьте больше овощей и фруктов и научитесь говорить «нет». Всех денег Вы все равно не заработаете, а здоровье потерять можете. Причем навсегда. Как Вы думаете, оценит ли ваши подвиги шоу-бизнес?

— Думаю, нет, — сокрушенно признал я.

Мы вышли в коридор, и я даже сумел подать доктору пальто.

— Вы хотели о чем-то спросить? — спросила она, заметив мою явную растерянность.

Я почувствовал себя нашкодившим школьником:

— Вечером у моей подруги концерт. Можно мне пойти?

Она хохотала громко и весело. Рекс и Альф крутились рядом, явно не понимая причину веселья.

— А Вы работать туда идете или просто послушать? — спросила она уже в дверях.

— Послушать.

— Тогда идите обязательно. Позитивные эмоции вам крайне необходимы.

Про необходимость позитивных эмоций не устаю повторять и моя подруга Олеся Молокова. Олеся работает в Балтийской ипотечной корпорации на улице Марата и уже который месяц является лучшим сотрудником фирмы. Для меня до сих пор загадка, как при такой невероятной нагрузке она умудряется настолько великолепно выглядеть. Я не помню ни плохого настроения, ни жалоб на усталость. Олеся всегда жизнерадостна, оптимистична, красива и дружелюбна.

— Саня, все дело в положительных эмоциях, — ответила мне Олеся, когда я напрямую попросил ее поделиться секретом бодрости и жизнерадостности в условиях большой загруженности. — Все очень просто: **ты улыбаешься миру, мир улыбается тебе**. Знаешь, что говорили древние? **«Любить, творить, работать надо даже в самую дождливую погоду»**. То же самое касается умения отдыхать: если чувствуешь, что выдыхаешься, лучше отдохни. Отдых ведь разный бывает. Выбери себе тот вид деятельности, при котором ты будешь чувствовать себя максимально хорошо....

А еще Олеся очень дружелюбный человек, у нее чудесная мама и добрая младшая сестренка, а дома каждый день ждет волшебная своенравная сиамская кошечка Лиса. Я обожаю Олесю за ее повседневную поддержку и нашу с ней дружбу.

3. Как только за доктором закрылась дверь, раздался телефонный звонок. Очередное предложение поснимать. Где ж вы раньше-то были? Поколебавшись, я отказался. И в награду получил довольную улыбку мамы. Убедившись, что с ее великовозрастным чадом все более-менее в порядке, она уехала. Я остался с котами и своими мыслями.

В общем, доктор, конечно, права. Эмоции действительно на нуле. Да и откуда им взяться? В основе шоу-биза лежит лицемерие и ложь. Когда изо дня в день видишь, как делается тот или иной проект, как вроде бы достойные и уважаемые люди врут тебе прямо в глаза, теряешь веру в справедливость. Теряешь веру во что бы то ни было. Тебе кажется, что ты покрыт застарелой коркой грязи и с каждой новой работой она становится крепче, толще. Ты пытаешься смыть грязь, но в определенный момент понимаешь — это невозможно, она стала твоей второй кожей.

За чашкой чая я стал изучать свой график, пытаюсь подстроить события под себя. Забавно, но во многих своих нынешних проблемах я был виноват сам. Я подстраивался под желания людей, забывая о своих собственных. Но когда ты идешь на поводу у обстоятельств, обстоятельства уничтожают тебя. Если ты не можешь сказать «нет», будь готов к тому, что тебя будут использовать.

Вот, скажем, съемка четыре ночи назад. Мы снимали восходящую питерскую звездочку. Дешевая студия. Плохой грим. Небольшой гонорар и большой гонор восходящей звезды. Зачем я туда поперся? Что мне это дало? Или я не знал, что так будет?

Знал. Профессиональное чутье сразу подало сигнал: тебе это не надо. Но я зачем-то подорвался и погнал через весь город. И теперь у меня не осталось сил на другой, более интересный и значимый проект. Да, Нежданов, тебе пора расставлять приоритеты. Всех дел не переделаешь.

Я флегматично снял Альфа с раковины, где он привычно балансировал, стараясь попасть под струю воды, и задумался: а чего бы мне сейчас хотелось?

Ответ пришел сам собой. Конкурс «EUROsong», который впервые

за пятьдесят с лишним лет проводится в России, в Москве. Для меня этот конкурс давно стал особенным. Есть что-то волшебное в том, как за считанные часы никому не известный человек вдруг срывает джек-пот. И становится победителем. Это непередаваемо. Процедура голосования неизменно вызывала во мне внутреннее волнение, словно весь мир, объединившись, брал на себя ответственность решить чью-то судьбу.

Я вспомнил, как всего год назад, в Сербии, победителем стал Дима Вилан. Его победу российская делегация почувствовала за несколько минут до официального голосования. Я потом спрашивал у Яны Рудовской, как мы могли это знать заранее. Просто мистика, да и только! Она ответила:

— Мистика? Нет, это невероятная концентрация человеческого желания. Когда ты ставишь перед собой цель и идешь к ней, не видя ничего на пути. И вот это твоё желание, твоё мечта, твоё вера делают цель реальной. Не спрашивай меня, откуда я знала, что Дима станет победителем в этот раз. Просто знала и все. Когда он пел, этот триумф почувствовал весь зал, и ставки букмекеров уже были не нужны. Он пел как победитель, понимаешь? Вот за это я обожаю «EUROsong». Ты видишь, как твои мечты сбываются.

Вилан привез конкурс в Россию. И я просто не мог пропустить это событие. Итак, пару недель на физическое восстановление — и в Москву.

4. Я включил компьютер и радостно рапортовал своему виртуальному собеседнику: «Решено, я еду на «EUROsong». В последнее время мы общались по электронной почте. Я заметил, что аська «сжирает» суть сообщения. В письмах ты раскрываешься как личность, думаешь. В аське — ограничиваешься смайликами и междометиями.

Ответ был подобен душу с холодной водой.

— Александр, я не вправе советовать Вам. Каждый выбирает свой собственный путь. Вы не понимаете, во что ввязываетесь. Через десять лет Вы поймете, что я был прав и Вы, возможно, упустили возможность сделать что-то достойное в своей жизни.

— Вам не нравится этот конкурс? — тема письма была, собственно, и сообщением для Watchman.

Он ответил минут через десять.

— Не нравится. В нем есть что-то фальшивое. «EUROsong» — это бизнес. Бизнес на людях. Вы только подумайте, Александр. Всего одна песня, способная кардинально изменить вашу жизнь. Как правило, в худшую сторону. Помнят только первых трех, остальные так и остаются за кадром памяти. В этом есть что-то мистическое. Песня, которая может подарить тебе три минуты славы или уничтожить тебя как артиста. Может, все дело в том, что я не люблю конкурсы. В любом конкурсе изначально есть что-то нечестное и несправедливое. Ты идешь доказать, что ты самый лучший, а в итоге оказываешься за бортом.

Я подумал, а не принимал ли мой виртуальный собеседник участие в таком конкурсе. И не разочаровало ли это его? Мои пальцы забегали по клавишам.

— Ваша позиция пессимистична, — не согласился я. — Да, любой конкурс — лотерея. Ты можешь победить, ты можешь проиграть, тебя вообще могут не заметить. Но давайте посмотрим на «EUROsong» под другим углом. Конкурс дает шанс артисту, причем шанс реальный. Возможно, ты не победишь, но... Возможно тебя заметят. И всего лишь одна песня даст тебе старт в будущее. Тем более, что конкурс-то в Москве будет. И это здорово. Я с нетерпением жду момента, когда смогу поработать на столичной площадке.

— Не бойтесь, что московский вариант не выдержит сравнения с западными? — уколол он меня. — У нас ведь все не так, как у людей. Черномырдин вывел идеальную «формулу», характеризующую наш менталитет: хотим как лучше, получается как всегда. «EUROsong» в России для меня — за гранью добра и зла. Мы единственная страна, которая придала этому событию национальное значение и на протяжении пятнадцати лет пыталась выиграть то, что никто не пытается. Для нас этот «EUROsong» стал символом государственной победы, и мне это не нравится. Музыка и государство суть разные вещи. Если музыка становится государственной политикой, то на музыке можно ставить крест.

— Что плохого в победе? Что плохого в стремлении победить? Мы поставили перед собой цель, и мы ее достигли. Мы действительно отстаем от Европы и Америки в плане организации, но мы учимся. Правда, как правило, на своих ошибках, но учимся же! И мне хочется увидеть все это изнутри. Посмотреть изнанку конкурса. До этого я был только гостем. Я считаю, что это грандиозное событие для России.

— Молодости свойственно придавать величие даже самым незначительным событиям. Вы заметили, что слова «великий» и «легенда» стали у нас расхожими? Мы так легко раздаем их, а ведь у этих слов особый смысл. Я уверен, что «EUROsong» назовут легендарным конкурсом, хотя это всего-навсего телевизионное шоу, иногда интересное, иногда не очень.

— Сейчас Вы скажете, что это конкурс для домохозяек!

— Саша, не горячитесь Вы так, это всего лишь конкурс, который у Вас вызывает интерес, а у меня нет. Но из уважения к Вам я готов объяснить свою позицию. Ну и что, что для домохозяек? Домохозяйкам также нужна отдушина. Однако «EUROsong» не способен сильно повлиять на музыкальный Олимп, для всей мировой музыкальной индустрии он не имеет никакого значения. Население всех стран, участвующих в конкурсе, примерно полмиллиарда, а смотрят его на порядок меньше. Известных исполнителей практически нет.

— В этом году будет участвовать Мадмуазель.

— В качестве аргумента принимается. Мне интересно, что ей движет, какие мотивы. Если выясните, поделитесь знакомства ради. Буду премного

благодарен. Но исключение лишь подтверждает правило. Профессиональные музыканты относятся к «EUROsong» с толикой презрения. Это не комильфо. И я их понимаю.

— А я — нет! «EUROsong» дает возможность проявить себя в любом жанре, завоевать аудиторию за три минуты, причем не только слушателей своей страны, но и всего мира. Это здорово! Красиво! Интригующе! Недаром люди делают ставки на то, кто победит.

— Александр, я повторяю: у Вас свой путь, и только Вы вправе совершать ошибки или не совершать их. Если Вы хотите тратить свою жизнь на шоу-бизнес — пожалуйста. Со временем поймете, что были неправы. Я более чем уверен, что данный конкурс в Москве, как лакмусовая бумажка, покажет всю несостоятельность российской шоу-индустрии. Если Вы хотите наглядно в этом убедиться — пожалуйста.

Я рассеянно выключил компьютер. В его словах есть правда. Но нельзя отрицать все. В любом явлении есть две стороны медали. Я знаю негативную сторону, но верю, что есть и светлые моменты.

Кстати, о светлых моментах. Не пора ли мне получить первую порцию позитивных эмоций? Я дал котам корм, наказал вести себя прилично и не громить квартиру и отправился на концерт Дианы Арбениной.

5. В одной умной книге написано: **когда ты чувствуешь эмоциональный дискомфорт — это плачет твоя душа**. Не зря же люди говорят: «Мне не по себе». Слезы в душе — верный признак того, что надо взять тайм-аут и подумать о том, что с тобой сейчас происходит.

Перед концертом я решил поужинать. Мысленно прикинул, куда пойти, чтобы поесть со вкусом и не торопясь. Несмотря на мое своеобразное физическое состояние, хотелось чего-нибудь сытного и необычного. И, как всегда, на помощь пришел мобильный телефон: мне достаточно пробежаться по списку контактов, чтобы за считанные минуты найти нужное решение. Вот и сейчас ответ появился молниеносно: возле «Черной речки», на Торжковской, 20, находится ресторан татарской кухни «Сабантуй», откуда я смогу пешком дойти до ДК «Ленсовета». Я набрал номер Рамилы:

— Привет, это Нежданов. А ты случайно не в «Сабантуе»?

— Поверить не могу, Нежданов, ты решился попробовать казы? — рассмеялась Рамила. — Приходи, угостим тебя на славу.

Не прошло и часа, как я сидел в уютном ресторанчике, а Рамила хлопотала вокруг меня.

— Возьми салму и прямяч, не пожалеешь!

— Я в восторге от твоего восточного гостеприимства, — не удержался я. — Только объясни, что это такое — эти салма и пряря... Тьфу, язык сломаешь...

— Салма — суп с очень крепким бульоном (бульон из трех видов мяса: говядины, баранины и куры), в бульон добавляют домашнюю яичную лапшу и заварное яйцо...

– А это что такое?

– Заварное яйцо? Оно в духовке отдельно запекается, получается как бы омлет, только он очень сильно взбитый. Нежданов, в твоём состоянии этот бульон будет спасением! Вмиг на ноги поставит!

– Ну а прямяч?

– Это такой пирожок с бараньим фаршем внутри. С салмой очень вкусно получается.

– Ты мне ещё казы обещала? Это правда колбаса из конины?

– Правда. Нереально вкусно. Чисто татарское блюдо. Будешь?

– Буду!

Не знаю, что меня взбодрило, то ли радушие Рамилы, то ли национальные татарские блюда, но из ресторана я вышел сытый, довольный и умиротворенный.

В принципе, чтобы добраться до ДК Ленсовета, где сегодня был концерт Дианы, мне всего-то и нужно было проехать остановку на метро. Вышел из «Петроградской» — и вот тебе ДК — напротив. Но я выбрал другой путь, благо времени сегодня было предостаточно, и пошел пешком.

Весна в Питере — особенная. Непохожая ни на одну другую. Она врывается неожиданно, одаривая яркими солнечными лучами, северное небо становится неправдоподобно синим. В воздухе пахнет каплей, пробуждающей радостью, скупыми улыбками. Это состояние длится от силы час. После этого небо затягивает свинцом, и город погружается в серую влажную хмарь — до нового весеннего всплеска. Тот, кто впервые приезжает в Петербург, ругает его жителей — дескать, ни в одном другом городе нет такого засилья черного и серого цветов. Лица тусклые, землистые, одежда — мышиная. Возможно, так было раньше, но сейчас Питер другой — без провинциальной яркой кичливости, без московской брендовости. Город меняется, становится светлее. Люди все чаще покупают одежду ярких сочных тонов: эти желтые, зеленые, красные, синие, фиолетовые пятна делают городской поток похожим на картины импрессионистов. А в дождь город одевается в разноцветные зонты. Странно, что многие этого не видят. Может, потому что не хотят?

Погода сейчас была под стать моему настроению — солнечная, настоящая, пробуждающая желание жить и наслаждаться жизнью. Как и песни Дианы. Ее музыка дает силы, когда их совсем нет. Она разная, но настоящая, вне шоу-биза и вне быстротечного времени. Она навсегда.

Интересно, споет ли Диана для меня сегодня «31-ю весну»? В свое время в том же ДК Ленсовета я признался, что из всех ее песен особенно люблю эту. И с тех пор, заметив меня в зале, она специально пела ее для меня. Или мне так казалось? Неважно. Важно совсем другое: то, что суэта из души ушла, стало легко и приятно.

Я вошел в ДК, сдал куртку в гардероб и улыбнулся, уловив знакомую ауру. Первой, кого я встретил, была Алла Батяйкина. Когда-то она работала

в ленинградском Рок-клубе, потом — в промоутерской компании, а сейчас она организует концерты любимых групп. Нас с ней связала любовь к «Ночным снайперам». Тут мы с Аллой одной крови.

– Проведешь за кулисы? — спросил я.

– Легко!

Мы проскользнули за кулисы:

– Привет, Санька, прекрасно выглядишь! — увидев меня, Диана улыбнулась. Искренне.

Для человека, которого несколько часов назад едва вернули с того света, это комплимент. Значит, иду на поправку. Я кивнул и вернулся в зал.

Телефон жалобно пискнул, отключаясь. Извини, дорогой, но сегодня я не работаю. Сегодня я живу.

Зазвучали первые аккорды «31-й весны».

*Большой широкий город, магистрали и дома,
Гусары в окнах, бесполезная тюрьма,
Зеленым яблоком железо запоет,
Ты станешь слаще.*

*А я пропала без вести в японских лагерях,
Пропала голубем, синицей в руке,
Я застывала в ожидании тебя,
Неблагодарна.**

ПАУТИНА

Этого следовало ожидать. Сначала сайт восприняли как неудачную шутку. Он был терпелив: люди должны понять, насколько серьезна ИГРА. И он не жалел времени, чтобы разъяснить, чего, собственно, он хочет. Фотография за фотографией, текст за текстом, голосование за голосованием. Он профессионально ставил опару под общественное мнение, ждал, когда «тесто» подойдет, и самозабвенно лепил из него пирожки суждений. Пирожки были вкусны и ядовиты: яд проникал в сознание и пробуждал потаенные желания и фантазии. Люди — странные существа: они не любят, когда другим хорошо. Редко кто умеет радоваться за другого. Ничто так не возбуждает и не привлекает как чужая беда, чужой проигрыш или чужой стыд. Носы заостряются, тянутся к лакомству и наслаждаются чужой бедой, как самым лучшим в мире деликатесом.

Когда-то так случилось и с ним. Он надеялся на помощь, но в ответ получил злорадство. И с того самого момента он стал изучать людей, будто насекомых: никогда не открывай дверь, предоставь возможность заглянуть в замочную скважину. И они сами не заметят, как попадутся в сети собственного любопытства.

* Здесь и далее автор использует тексты группы «Ночные снайперы» и лично Дианы Арбениной

Вот и с сайтом он знал: они все поймут правильно, и вскоре у него будет самая преданная армия поклонников. Из тех, кто украдкой на работе заглядывает на порносайты. Из тех, кто не мыслит дня без желтых сплетен и новостей. Из тех, кто ничего не смог добиться в жизни и потому ненавидит других, более успешных, богатых и счастливых. Вот они и сделают этот смертельный рейтинг. Кому-то не повезет. Но такова жизнь. В жизни всегда кому-то не везет.

Наконец! Поняли. Людей нельзя торопить, иначе победа будет несладкой и нечестной.

Демидург любил честные победы. Он их коллекционировал, как, впрочем, и людей. Интересные получались коллекции. Дай ему волю, создал бы две виртуальные Кунсткамеры: пожалуй, тут он бы затруднился ответить, какая из них была бы более интересной и запоминающейся.

В столице спешно готовились к конкурсу «EUROsong». Ему нравилось принимать в этом участие и смотреть на ситуацию изнутри. Нравилась нервозность организаторов и гадания, кто стоит за сайтом. Он принимал в этих разговорах самое активное участие, благо позволял статус и возможности, а в душе корчился от смеха. Какие они жалкие! Стоит властителю почувствовать шаткость своего нынешнего благополучия, как он тут же становится жалок и беспомощен. А они боялись. Он даже не ожидал, насколько сильным будет этот страх. Вблизи он даже чувствовал его запах — будто все эти дорогие костюмы от Hugo Boss залоснились от грязи и пота.

Что ж, пусть боятся. Пусть знают, что это всерьез.

Прошел отбор российских исполнителей. Он усмехнулся, узнав, кто победил. Ну-ну... Тем интереснее. Жалко, что эта девочка не станет конкуренткой зарубежным звездам. Ему нравилась борьба по правилам, с равными по мощи, таланту и харизме соперниками. Хотя... кто знает. Выбирают не только по любви, но и по ненависти. И, возможно, ее так возненавидят, что именно она и получит то самое первое место.

По мере того, как увеличивался поток рекламы, росла популярность и его сайта. Первые три недели лидировала Франция. Старая, милая, добрая Франция. В лице неувядающей Мадмуазель. Он сначала не воспринял эту песню: сделанная в одной тональности, она производила впечатление тягучего ириса — сладкого и приторного. Но с какого-то момента она вдруг зацепила. И он часто слушал ее, наблюдая, как растут ставки. Было бы жаль убивать Мадмуазель.

Затем вперед вырвалась бледнолицая трогательная исландка. Он смотрел на ее нежную шею, и пальцы сжимались от предвкушения. Роскошная безупречная кожа, без единого изъяна, изумительные черты лица. Она напоминала ему Боттичеллевскую мадонну. Вот только эта мадонна была в джинсах и прекрасно пела. Ему хотелось прикоснуться к ней, и Демидург с трудом сдерживал свое нетерпение.

На смену исландке пришла загадочная эстонка. Почему-то она была брюнеткой, и это интриговало. Ему захотелось узнать, настоящий ли это цвет?

Но вскоре место лидера занял обаятельный норвежец славянского происхождения, чья песня сказочным образом мгновенно повлияла на виртуальное голосование.

Странно, что никому не пришло в голову спросить: а как именно он собирается убить победителя?

МОСКВА

Я проснулся за час до прибытия, лениво сполз с полки и пошел к проводнице за чаем. В вагоне включили музыку, и теперь жалостливый женский голос пел о печальной судьбе двух любовников, которые встречались для секса в Москве. Иного места для свиданий у них, видимо, не нашлось.

Ехал я по-королевски: один в купе. Соседи по купе — как русская рулетка: иногда попадаются хорошие и симпатичные, иногда отвратительные и шумные, а иногда вообще не попадают. Когда так случается, я благодарю своего Ангела-Хранителя. Мне нравится одиночество в поездах: под стук вагонных колес хорошо думается и спится.

Чай оказался горячим и невкусным. Железная ложечка знакомо дребезжала в стакане. Я отставил его в сторону и уставился в окно, намечая план действий. В голове была пустота, в теле — усталость. Несколько дней до этого мы отчаянно ругались с мамой, которая не хотела отпускать любимое чадушко в первопрестольную. А мне надо было позарез. Прямо как в песне Высоцкого. И я настоял на своем. Расстались мы холодно, и теперь на душе скребли кошки. Вспомнив о котах, я еще больше загрузил.

— Не верю глазам своим! Нежданов собственной персоной.

Я обернулся и застыл в изумлении:

— С каких пор ты ездешь в поездах?

Не спрашивая приглашения, Слава вошла в купе и устроилась на диванчике напротив.

— С начала кризиса. Нежданов, только не надо делать вид, что ты не рад меня видеть. Что было, то прошло. К тому же я извинилась. Мир?

— Мир, — с некоторых пор я относился к людям менее требовательно. Люди — это люди. В меру хорошие, в меру плохие. Иногда они чувствуют к тебе расположение, иногда — нет. Но было бы глупо ждать от них стопроцентного альтруизма и соблюдения всех твоих интересов. На Славу я злился долго. История с Наташей Минор задела сильно. Но затем злость улеглась, и я не то чтобы ее простил... Но... В общем, когда на одном из «Золотых граммофонов» она подошла ко мне, я с ней поздоровался.

Сегодняшняя встреча меня даже обрадовала — не так скучно ждать прибытия в столицу.

— Ты из Питера?

Слава потянулась и зевнула:

– Из Питера. До этого была Тверь. Омск. Новосибирск. И еще много-много разных городов. Ты не представляешь, Нежданов, сколько в России талантливых мальчиков и девочек, мечтающих о славе. А ты копаешься в этих человеческих самородках и пытаешься найти настоящий.

– Нашла?

Она махнула рукой:

– Вроде бы. Время покажет. В который раз убеждаюсь, что у артиста должна быть энергетика, харизма. Тогда он сможет сделать шоу. Ну что ты морщишься, Нежданов, куда мы сегодня без шоу? Не нравится — купи диск и слушай дома. Что поделать. Сами зрителя избаловали, теперь пожинаем плоды. Зритель капризен, ему статичный артист с микрофоном не подойдет, ему подтанцовка нужна, цвет, эмоции, энергетика зала, чтобы плечом к плечу и на одной волне.

– Голос, получается, второстепенен?

– Да можно вообще не петь! Тебе ли рассказывать, сколько людей у нас реально поют?! Сам все знаешь. Миром, Нежданов, правит пиар. И ничего с этим уже не сделаешь. Этого можно не признавать, в это можно не верить, но факт остается фактом. Миром правит пиар.

– **Пиар — ненасытная субстанция, его все время надо подпитывать,** — заметил я, слушая раздражающее дребезжанье ложечки.

– А мы на что? — Слава сегодня пребывала в хорошем настроении, несмотря на то, что добиралась до Москвы в обычном поезде. И купе у нее было не СВ. Раньше, помнится, она предпочитала исключительно самолеты. Исключительно бизнес-класс. — Надо — подпитаем, витаминчиков дадим. Пусть кушает на здоровье. Были бы деньги у клиента...

– Что, кисло с деньгами?

– А у кого сейчас не кисло? Нет, на хлеб с икрой мы зарабатываем. Только икра уже красная. На черную — извини. Терпеть не могу экономить.

– А кто любит?

– Есть и такие. В общем, пошли мы по периферии, Нежданов. Как в старые добрые времена ищем таланты и пытаемся их пристроить.

– И получается? — не поверил я.

Она замолчала, закусив губу. Проговорилась. И я вдруг понял, для каких именно целей ищутся эти таланты. Все продается и покупается. А кушать хочется. Я прислушался к себе, поражаясь собственному безразличию.

– Вот и Москва, — сказала она, поправляя прическу. — Я на машине. Тебя подвезти?

– Я лучше пешком, — ехать в душном салоне вместе с ней не хотелось. И она, кажется, это поняла. Не обиделась. В Москве редко обижаются. На обиды нет времени.

Народ заторопился к выходу, а я сидел и слушал, как затихает в стакане эта чертова ложечка. Зачем? Повинуясь какому-то внутреннему порыву, вытащил ее, встряхнул и засунул в задний карман джинсов. Зачем? Не знаю.

Но в тот момент это казалось мне очень важным: забрать источник раздражения с собой.

2. Москва, припорошенная последним, теперь уже весенним, снегом, просыпалась. Я решил пройти пешком до «Комсомольской». Встреча со Славой разбредила чувства и мысли.

Миром действительно правит пиар. Как так получилось? Сейчас уже никто и не скажет. Человеческие отношения сошли на нет. Им на смену пришел пиар. Хотя, услышав это слово, моя учительница по русскому языку и литературе, **завуч 356 школы Галина Николаевна Панкеева** поставила бы мне двойку. Она никогда не любила бездумный новояз, терпеливо прививая любовь к родному языку. Я ей за многое благодарен (и всегда с радостью вспоминаю школьные годы, прошедшие под ее уверенным руководством) — в том числе и за то, что слова вроде «пиар» произношу со скрытой усмешкой... Заимствование оно и есть заимствование. **А Галина Николаевна — это на всю жизнь.**

Галина Николаевна учила и моего брата Антона, и меня, и множество других мальчиков и девочек — и все ее уважали и любили. И только благодаря усилиям моей мамы и Галины Николаевны, двух самых главных учителей в моей жизни, я смог поступить на журфак и окончить его с красным дипломом...

Итак, с пиара все начинается и пиаром все заканчивается.

Когда я учился в университете, пиар только-только появился в России и насчитывал всего несколько лет. Не было специалистов, учебников, системы, ничего не было — начинали с нуля. В качестве образчика — зарубежный опыт, весьма отличный от российской действительности. Но дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Есть — и слава богу! Незаметно пиар стал невероятной силой, оттеснив вторую древнейшую профессию — журналистику.

Как так получилось, что всего за каких-то пятнадцать-двадцать лет в России появилась система, способная убить талант и способная его же возродить?! Как сказала Слава, были бы деньги у клиента. Есть? Сделаем! В наилучшем виде!

Проработав несколько лет в шоу-бизе, я убежден, что **хорошего пиара не бывает, бывает просто пиар, плохой пиар и очень плохой пиар. Есть еще и черный пиар. При желании он может быть хорошим, плохим и очень плохим. Парадокс в том, что черный пиар запоминается лучше всего.** Так уж устроена психология обывателя: ему нравится, когда другим плохо. Особенно если плохо людям известным, у которых теоретически все должно быть «в шоколаде». А шоколад-то горький! Многие из нас живут по принципу «у соседа корова подохла, жаль, что не две». И этот принцип как нельзя лучше объясняет причины эффективности черного пиара.

Как известно, пиар — это public relations. То есть общественные

отношения. Отношения с обществом. Наконец, пиар — это твоё отношение к обществу. В общем, если бы дедушка Фрейд начал разбираться, что такое пиар, он бы точно спятил или придумал психоанализ-2. С ним бы заключили контракт, и на первом канале прошла бы реклама: «От создателей Психоанализа. Смотрите триллер «Психоанализ-2: битва подсознания».

Пиар — это сознательная ложь. Ты придумываешь себя, своих друзей, свою жизнь, свои статусные игрушки, и всё для того, чтобы вписаться в тот социальный круг, который является для тебя пределом мечтаний. А что предел мечтаний для 50% российских обывателей? Предел мечтаний — шоу-биз.

Когда я работаю с артистом, то всегда пытаюсь разгадать — где он сам, его личность, его истинная суть, а где пиар. В большинстве случаев пиара больше. Только не подумайте, что я осуждаю. Не суди, да не судим будешь. Кто я, чтобы судить известного артиста за то, что он придумывает свою жизнь от начала до конца? Я всё понимаю. Это игра такая, придуманная шоу-бизнесом. Но иногда становится горько. Даже самая красивая и романтическая история любви на поверку оказывается обыкновенной выдумкой, цель которой привлечь внимание поклонников к угасающей звезде. Я такие истории называю паровозиками.

Есть, к примеру, некая звезда, чей эстрадный век вот-вот закончится. Спрос на диски падает, на концерты билеты не продаются, песни по радио не крутятся. Что делать? Надо поднимать популярность. А как её поднимать, не благотворительностью же! Вот этот звездный «вагончик» напрягает свою пиар-службу, а если таковой нет, идет в пиар-агентство.

Пиар-агентство находит «паровозик» — более успешную, востребованную звезду, которой не помешают лишние деньги и лишняя слава. И того, и другого, как известно, много не бывает. Так рождается фальшивый любовный роман с элементами легкой эротики. Эротика — обязательное условие. Можно появиться на публике без нижнего белья, можно «случайно» обнажить грудь во время прохода по красной ковровой дорожке, можно заниматься петтингом в ночном клубе под вспышками фотокамер. Это раньше люди с замиранием сердца ждали намека на поцелуй, а теперь им подавай что-нибудь погорячее и поскандальнее. В общем, парочка начинает «встречаться», ссориться, мириться, расставаться и вновь сходитьсь. Так будет до тех пор, пока рейтинг «вагончика» не поднимется до нужного, обозначенного в контракте, уровня. После чего можно цивилизованно разойтись.

На этой волне «паровозик» может найти себе и второй вагончик... Всё зависит от изобретательности пиарщиков. Помнится, делали мы фотосессию Сергея Азарова. К его пресс-секретарю подошла симпатичная барышня: дескать, дело есть, давай отойдем в сторонку. Я, как самое любопытное существо, увязался следом.

— «Фабрику» смотрите? — спрашивает барышня.

— Иногда, — осторожно отвечает пресс-секретарь, мгновенно почуявший подвох.

— Сабину видели? Она сейчас на волне успеха.

— Видели, — все так же осторожно соглашается пресс-секретарь. — И что?

— А давайте Азаров и Сабина начнут как бы встречаться. Будет как бы роман.

— И что мы с этого будем иметь?

— Как бы пиар.

«Как бы» — и есть суть любого пиара. Нагромождение любых подробностей, даже самых неправдоподобных, откровенных фотографий и интервью: чужая жизнь во все времена вызывала огромный интерес. Так почему бы не воспользоваться этой человеческой слабостью?

3. От размышлений меня оторвал телефонный звонок. Смутно знакомый голос.

— Привет. Слава сказала, что ты в Москве.

— Привет, новости быстро распространяются, — не успел я покинуть вокзал, как мне звонит сама Наташа Минор. Если честно, я польщен.

— Я сейчас в офисе Андрея, — с нажимом сказала она, и я понял, что рядом с Минор сидит Разумовский. Следовательно, никаких подробностей той осенней истории. — Можно, конечно, было передать все через Славу, но у нее язык сам знаешь какой... Мигом во все газеты инфу сольет. Саш, ты не мог бы подъехать в офис? Это очень важно. У нас есть для тебя работа.

Под видом просьбы скрывался приказ. Я вздохнул: похоже, Watchman и в этот раз был прав — не стоило мне ехать в Москву, не стоило лезть в шоу-бизнес. Но я поступил по-своему, а за своеволие приходится платить свою цену. Надеюсь, что эта цена будет не слишком высокой.

4. У них была красивая свадьба. Много именитых гостей, роскошный ресторан, лимузины, цветы, бриллианты. В общем, всё, что полагается в таких случаях. Мне передали личное приглашение. А я отказался. Костик бы сказал, что я дурак. Но Костик уже ничего не мог сказать, а я разорвал приглашение на мелкие кусочки и выбросил в мусорную корзину. Как говаривала героиня в комедии Рязанова, «в знак протеста». Допускаю, что протест был мальчишеским, но не мог я снимать их свадьбу после всего, что они со мной сделали. И может быть, даже не со мной, а с Костиком, с Вестой, со всеми, кто оказался замешан в той грязной истории.

Возможно, для шоу-биза я слишком тонкокож, но порядочность никто не отменял. Но вот парадокс: о порядочности люди задумываются только тогда, когда с ними поступают плохо. Но ведь есть старая поговорка: относиться к другим так, как ты бы хотел, чтобы относились к тебе. Жаль только, что про нее часто забывают.

Но вернемся к свадьбе Разумовского.

В роли невесты Наташа была очаровательна. После банкета молодые торжественно уехали в свадебное путешествие, и практически в каждом журнале можно было встретить глянцевого репортаж о медовом месяце самой красивой и влиятельной пары шоу-биза.

По возвращении Минор вошла в моду: вела телевизионные шоу, записывала альбом, снимала клипы. Разумовский оставался в тени, но каждый теперь знал: задень Наташу, будешь иметь дело с ее могущественным мужем. Вот Наташу и не задевали. К ее чести, она вела себя на удивление вежливо: ни намека на звездную болезнь.

Встречаясь на вечеринках, мы кивали друг другу, но близко не подходили, предпочитая идти по жизни параллельными путями. Думаю, всех участников той истории это вполне устраивало.

И вот теперь этот странный звонок-приказ.

Конечно, я мог бы наплевать и отказаться от приглашения. Если бы не два момента.

Первый — мне в этой сфере еще работать, а Разумовский одним звонком мог перекрыть доступ в шоу-бизнес. Перспектива, сразу скажем, не из приятных. Есть люди, с которыми нужно считаться.

Второй — мое любопытство. Мне было интересно, что за дело такое возникло у этой звездной четы к простому питерскому фотографу.

Да и офис был неподалеку, отчего ж не зайти, раз пригласили?!

5. Ощущение дежавю. Полгода назад мы так же с ним сидели. Он пил коньяк. А я «перье». И на вот тебе, все повторяется. С той только разницей, что вместо клуба Димати, просторный кабинет, а на диванчике — Наташа. Как почетная гостья. Но умный и знающий человек понимал: вот истинная хозяйка. Разумовский при ней. И так будет ровно до того момента, пока в нем сохранится страсть к молодой, сексапильной и талантливой жене. Что-то мне подсказывало, что страсть эта сохранится надолго, а вот Наташа остынет раньше. Она из тех женщин, которым нужны новые эмоции — острые, пикантные, дающие ощущение полноты жизни. Однако в настоящий момент ее, похоже, все устраивало: муж, положение, карьера. Если бы не мрачные искорки в глубине глаз и слегка подергивающиеся уголки губ, я бы и не догадался, что в настоящий момент Наташу Минор что-то тревожит.

В кабинете находился еще один человек: поджарый лысеющий мужчина неопределенного возраста. Из тех, кому легко можно дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят. Я таких людей называю хамелеонами. Они меняются согласно обстоятельствам. Этот человек сидел в дальнем углу и не сводил с меня оценивающего взгляда. Нас друг другу не представили, и от этого я почему-то напрягся.

— Жаль, что Вас не было на нашей свадьбе, — нарушил молчание Разумовский.

Я постарался вложить в ответ всю свою искренность и сожаление:

— Был в отъезде. Примите мои запоздалые, но искренние поздравления. Насколько я знаю, все прошло на высшем уровне.

Уф! Обменялись дипломатическими любезностями, пора и к делу.

Разумовский не стал тянуть кота за хвост:

— Я недавно разговаривал с Яной Рудовской. Она лестно о Вас отзывалась. Вы ведь неоднократно ездили на «EUROsong», не так ли?

Я кивнул. «EUROsong» — моя давняя любовь.

Они переглянулись. Человек в углу сделал пометку в блокноте. Я чувствовал себя подопытным зверьком, случайно угодившим в экспериментальную лабораторию.

Однако об этом конкурсе я был готов говорить часами.

2005, 2006, 2007, 2008...

Каждый год становился настоящим открытием!

Сколько воспоминаний! Сколько приятных встреч и эмоций! Немудрено, что, окунувшись в этот конкурс однажды, я стал интересоваться всем, что связано с «EUROsong».

Этот конкурс начинался как банальное провинциальное мероприятие. Я не знаю точно, кому в голову пришла эта мысль: сделать международный конкурс эстрадной песни. С учетом того, что эстрада во все времена была разная — испанская, французская, итальянская, английская. Артисты пели живьем, что позиционировалось с особой гордостью, а судило некое высокопрофессиональное жюри. Последнее меня всегда пугало. Судьи субъективны, достигнуть консенсуса практически невозможно, у каждого свои симпатии, свои стереотипы и свое представление о том, как надо исполнять ту или иную песню. Несмотря на то, что конкурс назывался конкурсом песни, запоминающихся песен там не было. За малым исключением.

В какой-то момент ситуация изменилась, причем весьма кардинально. Пришли люди, которые поняли: на этом можно заработать. Причем заработать очень хорошие деньги. И конкурс стал иным. Увеличилось количество стран, появились минусовая фонограмма и зрительское голосование. А там, где аудитория, — там должно быть шоу. Вот тут-то и начался истинный расцвет «EUROsong». Шоу должно продолжаться! Это все знают. Но фишка в том, что каждое последующее шоу должно быть на порядок лучше, чем предыдущее. Намного лучше. Вот вам и волшебная сила пиара — международный конкурс эстрадной песни превратился в конкурс стран — их амбиций, тщеславия и национальной гордости. Победа стала вопросом национального престижа.

Я попал на «EUROsong» случайно. Но что есть случайность? Любопытный случай — это закономерность. Надо быть в теме и тонко чувствовать момент, чтобы оказаться в нужном месте в нужный час. У меня это получилось. В 2006 году «EUROsong» для России был заморской диковинкой: вроде видели, вроде оценили выступления наших звезд, рискнувших выступить

на конкурсе, но... хотелось чего-то большего. Хотелось победы. Особенно после того, как победила Украина. Мы-то, спрашивается, чем хуже? Ничем. Просто до какого-то момента мы свято верили: «EUROsong» — конкурс песни. Вот и отбирали песни, не задумываясь о шоу.

Моя жизнь перевернулась в тот момент, когда раздался телефонный звонок Яны Рудовской:

— Сань, привет! Завтра утром ты должен быть в Финляндии.

— Завтра? — удивился я.

— Ну, не вчера же! — резонно возразила Яна.

Она повесила трубку, а я застыл прямо в коридоре, тупо глядя на дорожную сумку с ярлычками аэропорта. Я только вернулся из Белграда и рассчитывал провести несколько спокойных дней. А тут как обухом по голове — Финляндия.

Не стану вдаваться в подробности, как именно мне это удалось, но утром я был на месте. Тур победителя «EUROsong» по Европе. Такой шанс дается раз в жизни, упускать грешно. — Яна, я уже в Хельсинки, — я первым делом позвонил Рудовской. Она сняла трубку не сразу, и на заднем фоне я услышал нарастающий гул, словно тысячи голосов восторженно приветствовали Вилана.

— Молодец! — прокричала она. — Дима в «Стокмане», дает пресс-конференцию, срочно туда.

Легко сказать! Подъезды к «Стокману», а также весь первый этаж были забиты орущими и визжащими девочками. Пробиться через эту толпу, казалось, не было никакой возможности. Я натянул самую любезную улыбку и пошел работать локтями. А что делать? Не пробился — сам виноват! К счастью, меня вовремя заметил охранник и буквально выдернул из толпы.

— Где тебя носит? — недовольно встретила меня Яна, которой и дела не было до всех моих злоключений. — Конференция идет уже две минуты! Работай!

И я работал. День и ночь. Фиксируя практически каждый шаг Димы в этом турне. По вечерам едва не падал от усталости, но потом, как по волшебству, открывалось второе дыхание, и я носился как тот самый кролик в рекламе про энерджайзер. В итоге судьба преподнесла мне долгожданный бонус: с тех пор ни один «EUROsong» без меня не обходился.

— Ну так что? — отвлек меня Разумовский от приятных воспоминаний. — Есть, что вспомнить?

— Так какое у Вас ко мне дело? — вопросом на вопрос ответил я.

Они переглянулись.

— Скажи ты, Наташа. У меня до сих пор все это в голове не укладывается.

Наташа сверкнула белозубой улыбкой и пересела к нам поближе. Человек в углу остался недвижим. Мне вдруг показалось, что это манекен, но тут незнакомец шевельнулся, и иллюзия исчезла.

— Тут такое дело, Нежданчик, — Наташа вложила в улыбку все свое

обаяние. Она так старалась, что я сразу заподозрил неладное. — Мы неслучайно тебя про «EUROsong» спрашивали. Как ты знаешь, конкурс будет в Москве. Сейчас идут последние приготовления. Андрей (быстрый взгляд в сторону Разумовского) вложил в это мероприятие много денег. И не только он один. В этом конкурсе заинтересованы самые влиятельные люди. Все должно пройти на высшем уровне. Но у нас возникла одна серьезная проблема, и, по сути, конкурс сейчас на грани срыва. Нет, ты не думай, он, конечно, состоится, но вот последствия... Последствия могут быть ужасными.

— А в чем проблема? — спросил я, не понимая, к чему все эти разговоры и чего, собственно, от меня хотят.

Они снова переглянулись. Собственно, это начинало раздражать. У меня появилось предчувствие чего-то нехорошего: словно, как и полгода назад, мне снова втянули в грязную игру.

— Хорошо. Перейдем к сути, — Наташа задумчиво потерла лоб, словно не знала, с чего начать. — Некоторое время назад в сети появился сайт. Называется **Killingstars.ru**. Не слышал?

— Нет.

— Значит, еще услышишь. О нем сейчас все только и говорят. Сайт посвящен конкурсу. Выдержана символика, перечислены все страны, даны биографии артистов.

— Пока не вижу ничего криминального.

— Не спеши, Саша. Внешне сайт действительно сделан безупречно. По виду — стандартный фанатский сайт в поддержку конкурса. Таких в сети — миллион, на любой вкус и аудиторию. Однако этот сайт не так прост, как кажется. На сайте делаются ставки.

— Ставки?

— Посетители действительно делают ставки на понравившегося артиста. Но не с тем, чтобы повысить его популярность, а с тем, чтобы его убить.

— Как это? — не понял я.

— Тот, кого выберут люди, умрет в прямом эфире конкурса. У нас. В «Олимпийском». Причем совершенно неважно, станет он реальным победителем «EUROsong» или нет. Финальное голосование на сайте будет вестись параллельно с голосованием по странам. Понимаешь, что это значит?

Это означало катастрофу. Если страна не в состоянии обеспечить безопасность своих гостей, то ее международная репутация лопнет как мыльный пузырь. Этот скандал окажется сильнее политического. Политикой простые граждане сегодня мало интересуются, а вот убийство звезды... Да еще в прямом эфире... Тут весь мир перевернется.

На память пришел фильм «Телохранитель». Но там-то хоть было понятно, кто будет жертвой, вот Кевин Костнер и подсуетился, перехватив пулю и упав на руки испуганной Уитни Хьюстон.

Но вот, что касается реальной жизни... Допустим, выбор зрителей

совпадет с выбором посетителей сайта. В процессе выставления баллов уже минут через восемь становится понятно, кто лидирует. Если не повезет, интрига будет сохраняться вплоть до того, как будет голосовать последняя страна. И такие ситуации случались. Дальше объявят победителя. Его начнут поздравлять. По законам шоу, победитель должен подняться на сцену, получить приз и исполнить песню на бис. Идет он по длинному коридору через толпу. Теоретически, да и практически, к нему может приблизиться кто угодно. Убийство можно совершить и на сцене. Это будет еще эффектной. Вот вам первый вариант.

А вот и второй. Посетители сайта выбирают звезду, которая не победила в конкурсе. Ставка один к двадцати пяти. В момент объявления окончательных результатов все внимание переключается на победителя, остальные артисты в тени... Задача упрощается.

— Куда ни кинь, всюду клин, — пробормотал я, понимая, чем грозит эта ситуация. Звездная чета согласно кивнула. — А этот сайт... Он что, пользуется популярностью?

— Популярность растет в геометрической прогрессии, — мрачно сообщил Разумовский. — Это ж реалити-шоу! НТН-шники жаловались, что даже у них рейтинг стал ниже: народ прилип к экранам мониторов. Представляете, какой ажиотаж возникнет, если этот маньяк действительно совершит убийство?!

— Милиция? Не пробовали обратиться?

— А что милиция? — вскинулась Наташа. — У нас как? Если преступления нет, зачем разбираться? А намерение убить — это всего лишь намерение убить.

— Но у вас связи...

— Иногда и связи не помогают, — подхватил Разумовский. — Все мои знакомые видят в сайте шалость, но никак не угрозу. Мы обращались в правоохранительные органы, там только развели руками: жертвы нет, а голословные высказывания в сети к делу не пришьешь. Вот мы и подумали о Вас, Александр. В свое время Вы мастерски распутали ситуацию, связанную с одним известным нам всем щекотливым делом. Виновные наказаны. Может быть, теперь Вы тоже поможете? Попробуете выяснить, кто стоит за всем этим?

— Но почему я? — моему изумлению не было предела. — На Шерлока Холмса явно не тяну. У вас есть своя служба безопасности, которая в считанные минуты найдет этого маньяка. Вычислить сервер вообще не представляет труда.

— Сервер мы вычислили, — мрачно сообщил Разумовский. — Только ничего это не дает. Сервер находится в другой стране, айпишник принадлежит человеку, который погиб несколько месяцев назад.

Сердце у меня екнуло.

— Человек погиб, а Интернетом кто-то пользуется.

— Не кенгуру же, — неудачно пошутил я.

Шутка явно не удалась. Они ее не поняли. А вот человек в углу посмотрел на меня с явным интересом. Впрочем, он вряд ли знал о том, что совсем недавно я вернулся из Австралии. Страны, которая так много для меня значит. Странное совпадение, что сервер сайта расположен именно в Австралии. Совпадение ли? Голова пошла кругом. Они заметили мое замешательство.

— Но и это еще не все, — Наташа с тревогой посмотрела на мужа. — Милый, ты не сказал Саше об одном важном моменте!

Разумовский рассеянно потер массивный лоб:

— Ты права. Это дело, Саша, очень щекотливое. И вот почему. Мне кажется, нет, я совершенно уверен, что за всем этим стоит кто-то из моих коллег. Я понимаю, что это звучит как полный бред. Но только человек, у которого есть доступ на «EUROsong», может совершить то, что он задумал, и уйти незамеченным. И меня пугает, что со многими людьми я хорошо знаком, со многими дружу. Вы не представляете, Саша, как это жутко: подозревать близких тебе людей.

Вот тут он ошибался. Я знал это состояние, и знал, какую боль может причинить одна только мысль: близкий человек тебя предал. Однако озвучивать свои мысли не стал, Разумовскому они были безразличны. Он торопливо продолжал:

— На кого подумают в последнюю очередь? На известного артиста или продюсера. Если я сейчас активизирую свою службу безопасности, не факт, что они его вычислят, скорее, спугнут. Мы не можем запустить ни одного из моих ребят туда, даже под видом охранников. У них на лбу все написано. Наш виртуальный маньяк мгновенно все поймет. Это только в кино Штирлиц работает под носом у Мюллера и выходит победителем. А в реальной жизни немцы мгновенно бы отметили его акцент. На то там профессиональная разведка. Но это я так, отвлекся. **Нам нужны Вы, Саша. Вас все знают. Вы всех знаете. Вы в этой тусовке не первый год и чувствуете себя, как рыба в воде. Вы не вызываете подозрений. И ангел-хранитель всегда поддерживает вас с небес.**

— Засланный казачок?

— Примерно так, — кивнул Разумовский. — Ничего зазорного в этом нет. Ваша задача — разузнать все изнутри и тем самым предотвратить убийство. Ваша порядочность и умение держать язык за зубами известны. Вы умеете молчать и слушать — незаменимое качество журналиста. Вы умеете улавливать то, что обычный человеческий глаз не видит, — незаменимое качество фотографа.

Я сжался. Не многовато ли комплиментов за двадцать минут? Свои достоинства и недостатки я и так знаю, но столь грубая лесть... Похоже, они действительно в тупике.

Разумовский интуитивно уловил мое настроение и сменил тему:

— Ну как, поможете?

Я окончательно растерялся.

— А что я должен делать?

— Разговаривать. Анализировать. Думать. Сообщать информацию мне. Изображайте интерес к этому сайту, высмеивайте эту идею и слушайте, что вам будут говорить в ответ. Я уверен — этот человек среди нас, и он обязательно себя выдаст. Естественно, все Ваши услуги будут должным образом оплачены. Плюс Вы получите неограниченный доступ на все мероприятия конкурса.

Я молчал. Наташа перехватила инициативу:

— Ты нам окажешь неоценимую услугу. Ну как, согласен?

Они уставились на меня, не мигая, словно две сытые, а потому ленивые анаконды. Я чувствовал себя симпатичным кроликом, которого загнало в ловушку его собственное любопытство. Они знали, что я соглашусь. А я знал отказываться нельзя. Ну, что ты за человек, Нежданов?! Опять влип!

Не нравилось мне это дело. Интуитивно не нравилось. Никаких логических аргументов у меня на тот момент не было, но интуиция включила сигнал «SOS». А интуиция у меня еще тот барометр — опасность чувствует за версту. Сайт они мне не показали, а доставать при них свой ноутбук я почему-то постеснялся. Чертова питерская интеллигентность! Этим-то нас москвичи и берут. За жабры. Знают, где, как и когда нужно надавить, чтобы ты задохнулся и сказал то самое единственное «да».

Все понятно. Банальный расклад. Они отправляли меня в логово врага как живца. Сюжет русской сказке: поди туда, не знаю, куда, принеси то, не знаю, что. Так и я. Пойду туда, не знаю, куда, и буду искать человека, который явно не хочет, чтобы его нашли.

Что-то Разумовский и Минор не договаривали. Понять бы, что именно пряталось за комплиментами.

Пауза затянулась. Пора бы ее прервать.

— Хорошо. Я попробую достать информацию.

Они выдохнули с заметным облегчением. Чего нельзя было сказать обо мне.

Человек в углу кашлянул. Разумовский очнулся.

— Простите, я Вас не представил. Петр Григорьевич, рекомендую: талантливый фотограф Александр Нежданов. Саша, хочу представить Вам Петра Григорьевича Зимина. По многим вопросам вам придется взаимодействовать с ним. Также он предоставит Вам всю необходимую информацию. Петр Григорьевич, я думаю, будет удобно, если Вы перейдете с Александром в свой кабинет и обсудите все детали. Саша, Вы не возражаете?

Возражал ли я? А у меня был выбор?

6. Кабинет моего нового знакомого оказался большим и светлым. Судя по секретарю в приемной, у Зимина был довольно высокий статус. Он

вежливо указал на удобное кресло. Секретарша принесла зеленый чай и бутерброды. Бесшумно удалилась, но я заметил любопытный взгляд, который она бросила в мою сторону. Видимо, о моем визите был наслышан весь персонал. Полтора часа беседы в кабинете Разумовского — большая редкость.

— Располагайтесь, Александр. Мне нужно позвонить, так что я Вас оставляю на некоторое время.

Дверь тихо затворилась.

Я остался один. На столе лежали «Деловые новости» — любимое издание всех топ-менеджеров столицы. Красным маркером была обведена небольшая заметка:

«По заявлению заместителя мэра в правительстве Москвы, руководителя рабочей группы по организации конкурса Варелия Абрикосова бюджет конкурса сформирован из пяти источников: федерального бюджета, бюджета Москвы, средств Европейского вещательного союза (EBU), «Первого канала» и средств спонсоров. По нашим данным, из федерального бюджета был выделен 1 млрд рублей, EBU выделил 6,5 млн швейцарских франков (примерно 187,6 млн рублей), бюджет Москвы выделил 200 млн рублей. «Первый канал» осуществляет продажу спонсорских пакетов и обещает раскрыть затраты после проведения конкурса. Суммарные затраты на проведение конкурса без учета средств спонсоров и «Первого канала» составляют около 42 млн долларов США. По данным гендиректора «Первого канала» Константина Вернста, стоимость проведения конкурса в Финляндии составила 24 млн евро. Также Константин Вернст отметил, что шоу не окупится: «Главное — не заработки, а внешнеполитический эффект». Основные затраты на проведение конкурса связаны с арендой и переоборудованием спорткомплекса «Олимпийский», рекламой конкурса, сопровождением делегаций и журналистов, экипировкой обслуживающего персонала и волонтеров, транспортом и т. д. При этом наружная реклама «EUROsong» в Москве на 800 щитах была размещена в рамках социального заказа. Федеральная антимонопольная служба перед конкурсом инициировала расследование в отношении ряда московских гостиниц, которые были заподозрены в повышении цен на номера в период проведения конкурса «EUROsong» на 30%».

Вот что, оказывается, волнует Зимина. Стоимость проведения конкурса.

Я взглянул на часы: пошла шестая минута паузы. И все же эта передышка мне была жизненно необходима. Я оглядел кабинет. Все как у всех. Но вот что странно: по этому кабинету я ничего не мог сказать о характере его владельца. В первый раз со мной такое.

Фигура Зимина интриговала и, преодолев условности, я позвонил Славе. К счастью, она мгновенно оценила ситуацию, и через пять минут я стал обладателем бесценной информации.

Зимин был серым кардиналом Разумовского. Со всеми он был одинаково радушен, обладал большими связями.

Никто не знал, откуда он появился, какое у него образование, женат ли,

есть ли у него дети. Жизнь Зимина была тайной за семью печатями, и можно было только посочувствовать тому, кто решился бы эти печати сломать. Близких друзей у Петра Григорьевича не наблюдалось, врагов тоже. Но поговаривали, что если Зимин кого-то невзлюбит, на этом человеке можно смело ставить крест. Изведет.

Он обладал невероятным даром разрешать даже самые неразрешимые проблемы, он не просто четко и грамотно анализировал ситуацию, но всегда находил нестандартные решения. Странно, что он не смог решить ситуацию с сайтом. Это на Зимина не похоже. Впрочем, есть и другой вариант: меня сознательно сделали элементом некой комбинации, задуманной Зиминим. Неслучайно во время разговора с Разумовским сложилось впечатление, что он внимательно изучает меня, словно решает, подхожу я или нет. Видимо, я оказался гош. Вот только для чего?

Он вошел бесшумно. Я невольно посмотрел на его обувь. Дорогая. Не удивлюсь, если это туфли от Allen-Edmonds, любимой марки всех американских президентов. И выполнены, скорее всего, на заказ. Под внешней грубоватостью скрывается стиль и удобство. Хотя я могу и ошибаться, просто очень уж они напоминают те, которые я видел на американском президенте, а память у меня фотографическая. Стиль не спутать.

Пожалуй, у него был только один внешний недостаток. На правой руке безобразно-рваное пятно. Видимо, след от ожога. Пятно своим цветом и формой вызывало омерзение и вместе с тем неудержимо притягивало взгляд. По крайней мере, я таращился на него, как баран на новые ворота.

— Я рад, что мы с Вами будем работать вместе, — сказал Зимин. Голос у него оказался глубокий, насыщенный полутонами и оттенками. Услышав такой голос, женщина соглашается на все. Мужчина — начинает завидовать. Я позавидовал. Зимин тем временем продолжал:

— Много лестного о Вас слышал.

Я упорно молчал. В конце концов, кому больше надо?

— Хоть Андрей Константинович и обрисовал Вам ситуацию, хочу отметить, что она намного серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Мы заказали экспертизу сайта двум известным психиатрам.

Я поперхнулся чаем.

— Вы удивлены? Я ждал такой реакции. Многие воспринимают сайт как очередную сетевую поделку, но не я. Я доверяю своей интуиции, Александр, она еще ни разу меня не подводила. Это игра всерьез.

— И что показала экспертиза?

— Автор сайта болен. У него раздвоение личности. И когда придет время, он выполнит задуманное. Я в этом не сомневаюсь.

— Остается — найти и обезвредить, — пошутил я.

— Именно так, — у Зимина явно не было никакого настроения шутить.

— Вы сказали, что у него раздвоение личности. То есть внешне он может выглядеть как вполне нормальный человек?

— Не может, а он выглядит так. Я не знаю, что именно послужило причиной для такой ненависти к этому конкурсу, но он действительно ненавидит все, что связано с «EUROsong». Идея успеха, триумфа человека — как красная тряпка для быка. Убивая артиста, он убивает чужой успех и, возможно, мстит за свою неудачу. Но это только мои предположения, основанные на заключении врачей.

— Почему я? — спросил я в лоб.

— Вопрос делает Вам честь. Значит, Вы не поверили лести Разумовского. Хорошо. Давайте начистоту. Вас выбрал я. Причина — нестандартное мышление. Вы видите то, чего не видят другие. Я внимательно просмотрел ваше портфолио, в фотографиях это качество тоже проявляется. И мне кажется, что вот эта Ваша способность замечать малейшие детали будет нам очень полезна. Наши глаза, простите за избитое выражение, — замылены. Всех, кто так или иначе связан с конкурсом, мы знаем лично. А подозревать людей, с которыми водишь знакомство, невероятно сложно.

— Игра на живца, а живец — это я. За свою роль я получаю деньги и возможность работать на конкурсе, так?

— Именно.

Мы скрестились взглядами.

— Вы что-то недоговариваете, Петр Григорьевич.

Он усмехнулся.

— Я не ошибся в вас, Александр. Вы — то, что нам нужно. Есть еще один момент, по которому я Вас выбрал. Вы недавно вернулись из Австралии...

— Да, это была туристическая поездка.

— Я уверен, что Вы встречались с этим человеком.

— Я?

— В Австралии. Дело даже не в том, что сайт зарегистрирован в этой стране. Сайт появился, когда Вы находились там.

— Совпадение.

— Этот человек перечисляет все места, где в тот период бывали и Вы.

— Опять совпадение.

— А как Вы объясните это?

Он открыл дорожную кожаную папку и вынул пачку фотографий. Передал ее мне.

— Эти фотографии выложены в блоге автора сайта. Посмотрите внимательно. Никого не узнаете?

Я взял пачку и застыл.

На первой же фотографии я увидел... себя.

Снимок получился немного смазанным: на переднем фоне застыл симпатичный кенгуру. На заднем — я с камерой. Вот это кадр! Как такое вообще могло получиться?

Еще несколько снимков. Кафе, парки, улицы, площади... На некоторых снова я.

Я изумленно уставился на Зимина. И встретил умный и жесткий взгляд.
— Теперь Вы понимаете причины, по которым я Вас выбрал? Он знает Вас, Александр, более того, Вы с ним пересекались в одних и тех же компаниях. Вспоминайте! Вспомните всех людей, с которыми Вы там встречались. Он где-то рядом. Совсем рядом.

Я ошеломленно молчал. Петр Григорьевич протянул мне визитку.

— Звоните в любое время. Всегда рад вам помочь.

Так интеллигентно меня еще не выпроваживали: с визиткой в одной руке и с банковским чеком в другой.

7. Я ехал в свою московскую квартиру и уговаривал себя, что ничего страшного пока не произошло. Покручусь в тусовке, поспрашиваю — и все тут. Всего и делов-то. Уговаривать себя можно до бесконечности: наиболее всего мы убедительны, когда разговариваем сами с собой. Четкая система аргументов, безупречность доводов — не подкопаешься.

Мне не давали покоя фотографии, увиденные в кабинете Зимина. Они сейчас мне казались главным элементом в этой странной комбинации. Можно было, конечно, списать все на совпадения, но я уже в них не верил.

Войдя в квартиру, я бросил вещи в коридоре, прошел в комнату и сразу же — с места в карьер — включил ноутбук.

А вот и сайт.

Я ожидал аляповатости и визуальной перегруженности, сложной навигации, но ошибся. Сайт был выдержан в классических тонах: черный, белый, красный. Беспроигрышное сочетание, грамотно и эффективно работающее на человеческое подсознание. Вечно модный декаданс.

Инь и Ян.

Черное и белое.

Жизнь и смерть.

Неизменные человеческие стереотипы, знакомые мне еще со времен лекций на журфаке.

Все фотографии также черно-белые. И от вереницы монохромных человеческих лиц становилось не по себе: словно все они уже не принадлежали к миру живых, а стали частью прошлого.

Красным были подсвечены номера, под которыми шли артисты: цифры подмигивали, привлекая к себе внимание. Я вдруг поймал себя на мысли, что не могу оторваться от этих виртуальных запекшихся капелек крови. Рука против воли потянулась к мышке — и мне захотелось сделать свой выбор.

Вовремя остановился: что за ерунда? Почему этот сайт, столь простенький с виду, так на меня подействовал?! Приманил. Соблазнил. Зацепил. Я закрыл страницу, но через несколько секунд, повинувшись внутреннему порыву, снова ее открыл. Еще немного, и я стану постоянным посетителем сайта. Помимо голосования, было еще сорок два раздела — по количеству участников. Материалы подбирались со знанием дела: биография, песни,

их тексты с переводом на русский язык (причем в каждом случае это был хороший стихотворный перевод), интервью.

Похоже, Разумовский прав. Тот, кто задумал это преступление, хорошо знает законы шоу-бизнеса. Чувствует, что именно нужно современному зрителю. Это ж надо, идея лежала на поверхности, а некто ее не только разглядел, но и воплотил в жизнь. В памяти шевельнулась какая-то смутная мысль, мелькнула и тут же исчезла. Я даже не успел ее осознать...

На сайте был и блог. Зимин не соврал. Не без внутреннего страха, я открыл эту страницу. Ого, а блог-то интересный.

Я пролистнул страницы... И углубился в чтение.

12 декабря.

Я ненавижу шоу-бизнес!

Одна фраза, и жизнь меняется целиком. Я помню тот день, когда сказал себе: «Я ненавижу шоу-бизнес!» — и посмотрел в небо. Мне казалось, что небо должно рухнуть на меня тяжелой плитой. Но оно не рухнуло. Оно осталось таким же — синим и равнодушным. И я прокричал, срывая связки: Ненавижу!

Стало ли мне легче? Нет. Но в жизни появился смысл. Я прокрутил последние события и понял: наши пути с шоу-бизнесом не могли не пересечься. Все было предопределено. И от этого мне стало удивительно легко.

«Ненавижу» я прокричал в австралийское небо. И небо усмехнулось в ответ. Ему глубоко фиолетово (во всех смыслах), кто я и что мне от него надо. Оно само по себе. И этот факт не перестает меня удивлять. Как бы я хотел быть таким же.

14 декабря.

Вот место, куда я хочу уехать насовсем! Когда все закончится, я возьму билет в один конец и уеду сюда. Я здесь третью неделю, и еще ни разу не видел ни одного хмурого лица. Люди наслаждаются жизнью. И это совершенно пофигистское состояние вызывает во мне смутную тоску. Словно я здесь лишний.

Наверное, глупо выяснять отношения с российским шоу-бизом на берегу океана. И если вы мне скажете, что я полный идиот, я, пожалуй, с вами соглашусь. Но только на пару минут. Понять, что ты жил неправильно, можно только в раю. А что есть Австралия? Рай, в котором все шиворот-навыворот: зимой лето, летом зима, где люди видят другое небо, другие звезды и океан, где вдоль дорог висят таблички, возвещающие, что «тут на вас, возможно, упадут с веток коалы» (коалы водятся в таком количестве, что они висят на ветках вдоль дорог). На вас когда-нибудь падала коала? А на меня упала. На Ньютона, помнится, свалилось яблоко, а на меня теплая, живая и флегматичная коала. И в этот момент все стало на свои места.

В этой стране все верят только в хорошее. Это какой-то ненормальный позитив. Он раздражает, но и манит к себе.

И вот в этом раю я задумал убийство. Где логика?

Логика нет.

15 декабря.

Еще две недели, и еще один год канет в прошлое. Я пьян. Я мертвецки пьян. После разговора с одним фотографом на меня накатило. Вспомнилось все. Раньше у меня было имя. Раньше я был кем-то. А теперь я бесплотный призрак: встретишь меня — не узнаешь. Но я рядом, я наблюдаю за тобой и жду, когда ты достигнешь успеха. Зачем? Чтобы убить тебя. Я не знаю, как тебя зовут, но жить тебе осталось ровно полгода. Как мы узнаем друг друга? Я тебя по рейтингу. А ты меня — по улыбке, с которой я приду убить тебя, победителя конкурса «EUROsong».

Я еще сам не знаю, как я это сделаю. Но... ты не сомневайся... Голосуй, если хочешь. Голосуй сам за себя, потому что нет ничего лучше, чем умереть на пике славы. Поверь мне. Я знаю, что говорю. Я сам так умер.

Я с трудом отвлекся от монитора. Он действительно псих. Теперь я ни секунды не сомневался. Тут и экспертизы не надо, что бы убедиться в этом. Но кто это? Если предположить, что упомянутый фотограф, это я (а на снимке изображен я), то значит, мы действительно с ним говорили.

Фишка в том, что за пару недель, проведенных в австралийском раю (тут я был готов согласиться с автором блога), я общался с огромным количеством людей: по-русски, по-английски. Это был непередаваемый калейдоскоп эмоций и лиц, жизнь в режиме нон-стоп. И со многими мы обсуждали российский шоу-бизнес. Причем на самых разных уровнях, начиная с «а что, Басков действительно натуральный блондин?» и заканчивая «все мировое зло происходит от российской эстрады». Видимо, на каком-то этапе я пересекся и с этим человеком.

Я напряг память — тщетно. Ни одной зацепки. Что ж, это даже становится интересным.

Сайт как магнит притягивал.

Меня охватил азарт. Если честно, я не до конца верил, что в день финала в прямом эфире произойдет убийство. Но мне было интересно посмотреть на человека, который в условиях кризиса на пустом месте и практически за копейки создал вполне доходный проект. В чем его доходность, спросите вы? В рекламе, разумеется.

Реклама в Интернете — моя любимая тема. До недавнего времени это был отличный способ зарабатывать деньги, не вставая со стула. В настоящее время свыше миллиарда человек более или менее регулярно пользуются Интернетом, а это почти 16% населения Земли. Только вдумайтесь: миллиард человек в день, и это еще не предел. Аудитория стремительно

увеличивается, еще несколько лет, и каждое утро в Сеть будут заходить несколько миллиардов человек. Невероятные цифры, правда? Лично меня они всегда вдохновляли. Понятное дело, что такая колоссальная аудитория не могла остаться невостребованной — Интернет давно превратился в огромную рекламную площадку. Правда, по данным статистики в России половина пользователей приходится на Москву и Санкт-Петербург. Если честно, я в статистику не очень верю: любые официальные данные можно подтасовать. А вот счетчик собственного сайта подтасовать сложно, и ты каждый день видишь, сколько человек реально к тебе заходят, откуда они. По тем же данным среднестатистический пользователь Рунета очень молод: 68% аудитории принадлежит к возрастной группе от 18 до 34 лет. Кроме того, большинство русскоязычных Интернет-пользователей — мужчины. И опять же тут у меня возникают определенные сомнения. Достаточно зайти ко мне на Одноклассники.ру или в Вконтакте.ру, чтобы увидеть, что прекрасная половина человечества так же активно пользуется Интернетом. Я иногда думаю, что все эти данные придумывают лишь для того, чтобы обласовать очередного рекламодателя, решившего раскрутиться за счет Интернета.

Я не могу сказать, что знаю о рекламе в Сети все. Все знать невозможно. Думаю, что даже Билл Гейтс не в курсе последних нововведений. **Интернет — живой организм, он постоянно меняется.** Это как Лемовский Солярис — думающий океан, принимающий форму любой мысли. Я прошел все уровни рекламы в Сети. И могу с уверенностью сказать: любая рекламная кампания в Интернете намного эффективнее оффлайновой. Знаете, почему? Она контролируется! Причем контролируется в реальном времени. Иначе говоря, все ошибки, которые при традиционных способах рекламирования выявляются с большой задержкой, в Интернете можно отловить «на лету» — просто сравнив текущую статистику активности посетителей на сайте продаваемого бренда с планируемыми результатами. Допустим, разместил ты рекламу, а через пару часов видишь — она не работает. Почему — второй вопрос. Об этом надо думать и исправлять. Именно за это я и обожаю Сеть. Она сама подсказывает, что и как надо менять. Здорово, не так ли?

Спросите меня, с чего начать. И я вам отвечу — с идеи. Без идеи любой ваш рекламный чих окажется всего лишь чихом, мыльным пузырем.

Если вы пришли в Сеть всерьез и надолго, создавайте сайт и думайте, как и чем привлечь аудиторию. Это только кажется, что стоит баннером поманить, как народ к вам потянется. Сетевой народ ленивый, избалованный. И как результат — довольно низкий отклик. Нормальный результат — два-три посещения рекламируемого сайта на 1 тысячу показов. Вас устраивает? Меня тоже когда-то все это устраивало, но потом я понял, что хочу больше. Одним баннером сыт не будешь.

Куда эффективнее баннерная реклама на тематических площадках. Иначе говоря, реклама компьютеров размещается на сайте, популярном среди

программистов и системных администраторов, а косметика продвигается на сайтах для женщин. CTR такой рекламы — до 1% — от \$ 7 до \$ 15 за тысячу показов. Для сравнения, в США этот вид рекламы обходится от \$ 10 до \$ 40. Мы же пока раскручиваемся. Можно выкупить постоянное баннерное место в тематических каталогах, дать контекстную рекламу в поисковых сетях, объявления на тематических форумах и специализированных сайтах.

Есть и сомнительный вариант — адресная рассылка по электронной почте. Иными словами, спам. Покупаешь долларов за 200 базу, состоящую из нескольких миллионов адресов и специальную программу для массовой рассылки писем. Другое дело, что спам он и есть спам. Хотя я встречал весьма удачные кампании, когда человек просто не мог совладать с любопытством и шел по ссылке. Собственно, именно этого и добивались спамеры.

Что касается меня, то я использовал разные варианты, чтобы заработать на сетевой рекламе. И, честно говоря, преуспел. Но тут грянул кризис...

Утешало, что другие сайты и блоги также просели по финансам. Но только не этот.

В отличие от других порталов, этот буквально распирало от рекламы. Рекламы хорошей, сделанной со вкусом и конкретно под этот сайт. Раньше меня этот факт вряд ли удивил бы: до кризиса сетевой рекламы было много, и она приносила владельцам сайтов хорошие дивиденды. Однако с сентября прошлого года рекламный поток резко сократился, и теперь представлял собой скудный ручеек.

Здесь же царило рекламное Эльдorado. Видимо, моральный аспект несколько не смущал рекламодателей: посещаемость сайта вызывала настоящую профессиональную зависть. Интересно, как они привлекают таких толстосумов? Может, копнуть в этом направлении? По размышлению, я отбросил мысль, показавшуюся поначалу гениальной. Два варианта. Либо рекламодатели проплачивают рекламу налом, без посредников, либо (что весьма сомнительно) есть общий договор с каким-либо рекламным агентством. Сомнительно — потому, что человек, затеявший все это, лишний раз светиться не станет. Единственное, что я могу попробовать, так это попросить своего друга Миху поспрашивать о сайте среди Интернетчиков. Там своя среда, возможно, какие-то подробности и выплывут.

Тем не менее, у меня все-таки есть одна зацепка, пусть и маленькая. Перевод песен. Думаю, вычислить хорошего поэта-песенника также не составит труда. Достаточно встречи с Литтой или Филиппом Корольковым, чтобы выяснить, кто сегодня пишет хорошие стихи. Звезды всегда в теме: текст песни — 50% хита. Как ни странно, но талантливых поэтов в шоу-бизе можно по пальцам пересчитать. Вот с этого, пожалуй, и начну.

Я выключил ноутбук и, не раздеваясь, повалился на кровать. На часах было семь часов вечера. Но я хотел спать. Дорога и тяжелая встреча в офисе Разумовского вымотали окончательно.

Обо всем остальном я подумаю завтра.

ПАУТИНА

Скарлетт О'Хара была не права, когда говорила, что обо всем она подумает завтра. **О самом важном думать нужно сегодня. На завтра откладывать ничего нельзя. Те, кто так поступают, ошибаются. Иногда роковым образом.**

В последнее время Демиург много пил. Пил украдкой, стараясь приглушить похмельное амбре жвачкой, мятными конфетами и антиполицаем. Дыхание было безупречным, а вот глаза выдавали общее состояние. Уже к одиннадцати утра они подергивались мутной пленкой, в белках появлялись красные прожилки. И он скрывал взгляд за темными очками.

Австралийский загар давно сошел, и он чувствовал, как тоскует его кожа по жаркому солнцу. Вот и сегодня, застряв в очередной столичной пробке, он откинулся на кожаную спинку сиденья и уставился в московскую пустоту. Транспортный поток сжал черный бентли, а Демиургу казалось, что это его поймали в плотные тиски, и теперь уже из них не выбраться. В стекло бился весенний дождь, еще холодный, промозглый, и он следил за большими каплями. Словно по их рисунку мог уловить свое будущее.

Что-то пошло не так. Что именно — он пока не знал. Чувство тревоги появилось несколько дней назад. И теперь не отпускало.

Демиург еще раз прокрутил события последних дней. Нет, дело не в пристальном внимании к сайту со стороны службы безопасности Разумовского. Первый канал тоже проявил интерес. Но все провокации, которые ему устраивали, только забавляли. Детский сад, да и только. У него был свой человек в кругу Разумовского, свой человек на телевидении и свой человек в оргкомитете конкурса. Везде у него были свои. Вот только он сам был чужим. И свои не знали, что они свои. Он просто использовал этих людей. А они рады услужить.

Так что же? Что он проглядел? Кого недооценил? В своей жизни он придерживался древнего японского учения, и одним из любимых приемов был — «придержать подушку».

«Придержать подушку» означает не дать противнику поднять голову. Демиург закрыл глаза и мысленно процитировал:

«В поединке Стратегий не давай противнику вести себя. Веди врага сам. Конечно, он будет пытаться навязать свою тактику, но не сможет опередить тебя, если ты не дашь ему такой возможности. Останови врага, когда он собирается атаковать тебя; погаси его порыв, сбрось захват. В этом смысл «придерживания подушки». Ухватив этот принцип, ты будешь видеть замыслы врага заблаговременно и подавлять их. Суть в том, чтобы сломить его атаку на слоге «а...», сбить прыжок на слоге «пры...» и поймать удар на «у...».

Важная вещь в Стратегии — подавлять полезную активность противника, поощрять бесполезную. Однако это лишь оборонительная позиция. Прежде всего, ты должен действовать сообразно Пути, гася приемы противника, нарушая его планы и, таким образом, прямо контролируя его. Овладев этим принципом, ты станешь мастером Стратегии. Хорошо тренируйся, изучай «придерживание подушки».

Подушка не сработала. Может, потому, что впервые в жизни он не знал, кто его враг.

Поток ожил. Он уверенно вел автомобиль, думая об абсурдности этого мира. Осталось совсем чуть-чуть. Билет заказан. И когда все случится, он будет уже далеко — в австралийском раю.

Опасность Демиург чуял позвонками. Когда что-то шло не так, по спине прокатывался острый холодок и замирал в районе поясницы. По мере приближения врага холодок застыл в виде ледяного шарика. Иногда Демиургу казалось, что шарик этот катается по его напряженной спине, не давая расслабиться и забыть о самом главном.

Вот и в этот раз, несмотря на офисную духоту, он чувствовал ледяной холод. Что-то изменилось в его мире. Мир подернулся рябью чужого любопытства, но это любопытство было особенным: в нем сквозил интерес исследователя.

Сам не понимая, почему, Демиург вдруг испугался. И удивился своей реакции. Взял себя в руки. Улыбнулся. Пригубил виски и расслабился. Дуррак он, что позволил эмоциям и страхам взять верх. Знал ведь, что рано или поздно коллеги проявят к его сайту интерес и попытаются выяснить, кто за всем этим стоит. Знал. Но в итоге оказался морально не готов.

Еще глоток виски. Он снял черные очки. Свет полоснул по воспаленным глазам. Как же он ненавидел весь этот мир, кто бы знал!

В дверь кабинета осторожно поскреблись. Проскользнула вечно испуганная секретарша. Сегодня на ней были возмутительно короткая юбка и обтягивающий топ. В пышно взбитых волосах — искусственная роза. Господи, какая пошлость!

— Я извиняюсь...

— Что тебе? — недовольно спросил он, мечтая запустить в нее бокалом. Сто раз он ей говорил, что в русском языке нет слова «извиняюсь», но она с тупым упорством продолжала твердить свое. А еще коренная москвичка! Он давно заметил, что те, кто называют себя коренными москвичами, совершенно не приспособлены к реальной жизни. И к тому же они плохо образованны. Этот факт примирял Демиурга с тем, что сам он не был коренным москвичом.

— Там журналисты звонят...

— И что? — ее тупость иногда просто раздражала.

— Что им сказать?

— А что они хотят? — костяшки пальцев у него побели. Еще немного, и бокал хрустнет. Он как-то отстраненно и неприязненно воспринял свою руку,

тонкое стекло с зеленоватым отливом, словно сидел в первом ряду и смотрел скучную пьесу. — Чего они хотят, я спрашиваю?! — заорал Демиург, срываясь на отвратительный визг-хрип.

Девушка попятилась. Ее хорошенькое личико покрылось красными пятнами. Еще немного, и заплачет.

«Уволю, — с тоской подумал он. — Всех уволю. В первую очередь отдел кадров. За то, что принимают на работу таких идиотов. И эту идиотку тоже уволю».

— Расслабься! — сказал он уже намного спокойнее. — Итак, на приеме журналисты, и они хотят мне задать вопрос. Какой именно?

Она жалобно всхлипнула, будто он поставил перед ней непосильную задачу.

Он снова остался недоволен собой, и от этого недовольства пришел в еще большее раздражение. Нельзя показывать своих эмоций. Никогда. И ни перед кем. Но эта девица его выводила из себя. Зачем он только переспал с ней тогда? Вопрос, на который нет ответа. Кукольная красота возбуждает, но после вызывает презрение. Помнится, особого удовольствия он так и не получил. Банальный трях на начальственном кожаном диване. Быстро, остро и все последующие дни — изжога. Раздражало еще и то, что девица, похоже, положила на него глаз. Идиотка! Кто она и кто он!

Она молчала. Когда она молчала, то казалась невероятно хорошенькой. Интересно, почему бог не дает красоте мозги? Все умные женщины, которых он знал, были уродливы и асексуальны.

— Я тебя внимательно слушаю, — сказал он почти ласково, и она, ободренная фальшивостью его тона, нерешительно улыбнулась.

— Они про этот... как его... «EUROsong» спрашивают.

— Ты не уточняла, что именно их интересует?

— Сайт какой-то...

В животе что-то ухнуло и оборвалось. Он мгновенно протрезвел и подобрался.

— Переведи на вторую линию.

Через пару секунд телефон мяукнул.

— Здравствуйте, — журналист был тороплив и нетерпелив. — У меня к Вам только один вопрос. Как Вы относитесь к сайту Killingstars.ru?

Он перевел дыхание. Были ему знаки, были. Но когда Демиург ответил, его голос был привычно вальяжен, с нотками бархата и снисходительности:

— Профессиональная работа.

— Что Вы имеете в виду? — журналист мгновенно сделал охотничью стойку.

— Только то, что я сказал. Сайт сделан профессионально. То же самое можно говорить и о его раскрутке.

— То есть Вы это одобряете?

— Не перевирайте мои слова. Сегодня только и говорят, что об этом проекте. Но сама идея... — тут он сделал мастерскую паузу, и журналист затаил дыхание. — Сама идея нелепа. Во время конкурса все артисты будут в полной безопасности. Глупо думать, что кто-то действительно захочет убить звезду на глазах у миллионов зрителей. Мое мнение: данный сайт — отличный PR-проект. Вопрос, какие его истинные цели. Но этот вопрос уже не ко мне, а к его авторам.

— Кстати, об авторах. Есть версия, что за данным проектом стоит известный человек, который, возможно, работает в российском шоу-бизнесе. Что Вы об этом думаете?

— Ничего, — улыбнулся он. — Это всего лишь версия.

— Но, как любая версия, она имеет право на существование!

— Разумеется, но было бы интересно узнать, откуда у Вас такая информация? Птичка на хвосте принесла?

— У меня нет возможности раскрывать свои источники информации, — попытался выкрутиться журналист.

— Тогда у меня нет возможности говорить с Вами.

Это был избитый прием, но собеседник угодил в расставленную ловушку.

— Хорошо, хорошо... — в трубке раздался тяжелый вздох. — Но я рассчитываю на Ваше понимание. Это конфиденциальная информация. В общем, у нас есть свой человек в оргкомитете конкурса. Его информации вполне можно доверять. По словам нашего источника, организаторы боятся, что все угрозы, высказанные на сайте, реальны, и в финале конкурса возможно убийство.

— Но с чего Вы взяли, что автор сайта — человек из шоу-бизнеса? — нарочито удивился Демиург.

— А Вы его блог читали? Там открытым текстом говорится, что он ненавидит шоу-биз. А ненавидят его только те, кто оказался в этой системе.

«Блестящая логика, и не подкопаешься», — мысленно усмехнулся Демиург. Он вспомнил, в каких условиях писал эти посты: оказывается, как легко ввести людей в заблуждение! Они видят только то, что хотят видеть.

— Допустим, Вы правы, — согласился Демиург, — и автор сайта действительно имеет отношение к шоу-индустрии. Но, честно говоря, я не представляю себе, каким образом он может убить артиста. Это нонсенс! Вы понимаете, каков уровень безопасности на мероприятии такого масштаба?

Журналист рассмеялся.

— Уровень представляю, и Ваши слова имели бы смысл, если бы не одно «но»...

— И какое же «но»? — невольно заинтересовался Демиург.

— Про уровень безопасности имеет смысл говорить в любой другой стране, но только не в России. В России нельзя давать никаких гарантий — ни на что. Тот, кто это делает, полный идиот. **Мы живем в самой непредсказуемой стране, где возможно все: от переворота до атомного взрыва.**

И заметьте, во всем будет виноват пресловутый человеческий фактор. Я не удивлюсь, если в самый ответственный момент вся система безопасности окажется негодной. Вся и сразу. К тому же не стоит сбрасывать со счетов человеческую жадность. Все в этой стране продается и покупается. Люди не исключение. Не мне Вам об этом рассказывать. У Вас наверняка есть свои источники, которые вы прикармливаете. У меня свои источники, и я их тоже прикармливаю. У каждого своя цена. Все продается и покупается.

— Эту службу безопасности купить не удастся, — сказал Демиург, скорее отвечая собственным мыслям.

— Можно проверить службу безопасности, но кто обратит внимание на обслуживающий персонал?

«А вот за эту идею тебе отдельное спасибо!» — поблагодарил Демиург собеседника, естественно, про себя. И как он сам до этого не додумался? Обслуживающий персонал. Те, на кого никогда не обращают внимания. Уборщицы, рабочие, монтажеры, звукооператоры...

Если грамотно продумать схему убийства, то можно будет задействовать самых разных людей, и, самое главное, они не будут знать, что стали соучастниками преступления. Зато сколько подозреваемых появится у следствия! Ай да журналист, ай да генератор идей! Что ж, можно было бы его подкормить за это какой-нибудь сплетней.

— Вы были откровенны, — сказал Демиург. — И я хочу ответить Вам тем же.

На том конце трубки возникла пауза. Собственно, журналист не сказал ничего такого. Но и Демиург в свою очередь не собирался перекармливать собеседника информацией, так, по мелочи.

— До меня тоже доходили определенные слухи. Согласно моим источникам информации, автором сайта может быть один из участников конкурса.

— Что? — журналист не мог поверить своей удаче. — То есть это чистой воды пиар-проект?

— Получается, что да.

— И кто, на Ваш взгляд, за всем этим стоит?

— А Вы проанализируйте рейтинги. Посмотрите, кто постоянно находится в пятерке лидеров. Думаю, что Вы сами найдете ответы на свои вопросы.

— Господин Разумовский является продюсером одного из артистов. Не кажется ли Вам, что он мог бы...

— Вы сами сказали, что в нашей стране возможно все, — голос Демиурга приобрел ту самую вкрадчивость, которая так всем импонировала. — Если и так, то я ничему не удивлюсь. У Андрея Константиновича работают прекрасные специалисты. В том числе и по пиар-технологиям. А теперь извините, молодой человек, у меня важная встреча.

Демиург повесил трубку. Сплетни — самый эффективный прием в пиаре. Намеки — не менее эффективны. А в сочетании они дают совершенно убойный эффект.

Этим приемом он пользовался часто и не без успеха. Запускаешь сплетню через пару-тройку тупых персонажей, вроде таких, как его секретарша, и сплетня тут же идет в народ, жирея от подробностей и вымысла.

Пусть они укрепятся в мысли, что сайт организовал кто-то из воротил шоу-бизнеса. Пройдет время, и он, Демиург, намекнет, что за сайтом действительно стоит господин Разумовский. И повод для обвинения можно найти — драгоценная супруга Разумовского, эта певичка Минор, не прошла отбор на национальном конкурсе, вот стареющий мачо и затаил обиду на Первый канал. А то, что Разумовский спонсирует конкурс, — дополнительный плюс. Что-то вроде алиби. Кто заподозрит курицу, несущую золотые яйца, в том, что она намеревается уничтожить курятник?! И Наташе придется хлебнуть весьма неприятный коктейль — из сплетен и грязных подробностей. На нее у него тоже кое-что было, но выносить этот сор из звездной избы Демиург покамест не собирался. Не время. Этот «золотой слиток» он прибережет, как величайшую драгоценность. Минор у него еще в ногах валяться будет...

Он вызовет ее сюда под вечер накануне конкурса и пропустит через все круги ада, а когда она станет его умолять — не рассказывать о том досадном эпизоде мужу, он займется с ней сексом. Это будет последняя ночь любви в России — самая сладкая и самая романтическая. Они оба ее запомнят. На всю оставшуюся жизнь. Он все тайно запишет на пленку и потом будет прокручивать ее в сезон муссонных дождей. Демиург задумался: а идут ли в Австралии муссонные дожди? По географии у него всегда была двойка... Если и нет, то с его приездом они начнутся. Обязательно.

Настроение у него улучшилось, противный ледяной шарик рассосался. Стало весело и хорошо. Он просто много работает в последнее время, вот и перенапрягся, устал, а потому и переоценил интеллектуальные возможности тех, кто идет по его следу. Да и пил больше положенного. С виски вообще надо завязывать. Ничего они не найдут и не докажут. Что у них есть? Айпишник мертвого человека, когда-то эмигрировавшего в страну кенгуру и умершего от передоза, больше ничего. Вот пусть и думают, что игра ведется с того света.

Хм, неплохая идея. Надо бы ее развить. Бросить косточку журналистам, пусть копают. А что накопают? И тут можно помочь — сочинить несколько историй, противоречащих друг другу. Есть у него на прикорме пара голодных сценаристов: задай тему — «Войну и мир» сбациают, да так, что Лев Толстой в гробу перевернется.

Так... что у нас на сайте нового...

Он лениво проверил IP-адреса последних посетителей. Вдруг лазутчик от Разумовского? Хотя как его найдешь, когда столько желающих оставить свой след в истории.

Вскоре у него зарябило в глазах от цифр и стран. С последнего его визита посещаемость действительно увеличилась. Люди с увлечением играли

в смерть. Смерть представлялась увлекательным приключением. Романом с продолжением.

В гостевой все было по-прежнему: сайт хвалили, ругали, снова хвалили и снова ругали. А вот и парочка настоящих виртуальных маньяков, с комплексом собственной значимости, но они его не пугали. Чем больше беснуется такой человек, тем больше внимания к сайту. Резвитесь, ребятаки, резвитесь. Все для вас!

Может, эротики добавить? Было у него в заглавнике несколько пикантных фотографий... Достались случайно: тот самый фотограф слил по дешевке. На дозу не хватало. Тогда и айпишник свой засветил. Остальное — дело техники. Демиург вспомнил их последнюю встречу.

Они сидели в бунгало, на берегу океана, и тот вечер чем-то напоминал финальную сцену фильма «Достучаться до небес», за тем лишь исключением, что только один герой готовился умереть, а второй намеревался прожить долгую и счастливую жизнь.

— Вот, — фотограф напоминал полутруп. Землистый цвет лица, дрожащие исколотые руки. — Здесь все, что ты хотел.

Демиург взял конверт и равнодушно заглянул в него: несколько карт памяти, на которые уместилась человеческая жизнь. Точнее, много-много жизней, много событий. Некоторые из них до сих пор представляли важность. И он был готов за них хорошо заплатить.

Как и где снимал, Демиург фотографа не спросил. Взял конверт, передал через стол деньги и вышвырнул посетителя вон. Не потому не спросил, что интереса не было, а от природной безразличности. Демиург ненавидел любые формы зависимости, но наркотическую — особенно люто. Если узнавал, что его артисты балуются наркотиками, рвал отношения сразу — жестко и навсегда.

Купюры рассыпались по песку, и фотограф собирал их долго и некрасиво. А затем нетвердо пошел кромкой моря, спотыкаясь и падая. Демиург смотрел ему вслед, не испытывая никакой жалости. Глупо умирать в раю и уж тем более — умирать от этой заразы.

Он очнулся от воспоминаний и вновь открыл архив на компьютере.

Снимки были настоящие, еще не обработанные в фотошопе, и он по-мужски прищелкнул языком, увидев, что скрывается под многослойными одеждами одной из звездочек — секс-символа эстрады. Это на Западе артисты спокойно реагируют на подобный компромат, Россия — совсем другое дело. Внешний вид звезды — ее капитал. Никакого целлюлита, никаких морщин и лишнего веса. Секс-символ безупречен, он должен вызывать только одно желание — сексуальное. А тут... А тут к нам незаметно подкралась старость, лень и потакание собственным слабостям.

Так как там насчет эротики? Несколько фотографий на главной странице сайта, эдакая заманушка... Клубничка со сливками. Затем можно слить оригиналы какому-нибудь желтушному изданию. У Демиурга все

пристойно и красиво — в черно-белом цвете, у публики же вкус дешевый, вульгарный, ей цвет для остроты эмоций подавай, чтобы можно было разглядеть все эти бугорки в натуре. Посмаковать на чужом несчастье. Кинуть ссылку друзьям: «Погляди, какая эта звезда на самом деле — толстая и старая». Конечно, звезда будет рыдать, грозить скандалом, судом, долгими и нудными разбирательствами, ее покровители начнут «охоту на ведьм», но это потом...

А пока...

Он сравнил два варианта — цветной и черно-белый. Второй нравился больше. Черно-белая гамма приглушает недостатки и делает их изысканными, а людей неживыми.

Размещать или нет?

Подумав, он все же отказался от этой идеи. Публику нельзя перекармливать деликатесами, **публика должна быть слегка голодной. Если ты каждый день лопаешь жареную картошку, то вкус икры будет для тебя особенным, как и пирожное «Наполеон». По статистике, 95% людей испытывают голод на события. Они скучают в реальной жизни.**

Дайте им хлеба и зрелищ, но не перекормите, только в этом случае есть шанс сохранить интерес к проекту.

Он решительно закрыл папку на рабочем столе. Пусть фотографии пожелтеют. Их звездный час наступит позже.

За неделю сменился и состав лидеров. После нескольких рекламных роликов с участием Мадмуазель, показанных по Первому каналу, она снова вырвалась вперед. Он осторожно погладил прекрасное лицо, сверкнувшее на мониторе. Она слишком хороша, чтобы умереть. Но именно такие и умирают. Впрочем, у брутальной украинки, представлявшей Россию, появилась своя группа поддержки. Как легко публика верит газетным статьям и публикациям в Интернете! Достаточно намекнуть на своеобразные политические взгляды звезды, как в ее адрес пошел негатив. Глупые, глупые люди. Кому вы верите?

Слово — великое оружие. Словом можно убить, словом можно возродить. Словом можно управлять и вершить свой собственный суд.

Он допил виски и отвернулся к окну, наблюдая, как вечно юная и прекрасная Москва утопает в ранних лиловых сумерках.

МОСКВА

1. Я проснулся в пять утра и первые минуты не мог понять, где нахожусь. Затем память услужливо подсказала: ты в Москве, Нежданов. Сейчас пять утра, а ты выспался. С чем тебя и поздравляю!

Ну, и что мы будем делать? Несмотря на бешеный столичный ритм и утверждение «Moscow never sleeps», пять утра — не лучшее время,

чтобы назначать встречи. Тем более с такими людьми. Придется подождать. Что делать современному человеку в Москве в пять утра? Разумеется, включить компьютер.

Иногда мне кажется, что **сетевая жизнь любого из нас намного ярче и интереснее, чем реальная. Если вдуматься, в Сети мы общаемся намного чаще, чем в реальной жизни. И там мы совсем другие.** Дело не в никах, а в особой виртуальной атмосфере. Кажется, здесь возможно все. Долгое время я не верил, что люди могут познакомиться в Сети, затем встретиться в реале и начать жить вместе. Но и такое возможно. Как и общение, которого нам так не хватает в реальной жизни. Сеть с лихвой восполняет этот голод. Общаться можно сутками напролет, теряя ощущение реальности.

Другое дело, что степень открытости у всех разная. Кто-то всячески скрывает свою настоящую жизнь и всерьез переживает, если случайно найдет свою фотографию в фотоальбоме виртуальных друзей. Кто-то — максимально открыт, допуская всех любопытных в свой мир. Такой допуск — высшая степень доверия людям, но я готов рискнуть, сколько бы меня ни предупреждали о возможных последствиях. Я уверен — хороших людей намного больше, чем плохих. Именно на хороших людях и держится весь мир. Когда в твоей душе царят гармония и позитив, ты настроен на творчество, ты искренне радуешься успехам друзей, и твоя энергия заряжает все вокруг. **Есть даже такой термин «позитивная паранойя», когда человек настроен только на хорошие события и на встречи с приятными и симпатичными людьми. Если так, то я стопроцентный позитивный параноик. Я верю, что жизнь — это самое невероятное приключение, которое случилось с тобой, и это приключение длится очень-очень долго.**

Именно поэтому я так спокойно впускаю знакомых и незнакомых людей в свою жизнь. Спокойно загружаю свои фотографии, спокойно пишу о том, что происходит вокруг. Многие приукрашивают себя в Сети, например, фотошопят свои фотографии, создавая совершенно новый образ, далекий от реальности. У меня на это нет времени. Да и зачем? После долгих размышлений я решил, что **люди должны меня знать таким, какой я на самом деле. Похудел я или потолстел, выгляжу усталым или, напротив, могу продемонстрировать идеальный средиземноморский загар. Бывают разные периоды в жизни, когда мы выглядим по-разному. Но было бы глупо стесняться своего внешнего вида. В общем, было бы глупо стесняться себя самого. Я такой, какой я есть. Всем все равно не понравлюсь, главное, чтобы я нравился себе. Только не подумайте, что я отрицаю идею самосовершенствования. Напротив, она мне очень импонирует. Человек должен постоянно идти вперед и становиться лучше. Иначе он деградирует.** Я невольно вспомнил Костика и вздохнул. Вот тот самый случай, когда отличный профи, интересный человек решил, что достиг потолка и остановился на полпути, решив отдохнуть и расслабиться. В итоге человека больше нет. А какие были задатки! Впрочем, не будем о грустном.

Я кликнул на свою страничку на Вконтакте.ру. Вот еще один довод в пользу того, чтобы быть открытым. Я обожаю <http://vkontakte.ru/> и считаю **Павла Дурова** гением. «ВКонтакте» — это сетевой проект, который помогает людям поддерживать связь с близкими людьми. ВКонтакте — самый посещаемый ресурс русскоязычного сегмента сети интернет. ВКонтакте является лидером во всех сферах, связанных с интернет-коммуникацией. **Интернет-ресурс №1** в России, самая посещаемая социальная сеть в России (TNS Gallup). Только в Сети за считанные минуты ты можешь найти нужного тебе человека, способного решить проблему. Сколько раз так было со мной! Друзья помогали организовать свадьбу брату, получить визу, снять деньги со счета, когда счета были заблокированы из-за кризиса. Историй сотни. В этом, кстати, плюс и шоу-бизнеса.

Шоу-бизнес — структура, которая работает... по понятиям. Оказав услугу, ты можешь рассчитывать на ответный жест. И подчас ответная услуга бывает намного полезнее, чем твоя. Я не раз сталкивался с тем, что за вовремя сказанный комплимент или хорошее портфолио люди творили для меня настоящие чудеса. То есть им эти чудеса ничего не стоили, а для меня они были чем-то волшебным. Скажем, мог ли я представить, что Филипп Корольков по моей просьбе позвонит моей маме, чтобы поздравить ее с днем рождения? Для него это просто телефонный звонок, а для меня очень важная услуга.

На самом деле, вот это и есть тот самый истинный пиар. Пиар — это человеческие отношения, полезные связи. И фишка в том, что ты никогда не знаешь, кто может тебе пригодиться в тот или иной момент. Конечно, я не говорю, что все в шоу-бизе повязаны крепкой и искренней дружбой. Дружба — понятие эксклюзивное, редкое. Но хорошие приятельские отношения никто не отменял. Когда я только пришел в эту систему, знакомые подсказали: отношения со всеми должны быть равными и дружескими. Ты никогда не знаешь, кого судьба вознесет на звездный Олимп, а кого низвергнет. Это звездная рулетка. Хочешь быть в теме — улыбайся и симпатизируй всем. Это не так уж и сложно. Но зато полезно.

Хотя, конечно, случаются и неприятные вещи. Несмотря на твое доверие и доброе расположение. Как известно, дорога в ад вымощена благими намерениями. Я не говорю, что в Сети множество неадекватных и завистливых людей: с этим сталкивается любой более-менее известный человек. Общаться с завистниками бессмысленно, единственно правильно — игнорировать. Те, кто поумнее, понимают причины игнора и со временем исчезают из моего виртуального мира. Но есть и такие, кому чужой успех не дает покоя.

Вот, к примеру, недавняя история на Одноклассниках.ру. Был у меня аккаунт со звездочкой и десять тысяч друзей. Свыше 100000 оценок и 600 подарков. Много? Мало? Нашелся человек, которому это показалось слишком жирным бонусом судьбы. И однажды мой аккаунт взломали.

Передать, что именно я испытал в тот момент, невозможно. Казалось, в одночасье рухнула вся жизнь. А вместе с ней доверие к людям. Вернуть

аккаунт мне отказались. И тогда я разозлился.

Мне не раз в жизни приходилось начинать все с чистого листа. В душе поселился азарт: а получится ли с нуля раскрутить свой аккаунт заново?

Я завел новый аккаунт, рассчитанный на 500 друзей, и стал добавлять своих реальных друзей и звезд. Оценки росли в геометрической прогрессии, и тогда, анализируя события последних дней, я придумал новую фишку. Раз вы ограничиваете меня в количестве друзей и звездном статусе, тогда буду загружать фото без ограничения. Сто, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот... В итоге сейчас фотографий 15 тысяч. Пять лет моей жизни: где я полный и худой, смешной и серьезный, за работой и на отдыхе, лучшие фото из поездок по миру. Идея на поверхности лежала, а придумал ее я. Чем больше фишек в твоей жизни, тем лучше.

— Привет! — сигнализировал Макс Мудаев.

Практически сразу высветилось и второе приветствие со смайликом. Это Вика.

С Викой Мозолевакой мы познакомились год назад. Хотя слово «познакомились» в данной ситуации выглядит довольно странно. Вика — мой виртуальный Ангел-Хранитель, я очень люблю и ценю ее. Она чувствует настроение на расстоянии и всегда умеет подбодрить: добрым ли словом, прикольным смайликом, оценками за фотографии. Когда у меня нет времени, именно Вика помогает мне с публикацией фото в моих аккаунтах в социальных сетях. Для кого-то это, быть может, мелочь. А для меня очень важно: такая поддержка дорогого стоит.

Макс также для меня на протяжении нескольких месяцев был человеком X.

Я не знал, кто он на самом деле, сколько ему лет, как он выглядит, так как фотография в аккаунтах была ненастоящей. Однако спустя полгода виртуального общения мы с ним встретились. Оказалось, что это молодой пацан, Макс тогда только исполнилось семнадцать лет. Поэтому свою настоящую фотографию он побоялся поставить: думал, что я откажусь с ним общаться. Опасения были напрасны.

Макс стал админом моего дневника. Когда я куда-то уезжаю, он пишет статьи, посты. Периодически я сбрасываю новые фотографии из-за границы, и он оперативно выставляет их в дневнике.

Я немного пообщался с Викторией и Максимом. Друзья в шутку называют меня Юлием Цезарем — за уникальную способность делать несколько дел одновременно. В частности, я могу набивать сообщения, отвечать на письма, говорить по телефону и не потерять при этом ни единой нити разговора. Способность, полученная благодаря профессии: в современной журналистике нет времени на раздумья, все нужно делать быстро и хорошо. Быстрота не отменяет качества.

Также в Интернете я всегда рад пообщаться с **Яной Лозовик**. Когда-то она была моим серьезным оппонентом в Сети, мы были соперниками в одном

конкурсе, но потом стали хорошими друзьями. Она всегда поддерживает, хотя и живет в Караганде. В человеке она ценит интеллект, чувство юмора, порядочность, вежливость, умение хорошо выглядеть. Яна открыта для общения, и я всегда рад ее виртуальной улыбке и нашей с ней переписке.

Я ответил на письма, загрузил новые фотки, и за этим приятным занятием незаметно прошло три часа. День начался.

А вот и Watchman. После нашего с ним последнего разговора у меня на душе остался легкий осадок. А я очень не люблю подобные ситуации. Немного поколебавшись, я все-таки рискнул написать, но ограничился банальными фразами. Обычно этого достаточно: если человек хочет ответить, он отвечает. Если нет — что поделывать. Любому общению рано или поздно приходит конец.

Письмо пришло практически сразу.

«Добрый день, Александр! Рад Вашему письму. Возможно, в наш прошлый разговор я показался Вам излишне резким. Если так, то прошу прощения. У меня свои причины не любить подобные конкурсы, причины, скажем так, личные. В свое время подобный конкурс на моих глазах буквально смял одного талантливого и хорошего человека. Возможно, он в чем-то сам был виноват: не стоит придавать значения подобным мероприятиям. Как бы там ни было, итог оказался печальным. Ни карьеры, ни личной жизни, ни веры в себя.

Однако у Вас другое мнение. И я это мнение не могу не уважать».

На душе потеплело. Я очень дорожу нашим общением, но до этого момента даже не представлял, как было бы больно и обидно его потерять. Я написал теплый ответ и не смог в конце удержаться от того, чтобы не спросить совета.

«Я не знаю, уместно ли просить Вас о помощи, но я опять в затруднительном положении. Похоже, это становится традицией. По крайней мере, во всем, что касается Разумовского. Наверное, Вы видели сайт Killingstars.ru. Сейчас я пытаюсь разобраться, насколько высказанные на нем угрозы серьезны. Хотелось бы узнать и Ваше мнение».

На этот раз письмо пришло через полчаса. Я успел позвонить московским знакомым, загрузить новые фотографии и договориться о съемке в районе Шаболовки.

«Проще простого оценить этот сайт с позиции психиатрии. Мол, все это сделал больной человек, который нуждается в лечении. Вот и результаты заочной экспертизы уже готовы. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны: кто в нашем обществе болен, а кто здоров? Если допустить (заметьте, я говорю «допустить»), что тот, кто решился на этот эксперимент, абсолютно здоров? Человек открыто выражает свои желания и стремления, что в этом такого? Вы скажете, что убийство ненормально по своей природе. Соглашусь с вами. Но Вы не задумывались, сколько людей ежедневно мечтают о том, чтобы в их жизни не стало того

или иного человека? И многие согласны приложить к этому руку. Если бы не страх наказания, то ежедневно в нашем обществе совершались бы тысячи преступлений. Если бы можно было получить индульгенцию, разрешение, лицензию на убийство, уверяю, выстроились бы целые очереди.

Мечтать — не значит убить. Согласен. И выражать открыто свои желания также неприлично. Но вот нашелся один. Кто рискнул. И посмотрите на реакцию, Александр. Страшно не то, что он сказал об этом вслух. Страшно то, как реагируют люди. Они голосуют. Голосуют за смерть себе подобного. Вам не кажется, что даже Стивен Кинг не смог бы предугадать такой поворот сюжета?! Не было бы спроса — этот сайт мгновенно захлох бы, сошел на нет. Но посмотрите, он процветает. Он в рейтинге. А рейтинг дает право на все, в том числе и на убийство.

В любой ситуации, какой бы парадоксальной она ни казалась, я ищу мотивы. Мотивы, Саша, это ответ на все Ваши вопросы. Если Вы поймете, зачем человек так поступает, Вы поймете механизм его дальнейших действий. И только на первый взгляд сложно разобраться в поступках другого. Самый главный вопрос, который стоит задавать в любых отношениях, — зачем человек это делает. Думайте и анализируйте, и тогда Вы поймете, зачем создан этот сайт».

2. На часах не было десяти, когда я вышел из дома. День обещал быть плотным, наполненным встречами и событиями. Но, как и принято в Москве, все события и встречи здесь носят спонтанный характер. Ты покидаешь квартиру и не знаешь, когда вернешься. Планировать что-либо бессмысленно: все за тебя планирует бешеный московский ритм.

По пути, сам не знаю, почему, я решил заехать в «Комсомольскую правду». Из цикла «начни утро с любимой газеты». «Комсомолку» я действительно люблю, пожалуй, это одна из немногих газет, которую читаю постоянно. И с девчонками из «КП» дружу — Машей Ремизовой и Леной Лаптевой. Именно они ассоциируются у меня с этой газетой — всегда в курсе всех новостей. Лена Лаптева пишет про рок-музыкантов — она корреспондент отдела культуры и светской хроники, Маша — специальный корреспондент этого же отдела, и ее профессиональный «конек» — шоу-бизнес.

Если мои подсчеты правильны, то сейчас в редакции время первой кофейной чашки. Все еще не проснулись, но уже в доступе — личном и мобильном.

Мне повезло. Маша и Лена — обе были на месте.

— А вот и Нежданчик! Чай будешь? Зеленый.

Они налили мне чаю и пододвинули шоколадную плитку. Знают, что сластена и ни дня не могу без сладкого. А ведь только вчера давал себе зарок: один десерт в неделю. Но то было вчера, а сегодня — это сегодня. Шоколадка была вкусной, чай горячим, и жизнь показалась на удивление прекрасной.

— Какие новости? — спросил я с набитым ртом.

Они синхронно улыбнулись:

— Да все те же, — ответила Маша. — Кризис. «EUROsong». Негусто. Профессиональному журналисту и разгуляться негде. Хоть бы женился или развелся кто-нибудь — и то развлечение.

— Не прибедайся, — усмехнулась Лена. — Профи и на этом безрыбье информационный повод найдет.

— Какой, к примеру? — взгляд у Маши — сама невинность. — Где копать, Лен? Про кризис уже невозможно ни писать, ни читать. Совсем у народа крыша съехала из-за этого кризиса.

Лена расставленную ловушку словно и не заметила.

— Не знаешь, не копай. И журналисту порой надо взять тайм-аут. Хотя что-то подсказывает, что одну «траншею» мы с тобой уже не первый день копаем с разных сторон. На середине встретимся. И как, спрашивается, славу делить будем? Может, имеет смысл объединиться?

— Что-то не помню я, чтобы в последнее время писала о рок-музыке, — подколола коллегу Маша.

— А ты и не пишешь ничего, — не осталась та в долгу. — Зависаешь на одной и той же странице, изучая рейтинги.

— Ты про этот сайт? — оживилась Маша.

Я мгновенно сделал охотничью стойку: в левой руке чашка, в правой — тающий кусочек шоколада. На лице — вежливая заинтересованность. Но, похоже, мое напускное равнодушие девушек не обмануло.

Бросив на меня короткий взгляд, Лена кивнула:

— Про него. Ну так как? Ты в теме? Или будем копать поодиночке?

Маша задумалась.

Любой журналист знает, как тяжело расставаться со своей темой, особенно если потратил на ее разработку массу служебного и личного времени. Однако бывают такие ситуации, когда коллегам приходится объединяться, чтобы собрать более «вкусный» и интересный материал. Похоже, тут был тот самый случай. Когда личные амбиции ушли на второй план. На первом осталось глгчее любопытство и желание докопаться до истины.

— Хорошо, — сказала наконец Маша. — Но слава пополам. Информация тоже.

Лена, похоже, не возражала: ни против информации, ни против славы. У них вдруг стал такой заговорщицкий вид, что я испугался: вот сейчас встанут и уйдут. А я? Меня-то забыли! Непорядок, девочки! Я тоже в доле, тфу, то есть в теме.

— А мне расскажете? — вклинился я.

Они с изумлением посмотрели на меня, словно увидели перед собой статую, которая вдруг заговорила.

— А смысл? — пробормотала Лена, которая явно не знала, как вежливо отказать. — Мы тут пашем, надрываемся, расследуем, а ты шоколадки

лопаешь. Где справедливость?

— Справедливости нет, полковник! — ответил я цитатой. — Так ведь и я вам чем-нибудь да пригожусь. Не сейчас, так потом.

Маша фыркнула:

— Нежданов, ты же не мышка-норушка и не лягушка-посакашка, чтобы сказочные услуги оказывать. Какой с тебя толк?

— И спрос, — поддакнула Лена. — Мы тебе расскажем, а потом прочитаем у конкурентов все, что было накопано непосильным трудом.

Я почти обиделся.

— Как телефончик узнать или фотку попросить, так, Нежданов — друг, а как информацией поделиться по дружбе, так я враг. Делать мне нечего — сливать конкурентам. Я когда-нибудь вас подводил? Когда-нибудь нарушал свое слово?

Они смутились:

— Нет, не было такого. Нежданчик, извини, но с этой темой кто угодно параноиком станет. Мир?

— Мир, — кивнул я, поскольку не обладаю злопамятностью, чего не скажешь об упертости. — Так что, по рукам? Расскажите?

Да что ж такое! Они снова замкнулись, словно две радистки Кэт на допросе. Ни слова не вытянуть.

— Да расслабьтесь, не стану я сор из избы выносить. Мне инфа для личного пользования нужна.

Теперь они сделали охотничью стойку.

— Личного? — пропела Маша и подсела чуть ближе.

— А что у тебя за личное? — Лена по примеру подруги также пододвинула стул поближе.

Черт! Не то я слово выбрал! Слово «личное» для любого журналиста — как красная тряпка для быка. Видит. Понимает. Остановиться не может. Я осознал: еще немного, и они вдвоем выпотрошат меня. Не прав был старик Мюллер, когда говорил, что тяжело работать с непрофессионалами. С профи — еще тяжелее. Тут всегда приходится держать уши на макушке. Черт, придется перестраиваться, сочинять на ходу, иначе информация о просьбе Разумовского пойдет в народ. А огласки мне сейчас очень не хотелось.

— Придет время — все расскажу, — отделался я неопределенным обещанием. — Скажем так, один из артистов попросил меня в конфиденциальном порядке выяснить, что происходит.

Уф! Даже почти не соврал.

— Уговорил, речистый, — решила Лена. — Но давай договоримся: только информация. Дальше тебя она никуда не пойдет. Слово?

— Слово Нежданова.

— С тебя станется, — пробурчала Маша, которой явно не нравилась эта идея. — Твой дневник иногда считаешь, и работать не хочется. Все знаешь,

про все рассказал, да еще и фотки классные выложил.

— Ладно, Маш, договорились же! Расскажем, но будешь должен, — предупредила Лена. — И чтобы информация дальше не пошла.

Я вспомнил про Разумовского и на секунду задумался. Входит ли он в понятие «дальше»? Судя по всему, не входит. Мы же о СМИ говорим. Тут все надежно: сливать информацию не в моих интересах.

— Договорились. Кто за этим стоит?

Они переглянулись и синхронно захохотали. Смех был слаженным, веселым и почему-то очень обидным. Я тупо пил зеленый чай и думал, что сказал смешного. Как-то неудачно начался сегодня день, меня все время поднимают на смех.

— Сань, ты только не обижайся, — Маша смахнула слезы, выступившие от смеха. — Просто ты с места в карьер задал вопрос, который задает вся Москва. Кто за этим стоит? Если бы ответ был прост, его бы знали все. Отвечаю — я не знаю. Может быть, Лене повезло больше.

— Не могу похвастаться. История странная. Мы ведь сначала восприняли сайт как дурацкую шутку. Даже написали о нем заметку. Сделали, так сказать, бесплатную рекламу. А народ взял да и поверил. Стал голосовать. Пробили рекламодателей — глухо. Пробили по звездам — никто ничего не знает, но все реально боятся.

— Чего боятся? — спросил я. — Или кого?

— Все боятся разных вещей, — подхватила нить беседы Маша. — С кем ни поговоришь, одна и та же картина: испуганные глаза, просьба выключить диктофон и в середине разговора шепотом. Мол, ничего не знаю. Дошло до того, что по телефону отказываются разговаривать. С нами согласились поговорить три человека, да и то — сами перезвонили в редакцию, чтобы избежать подвоха. А что касается страха... Наверное, сильнее всего боятся компромата. Вон, недавно слили снимки одной из участниц. Была девушка в фотошопе, стала — как мать родила и как природа сделала. Без ужаса не взглянешь. Нам потеха, для нее трагедия. Карьера, конечно, не закончится, но от звания секс-символа России придется отказаться. Не бывает у секс-символа такого целлюлита. Ну а кто-то реально смерти боится: вдруг этот аноним действительно убьет? Пусть и псих, но ведь конкурс изнутри, как свои пять пальцев, знает.

— Говорю тебе, это кто-то из своих, — поддакнула Лена.

— Администраторы? — я решил внести в беседу и свою скромную лепту. Мои прекрасные собеседницы лепту не оценили:

— Бери выше. У человека есть время, силы, деньги, связи. Выложить бесплатно в сеть компромат такого рода — сам понимаешь, больших денег стоит. Ему этих денег не жалко! Нате, люди добрые, кому надо — пользуйтесь. Раз есть деньги, то он будет знать, в какой гостинице остановился исполнитель, что он ест на завтрак, обед и ужин, с кем общается. В общем, вся подноготная человека. При таком раскладе никакая служба безопасности

не поможет. Вон, поговаривают, что приезд Мадмуазель под вопросом.

— И кому это выгодно? — и снова я не остался в стороне, демонстрируя чудеса дедуктивного мышления.

— Ты сегодня в ударе, Нежданов. Правильные вопросы задаешь. Срыв конкурса выгоден многим. Но прежде всего тем, кто отлучен от денежного пирога. Ты представляешь, какие деньги вложены?

Как раз это я себе представлял. И уровень денежных вливаний, и возможности тех, кто вложился в конкурс.

— Несоблюдение рекламного контракта — серьезная штука. Деловой партнер может и не понять. А деловые партнеры разные бывают, и прошлое у всех разное, и связи. В ситуации, когда само мероприятие под угрозой срыва, контракт могут и расторгнуть.

— Логично, — я незаметно стащил еще дольку шоколада. — Однако убийство, если, конечно, оно и произойдет, запланировано на самый финал. То есть реклама будет отработана по максимуму. Неувязочка...

— Неувязочка, — согласилась Лена. — Если бы не одно «но». В журнальной тусовке ходят упорные слухи, что рекламодатели делают ставку на конкретных артистов. Тех, кто войдет в пятерку лидеров. Возможно даже подписание контрактов. В эпоху кризиса лишние деньги никому не помешают. А тут даже интрига появляется: выиграет твоя ставка или нет. И вот представь теперь такую ситуацию. Рекламодатель вкладывает деньги в артиста, его товар прочно ассоциируется с этим человеком. А потом — хоп! — и звезду убивают. Как следствие — негативное отношение к рекламе. Сколько было таких историй!

— Вот-вот, — подхватила Маша любимую тему. — Помнишь историю с Татисией Степанюк и Олегом Жевуновым? Такой роман, такие страсти, еще немного, и нас ждет очередная звездная свадьба, о которой все только и будут говорить. Вот магазин «Коко» и подсуетился: выгодный рекламный контракт, сладкая парочка на всех билбордах и на всех маршрутках. Только запустили. А они возьми да поссорься. Масса грязных подробностей, всевозможные обвинения во всех смертных грехах и громкое расставание.

— Интересно, а на рекламе это сказалось?

— А ты как думаешь? Делали ставку на то, что пальто и куртки созданы для истинных влюбленных. А получился обратный результат. А уж когда Татисия вышла замуж за другого, тут вообще на рекламе можно было поставить жирный крест.

— Ну, почему... — с легким сомнением протянула Лена. — Количество упоминаний в прессе не уменьшилось, даже возросло...

— Вопрос — в каком контексте, — Маша упрямо стояла на своем. — И потом, частое упоминание одних и тех же вещей дает в конечном итоге обратный эффект. Вместо интереса возникает раздражение.

— Вот только не будем играть в психологические шарады. Нашего человека сколько звездами ни корми, ему все мало. Вот-вот лопнет

от обжорства, а все равно требует хлеба и зрелищ. Потому — возвращаемся к теме разговора — этот сайт и пользуется такой бешеной популярностью. Тут есть все, что нужно: и хлеб, и зрелища. Слухи, как десерт: аудиторию тянет на сладкое.

— Ты сама сказала, что это всего лишь слухи, — вмешался я.

— Нежданов, ты в какой стране живешь? — возмутилась Лена. — В России слухи — это без пяти минут правда.

— Девочки, мальчики, не ссорьтесь, — примиряюще сказала Маша. — Есть и другая версия. Более романтическая.

— И какая же? — прищурилась Лена.

— Мсть.

— Мсть?

— А что тут удивительного? Большинство преступлений совершаются именно по этой причине, как ни банально это звучит. Это только на словах мсть — блюдо, которое подают холодным. Ерунда, **мсть всегда обжигающая, она остра, а порой ядовита.**

— И все же как-то не верится, что в шоу-бизе можно мстить, да еще так экстравагантно.

— Вспомни, как проходил отборочный конкурс в России. Помнишь этот скандал?

Еще бы не помнить! Подбор артистов — разношерстных и не всегда профессиональных — выглядел в этом году более чем странно. Словно в безупречном полотне образовалась большая прореха, и она с каждой минутой увеличивалась в размерах, демонстрируя рваные отвратительные края. Складывалось впечатление, что конкурсантов собирали наспех с тем, чтобы победил один, не обязательно лучший, не очень яркий и не особенно харизматичный. В шоу-бизе побеждает всегда тот, на кого поставили. Вот только до определенного момента ставки не раскрываются. И ты не знаешь, чья «лошадка» пришла первой.

Большинство в нашей тусовке делали ставку на Калерию, чей сильный голос и стопроцентная европейская внешность могли стать дополнительными козырями на конкурсе. Да и песня была сильная, пусть не в европейском, а американском ключе, но все же... Это был настоящий хит, у которого были все шансы на победу. Мне показалось, что и сама Калерия была уверена в том, что именно она будет представлять Россию на конкурсе. По крайней мере, вела она себя соответственно: с едва заметным высокомерием, отличающим победителя от побежденного. И когда я почувствовал флер этого снобизма, то в душе наступило некоторое разочарование: значит, интриги не будет. Все заранее решено. Но с другой стороны, она была достойна победы, и будь я на месте телезрителей, голосовал бы за эту певицу.

Пела она великолепно, выглядела сногшибательно, и, казалось, иной финалистки нам и не дано: пока звучала песня, мы все думали, что именно с Калерией Россия может победить во второй раз. Была такая мечта-

идея у всех, да только она оказалась несбыточной. Правда, поняли мы это не сразу, а только в процессе конкурса.

События развивались совсем не так, как ожидалось. Для раскочки аудитории выпустили несколько неизвестных групп: симпатичные гламурные мальчики, не менее симпатичные девочки, обтянутые разноцветной кожей, с разноцветными же косичками. Не очень интересные песни с банальной аранжировкой и примитивным текстом. Недоумение от происходящего: это фарс или действительно финал отборочного конкурса?

После выступления Калерии шоу оживил мужской квартет. Певица явно занервничала. Квартет выступил на удивление красиво и сорвал искренние аплодисменты.

Однако в последний момент в лидеры вырвалась молодая звездочка из Украины. С песней на украинском языке. Вот она-то и победила.

Результаты голосования удивили многих. Возникла мысль о подлоге. Когда результаты не устраивают большинство, всегда возникает такая мысль. Муж Калерии, известный продюсер, потребовал проверки результатов. Общественность поддержала. Скандал быстро набирал силу, но вдруг резко — практически на излете — оборвался. Продюсер заявил, что его жене выступление в данном конкурсе больше не интересно. Причина — запись сольного альбома. Причина более чем серьезная, но лично я в нее не поверил. И на то имелись кое-какие основания.

Признаться, Калерию я фотографировал только несколько раз в жизни, но и этого было вполне достаточно, чтобы понять, насколько важен этот конкурс для ее биографии. Важна не победа, а участие. К тому же она всегда была сильной певицей, и, кто знает, у России при правильном пиаре мог бы действительно появиться шанс и второй раз принять конкурс. Может, не в Москве, а, скажем, в Питере. Это уже детали.

Почему они так легко отказались от борьбы? Ведь был шанс на пересмотр голосов. Хватало и связей, и денег. И почему в последний момент столь яркую и профессиональную певицу обошла юная фабрикантка? Вот этого мне не понять, как ни старайся. Есть игры, правила которых нам совершенно недоступны. Иногда мне кажется, что даже участники этих игр сами не знают до конца этих правил и большую часть времени играют с завязанными глазами.

...Я задумчиво схромал последний кусочек шоколадки. В голове царил полная каша. Если за сайтом стоит муж Калерии, то я пас, ребята. Пусть сильные мира сего бьются между собой сами. Попадешься под ноги — костей не соберешь. В рекламу соваться мне тоже не хотелось. Там свои нюансы. Да, если честно, не особо я и верил в эту версию. Вложить деньги в звезду, чтобы на финише она принесла большие деньги? Шоу-биз — не ипподром. Это на скачках можно, поднаторев, поставить на верную лошадь. А в шоу-бизе? Это ж многоуровневая игра, результат которой практически не предсказать. Где гарантия, что ты вложил деньги в нужного артиста? Нет

у тебя никакой гарантии. А вдруг звезда станет аутсайдером, заняв последнее место? И такое случается. Вроде лидер, лидер, а потом — раз! — и сошел с дистанции. Кусай потом локти, что интуиция подвела. Так рисковать может человек, которому не жалко денег. А где такого найдешь в финансовый кризис? Правильно. Явно не в России.

Девчонки уже переключились на обсуждение своих милых дамских радостей, как вдруг я вспомнил, зачем, собственно, пришел в «КП».

— Слушайте, кто-то говорил, что у вас скоро будет горячая линия с Филиппом Корольковым...

— Ну, ты даешь, Нежданов! — присвистнула Маша, игнорируя приметы о том, что денег не будет. Плевать она хотела на эти приметы. Если верить, что деньги будут, они будут. — Она же сейчас идет.

Лена взглянула на часы и уточнила:

— Уже заканчивается! Думаю, Филипп уже автографы раздаст.

— А что так рано? — возмутился я. — Еще и двенадцати нет. Кто в такое время «горячие линии» устраивает? Да еще в будний день!

— Желание звезды для нас закон. У Филиппа сейчас все дни поминутно расписаны. Подумаешь, утро! Там телефоны все раскалились: народ звонит и звонит. Прорвало население: давно такого аншлага не видели! В общем, если хочешь его застать, топай прямо по коридору, иначе опоздаешь.

Это была самая настоящая удача! Я быстро попрощался и помчался по коридору редакции, надеясь перехватить Королькова на выходе.

3. С Филиппом я познакомился на все том же «EUROsong». Мы ехали в одной машине, и он зачарованно смотрел на то, как я быстро набираю sms друзьям. Потом не выдержал и спросил:

— А как Вы это делаете?

Увлеченный процессом, я не сразу услышал вопрос. И только когда Филипп повторил его, я поднял голову и уточнил:

— Что именно?

— Вы очень быстро набираете и отправляете сообщения, — пояснил он.

— В первый раз вижу такую сумасшедшую скорость. У меня так не получается.

— Есть парочка профессиональных секретов, — признался я. — Знаете, даже марка телефона имеет значение. Есть такие модели, на которых скорее пальцы сломаешь, чем отправишь пару слов. Да и телефон надо настроить: забить в словарь как можно больше стандартных слов. А дальше дело техники и практики. Говорят, что победитель чемпионата мира по sms каждый месяц отправлял около 14 тысяч текстовых сообщений.

— С ума сойти! — воскликнул Корольков. — Это ж разориться можно! А в день сколько?

— Четыреста пятьдесят.

Он с ужасом посмотрел на свой мобильник:

— Нет, я так не сумею. Пусть уж медленнее, но без фанатизма.

Я рассмеялся. Несколько сотен сообщений в день действительно многовато, тем более для такой звезды, как Филипп.

Корольков не без уважения посмотрел на меня и после паузы спросил:

— Скажите, Саша, вот Вы так спокойно со мной разговариваете, без малейшего смущения или напряжения. Вы меня не боитесь?

Сказать, что вопрос меня удивил, значит, не сказать ничего. Наверное, если бы Корольков задал мне вопрос из курса ядерной физики, я бы удивился куда меньше. Но мне было приятно, что он знает, как меня зовут.

— А надо? — в свою очередь спросил я.

Он помолчал, словно и мой вопрос неожиданно поставил его в тупик.

— Нет, конечно. Не такой уж я и страшный. Не такой уж и скандальный, хотя иногда прочитаешь статьи некоторых Ваших коллег — и самому за себя неловко становится. Во всех смертных грехах обвинят и не заметят.

— Обвинения в грехах, как правило, не вызывают страха, скорее, любопытство, — заметил я. — Может, все дело в излишнем пиетете?

— Может быть, — кивнул он. — Пиетет тоже порой выводит из себя. И... утомляет. Вы никогда не думали, что чем имярек известнее, тем ему больше хочется нормального человеческого общения? Надоело, когда люди подходят и трясутся: кто-то от страха, кто-то от раболепия. Смотришь на такого, разговариваешь с ним, а у него ладони от волнения мокрые и колени, как у зайца, мелкой дрожью. Меня это раздражает. Сказано в Библии: не сотвори себе кумира. И правильно сказано. Как только это происходит, ты в кумире перестаешь видеть человека. И тогда общение идет наперекосяк.

Колени у меня не дрожали. Да и моим кумиром Корольков никогда не был. К артистам, с кем я работаю и неформально общаюсь, отношусь с уважением. На «вы» со всеми, пока мне не предложат перейти на «ты». Есть люди, которые «тыкают» всем незнакомцам, объясняя, что так принято. Не знаю, кем это принято, но мне кажется, что элементарной вежливости еще никто не отменял. Но поди-ка объясни это фанатичным поклонникам!

Любой фанатизм изначально лишен любви. Любовь предполагает искренний интерес к человеку, фанатизм же — своего рода эгоизм, причем эгоизм изначально больной, уродливый. Сколько примеров того, как фанатичные поклонники врываются в гримерки артистов, караулили около дома, звонили по ночам, угрожали близким. Спроси в тот момент фэна, зачем он это делает, он бы ответил: «А я люблю!» Вот и все объяснение. Но звезда-то, по сути, любви, тем более в такой форме, не просила. А в чем эгоизм? — спросите вы. Отвечу. Раз поклонник любит артиста, значит, артист (в представлении фэна) должен что-то дать взамен этой любви. Как минимум, бесплатные билеты на концерт. Как максимум — руку, сердце и все свое финансовое состояние. Иначе фэн обидится и устроит своему кумиру весьма креативный ад. А уж каким ад будет — коротким или на всю

оставшуюся жизнь, зависит от многих факторов. В частности, от изощренности и мстительности поклонника. А они порой весьма изобретательны. Угроза подорвать самолет, непристойные письма в почтовом ящике, ночные звонки, откровенные фотографии, разосланные по разным редакциям... В общем, все, что может придумать человек, чтобы отравить жизнь ближнему своему, воплощается и в мрачных фантазиях обиженных и якобы униженных фэнов. Меня самого несколько месяцев доставали ночными звонками. Сказать, что это раздражало, значит не сказать ничего. И только когда мне удалось внести номер в черный список, я вздохнул спокойно. Что уж говорить про звезд первой величины: они еще более уязвимы.

Помню, мы долго спорили на эту тему с Watchman. Он говорил, что глупо выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение. Вне зависимости от степени публичности, частная жизнь всегда должна быть скрыта от посторонних глаз.

— Поймите, Александр, — говорил мне Watchman, — вот Вы выставляете свои фотографии, не понимая, что привлекаете к себе внимание завистливых, а порой и психически нездоровых людей. Вы можете не верить в слезы, в порчу, я тоже в них не верю. Но есть некие мыслеформы, которые разрушающим образом действуют на нашу жизнь. Вот, к примеру, Вы похвастались своими контрактами, а контракты вдруг лопнули как мыльный пузырь. Совпадение? Возможно. Но если такие ситуации повторяются, то, скорее всего, в Вашем окружении появились люди, которые Вам завидуют. Будьте осторожны: зависть очень опасна. Нельзя выставлять фотографии своих близких, детей, моменты личного счастья. Люди любопытны, но они не любят, когда кому-то хорошо. Зачем вызывать зависть, если этого можно избежать?

Я тогда ответил, что не верю в человеческую зависть, но со временем стал понимать: мой виртуальный собеседник снова прав. И дело не только в зависти, дело в абсолютном неприятии моего образа жизни. Кого-то сильно раздражают мои частые поездки по миру, кого-то — знакомство со звездами, кого-то — я сам. Но есть и те, кто просто не может смириться с тем фактом, что я вообще существую на свете.

Звезда шоу-биза, особенно если ее имя у всех на слуху, раздражает миллионы. Любое событие вызывает мириады разговоров. **Если у известного человека все хорошо, ему завидуют, перебивают косточки, если в его жизни случается беда — злорадствуют. До какого-то момента я не верил, что можно порадоваться мысли, что от человека ушла жена или случилась трагедия с кем-то близким. Можно! Зайдите на любой форум, где обсуждаются новости из шоу-биза, и вы поймете, что я прав. Сколько злобы, сколько зависти, сколько неприкрытого негатива! Иногда становится страшно, когда представляешь, что по ту сторону экрана есть люди, которые тебя ненавидят. А теперь представьте, что вас люто ненавидит тот, кто еще совсем недавно питал к тебе теплые и искренние**

чувства. Говорят, от любви до ненависти один шаг. В отношении фанатов — это всего каких-то полшажочка.

Но есть еще одна прослойка фэнов — менее агрессивная, но более комплексующая. Своими глазами наблюдал, как симпатичная девица всеми правдами и неправдами пробилась через кордон охраны к своему кумиру. Тронула кумира за рукав концертного пиджака. Тот улыбнулся, сверкнув голливудской улыбкой. Девица взвизгнула и рухнула в обморок, умудрившись при этом порвать пиджак. Естественно, в обмороке обвинили артиста, раздув нелепейший скандал.

Говорят, что из двух зол надо выбирать наименьшее. Какой тип фэнов является наименьшим злом, я, честно говоря, не знаю. Стану звездой — поделюсь с своими соображениями. Хотя на ниве российского шоу-биза становиться звездой мне не очень хочется. По вполне понятным причинам. Но всего этого тогда я не то что бы не знал, но не сводил воедино, поэтому заявление Королькова меня несколько озадачило.

Так вот, кумиром Корольков для меня не был. Большим и самобытным артистом — да. И еще гуру в «EUROsong». Я уже тогда понимал, что он знает этот конкурс изнутри, как говорится, вдоль и поперек. Причем не только историю, но и специфику, так сказать, изнанку конкурса. «Изнанка» же — это почти 80% успеха. Филипп, как никто другой, чувствует предпочтения и капризы аудитории и может с точностью до 99% предсказать финал. Он настолько хорошо знает законы построения шоу, что может создать яркий, запоминающийся номер, который люди будут смотреть на одном дыхании. Так, к примеру, было с номером Ани Слопак. И если бы не победа Димы Вилана, Ани стала бы первой. Помощь Филиппа в свое время помогла и Диме Вилану добиться второго места и тем самым подготовить почву для финального, звездного рывка. В свое время только благодаря песне Королькова и умело продуманной пиар-кампании, Дмитрий Шаман смог вырваться на шестое место, что для Белоруссии стало весьма значимым результатом.

«EUROsong» — стихия Филиппа, а он мегамозг этого конкурса.

Запыхавшись, я пробежал по коридору и нагнал Королькова уже у самых дверей. Мне повезло, что кто-то из коллег попросил Филиппа дать очередной комментарий.

Филипп выслушал вопрос. Только по подергивающимся уголкам губ можно было понять, как он сейчас раздражен. Певец выглядел усталым. Впрочем, и вопрос был глупым. Из серии: «Ваши ближайшие творческие планы?» И почему его так часто задают? На этот раз вопрос касался того, почему Корольков вообще взялся за этот конкурс. Неужели непонятно?

Отвечая, Филипп казался воплощенной вежливостью и терпеливостью:

— Для меня этот конкурс очень важен. А то, что он проводится в России, важно вдвойне. Это не просто большая честь, это победа российской музыкальной индустрии и, если угодно, — долгожданный шанс продемонстрировать свои возможности в сфере шоу-бизнеса. Бытует мнение, что наш

шоу-бизнес — лишь жалкая подделка под американский или европейский. Я в корне с этим не согласен. Нам есть что показать! Нам есть чем удивить!

— Иными словами, Вы уверены, что Россия не ударит в грязь лицом и сможет провести конкурс на должном уровне? Планка задана высоко, но...

Журналистка сделала паузу, рассчитывая, что артист подхватит мысль. Знакомый с этим нехитрым приемом, Корольков устало молчал. Пауза затягивалась, они смотрели друг другу в глаза, ожидая, кто не выдержит первым. Сломалась коллега:

— Ходят слухи, что у России нет достаточных средств, чтобы провести конкурс на высоком уровне. Нет также и креативных возможностей, чтобы поразить воображение капризной европейской публики. Да и вообще — зачем тратить такие деньги в кризис, когда у половины населения нет денег на хлеб?

— Так уж и у половины? — усмехнулся Корольков. — У Вас есть результаты социологических опросов? По-моему, милая барышня, Вы сейчас занимаетесь демагогией. Журналистам вообще свойственно говорить за всех, подтасовывая факты так, как хочется. Я с осторожностью отношусь к заявлениям: все так думают, все знают, все поддерживают. Все — значит, никто. Есть еще один момент, который бы я хотел подчеркнуть. Вашей точки зрения придерживаются те люди, которым в принципе не нравится идея конкурса. Но то, что Вы говорите, как минимум не патриотично! Нам выпал шанс, и тысячи людей сейчас работают день и ночь, чтобы Россия смогла достойно предстать перед Европой. Я еще раз повторяю: заниматься конкурсом «EUROsong» можно, только обожая его. Тогда будет результат. Причем такой, о котором люди будут говорить еще очень долго. Если Вы не чувствуете дух этого конкурса, если для Вас он всего лишь повод покритиковать отечественную эстраду, то лучше не пишите о нем. Ничего нового Вы сказать не сможете.

Журналистка покорно проглотила заслуженный упрек и сменила тему:

— Вы удивились, узнав, что будете возглавлять российское жюри?

— А почему я должен удивляться? — парировал Филипп. — Все знают мое отношение к конкурсу. Приятно, что мне оказали подобную честь, но поверьте, этот выбор — заслуженный. Я буду рад, если мои опыт и знания пригодятся России.

Я думал, что на этом беседа закончится, но журналистка оказалась рискованной.

— Все знают ваше специфическое отношение к представителям СМИ. Как председателю Вам придется много общаться с журналистами. Готовы ли Вы к этому общению? Или нам ждать новой серии скандалов?

Филипп ответил жестко, но вежливо:

— Если человек профессионал, то это сразу видно. Я общаюсь и буду общаться с профессиональными журналистами, которые знают, какой вопрос

нужно задать артисту и когда его нужно задать. Но я никогда не буду впредь давать возможность встать с собой на один уровень каким-то дешевкам, журналистам, которые просто не имеют права называть себя журналистами, потому что **сегодня даже звание папарацци надо заслужить**. А теперь прошу прощения, мне пора.

Он отвернулся и размашисто направился к выходу. По этой походке я понял, что сейчас Корольков особенно раздражен, но выхода не было: во что бы то ни стало, мне нужно было с ним поговорить.

— Филипп!

Он резко обернулся, но, узнав меня, сменил гнев на милость — улыбнулся:

— Саша! Какими судьбами?

— Мне нужно с Вами поговорить, — выпалил я. — Это очень важно! И срочно! Завтра может быть поздно!

— Это касается тебя?

Я понизил голос, хотя журналисты нас уже не могли услышать.

— Это касается конкурса. Точнее, одного сайта...

Корольков на секунду задумался, видимо, прикидывая свои планы. Мы уже стояли на улице. В лицо дул холодный ветер. Я поежился, торопливо застегивая куртку. Не хватало еще простудиться с учетом моей недавней невралгии. Рядом топталась охрана. Филипп молчал, и я в какой-то момент подумал, что он назначит встречу в другой день, но ошибся. Корольков кивнул в сторону машины.

— Поехали! По дороге поговорим!

4. — Полоса странная началась, — сказал он, когда мы устроились в теплом уютном салоне. — Люди вокруг нервные, постоянно провокации устраивают, проверяют, сорвусь я или нет. Будто без скандала и артиста нет.

— А что за провокации? — полюбопытствовал я.

— Да банальные, — отмахнулся Корольков. — Журналисты резвятся. Ты меня, Саша, извини, камень не в твой огород. К тебе претензий нет. Ты в стороне от этой грязи. И слава богу, иначе я не смог бы тебя уважать. Есть какие-то моральные нормы, и у каждого человека должно быть понимание того, какие темы можно затрагивать, а какие нет. О чем можно говорить, а о чем нужно промолчать. Но мне кажется, все это для тех, кто работает в желтой прессе, не играет никакой роли. Они как свора собак: кто-то крикнул «ату!», и они рванули... Пока не разорвут жертву на части, не успокоятся.

— Законы жанра, — отозвался я. — Не спорю, законы довольно жесткие и беспринципные. И в этой сфере могут работать далеко не все, тут нужен особый, профессиональный цинизм.

— Я не понимаю, какой смысл в «желтой» прессе? — возмутился

Корольков. — Это ж как осетрина второй свежести. Ни вида, ни вкуса — все равно отравишься. Открываешь газету и читаешь про себя сознательную гадость. Смотришь на фотографии близких тебе людей, читаешь омерзительные скабрзные подписи и заходишься от бешенства и бессилия. Я всегда хочу посмотреть в глаза тех, кто пишет обо мне все эти пасквилы. Я готов встретиться и задать свои вопросы. Причем задать их в вежливой форме. Но почему-то встреч таких не случается. Одно дело — писать, исходить злобой и завистью за глаза, и совсем другое — встретиться один на один. Тут силенок не хватает. Боятся. А знаешь, почему? Потому что знают, что неправы. Но я все равно бешусь. Вроде должен уже привыкнуть, но не получается. И настроение портится, и злость появляется. А как узнали, что я буду председателем жюри, совсем с цепи сорвались. Знаешь последнюю новость?

— Нет.

— Филипп Корольков — автор сайта Killingstars.ru.

— Что за бред? — возмутился я.

— Вот ты понимаешь, что это бред. И я понимаю. А обычные люди — нет. Я сегодня два часа отвечал на одни и те же вопросы, пока мне не надоело. Взял и свернул эту «горячую линию». Если ты оправдываешься, ты априори виноват. А оправдываться я не вижу смысла. Я не знаю, как объяснить, что к этому сайту я не имею никакого отношения. Я не мыслю своей жизни без «EUROsong», для меня этот конкурс — дух времени, дух творчества. И вдруг такое обвинение — я планирую убийство. И кого? Убийство победителя! Знаешь, какой вопрос мне чаще всего сегодня задавали? Меня спрашивали: неужели я хочу убить из зависти, оттого, что так и не смогу стать победителем на «EUROsong»? Это ж каким мелким человеком я должен казаться? Извини, Саша, за эмоции... Но мне дорого дался этот эфир. И опять же — неясно, откуда сплетни пошли. Они возникли как бы из ниоткуда. В одночасье. И спустя всего пару дней они перестали быть сплетнями.

— Может, вообще никак не комментировать?

— Еще хуже будет, — отмахнулся Филипп. Выглядел он усталым. — Воспримут как слабость и, что еще хуже, как доказанную вину. Закон шоу-биза, будь он не ладен. Придется отбиваться. Вон как народ зашевелился, налетели как воронье! Вздохнуть не дают! Мне же сейчас только еще одного скандала не хватало. Найти бы того, кто этот сайт придумал!

Он раздраженно хлопнул себя по колену. Я сочувствовал певцу: такая история — лакомая добыча для всех папарацци. Представляю, что будет твориться на выходе из генеральной прокуратуры.

— Про этот сайт много говорят. Своего рода сенсация, — осторожно сказал я. — Посещаемость невероятная. И раз уж так получилось... Может, вы знаете, кто за этим стоит?

Филипп рассеянно потер лоб ладонью,

— Я только пару дней назад узнал про этот сайт, веришь? Приехал из Штатов, а тут такая «радость». Полюбопытствовал — зашел. Сделан профессионально. Но какое отношение он имеет ко мне? Половина артистов конкурса — мои друзья. Я что, закажу своего друга? Или убью его своими руками?

Я промолчал. Что тут возразить? И так все ясно.

— Ты ведь журфак закончил? — спросил меня Филипп.

— Ну да, в Питере.

— Тогда скажи, вас вот этому учат? Травить людей? Выбрать себе жертву и сознательно, целенаправленно ее изводить? Без всякой логики, без цели, наслаждаясь только процессом? И еще получать за это деньги? В этом состоит суть вашей профессии? Спекулировать на чужих слабостях — этому вас учили?

— Такому меня не учили, — ответил я. — Копаться в грязном белье — требование редакции. На журфаке все больше про этику журналиста говорили.

— Видимо, мало говорили, — пробурчал Корольков. — Или этику каждый понимает по-своему. Устаешь от человеческой глупости, Саша. И от непрофессионализма. Знаешь, почему я особенно люблю этот конкурс? За стремление к профессионализму. Вот многие говорят: все участники — это молодые, почти неизвестные исполнители. Но кто такой профессионал? Это человек, который хорошо выполняет свою работу. Это раз. **Профессионал — это тот, кто не останавливается в своем нравственном, духовном и творческом развитии, всегда идет вперед.** Это два. Кто из наших звездных зубров может похвастаться этим? Стремлением к совершенству? Я таких людей по пальцам пересчитаю. Большинство артистов идут по проторенной дорожке: используют одни и те же образы, одни и те же приемы. Но это скучно! А зритель всегда чувствует скуку. Поверь моему опыту, если артист выходит на сцену и отрабатывает концерт по необходимости, а не по зову души, зритель это поймет. И не простит. На сцене надо выкладываться на тысячу процентов. На сцене надо жить! И жить сценой!

Я промолчал. Наверное, он прав. Я видел немало шоу, но многие из них меня оставляли совершенно равнодушным, и я мечтал, чтобы они поскорее закончились, — времени было жалко. Но были и такие, что заставляли сердце биться сильнее, и бывало, что в какой-то момент я совершенно забывал про свою работу и от души наслаждался ярким и фееричным действием на сцене. Любое шоу — это мини-спектакль, который создается по особым жанрам: здесь должны быть как зрелищность, так и некоторый драматизм... Причем одно дополняет другое. Но вот драматизма во многих шоу как раз и нет. А на одной подтанцовке и спецэффектах долго не протянешь.

От грустных размышлений меня отвлек телефонный звонок. Корольков ответил на него. Судя по всему, информация была не из веселых. Певец еще больше помрачнел.

— Что-то случилось?
— Да все тоже, — он бросил трубку на сиденье, словно она была виновата. — Еще одна публикация. И по телевидению несколько сюжетов. А у меня через месяц концерты.

— Так напротив, рейтинг вырастет! Билеты разойдутся! Люди любят такие скандалы! — похоже, моя поддержка оказалась не слишком удачной. Корольков окинул меня долгим и внимательным взглядом, и в нем было все: и гнев, и бесконечная усталость, и грусть от происходящего.

— **Люди не любят скандалы, Саша, тут ты ошибаешься. Их им навязывают. За неимением лучшего. Создать скандал проще простого, но вот удержать внимание зрителей, любовь публики намного сложнее.** Впрочем, мы говорили совсем о другом.

— О «EUROsong», — подсказал я.

— «EUROsong» — совсем другая история. Здесь не катят стандартные приемы. Здесь нужно что-то новое, свежее, необычное. Помнишь финнов? Кто мог подумать, что они победят? А я сразу сказал: финалистами станут именно они. Потому что они особенные, не похожие ни на кого другого. А Руслана? Эта дикарка? Она вышла и сделала всю Европу. И вся Европа танцевала эти дикие пляски. Вот за это я и уважаю участников конкурса. Завоевать аудиторию за три минуты невероятно сложно. Помимо хорошей песни, отличного номера, грамотного пиара нужна харизма, понимаешь? Но и харизмы мало. Нужен кураж. Та особенная энергетика, которая связывает тебя и зал. В моем случае такой энергетике не было. Я потом анализировал собственное выступление и признал: я недооценил аудиторию, мне казалось, что я спою, и все будет так, как мне хочется. Но этого мало. «EUROsong» — это волшебство, магия, Саша. И только в наших силах сделать эту магию доброй или злой.

— И что Вы теперь будете делать?

— Ты про сайт? Буду разбираться. Моя репутация дорогого стоит, и я не намерен спускать подобные обвинения.

— Если позволите, Филипп, я бы хотел помочь. — В отличие от Разумовского тут мой порыв был искренним. — Я даже знаю, с чего начать.

Корольков явно заинтересовался:

— И с чего?

— Вы, наверное, обратили внимание на перевод песен. Это не подстрочник, а настоящая поэзия.

— Да... точно... — пробормотал Филипп. — Я тоже это отметил. Причем стиль перевода мне показался смутно знакомым. Как будто я это уже где-то то ли слышал, то ли видел. Не помню точно.

— Иными словами, Вы не можете сказать, кто именно мог перевести тексты?

— На сто процентов, пожалуй, не могу. Сам знаешь, поэтов-песенников у нас много. Но не у всех такой уровень мастерства. По сути, я знаю только

двух поэтов, которые могут даже из самого примитивного подстрочника создать стихотворный шедевр. Но мне страшно подумать, что кто-то из них замешан в этом грязном деле. Представил сейчас, что звоню, завожу об этом разговор, и... в голове не укладывается. Если честно, то страшно услышать ответ: да, это сделал я. Как потом относиться к человеку? Конечно, разные обстоятельства бывают, может, деньги были нужны, не мне судить. Но это как у Раневской: деньги проешь, а стыд останется.

— А если я поговорю с ними?

Он задумался. Ему явно понравилось мое предложение.

— Неплохая мысль, Саша. Возможно, тебе удастся найти с ними общий язык. Хотя сразу предупреждаю: оба — весьма сложные люди.

— А кто в шоу-бизнесе простой? — задался я, по сути, риторический вопрос.

Корольков усмехнулся:

— Ты прав. Таких людей в нашем деле нет. Как мне все-таки не хочется впутывать тебя в это дело, но один я, похоже, не успею во всем разобраться: каждая минута на счету. Да и кому еще довериться? Ладно, уговорил! Записывай телефоны. Только у меня большая просьба — постарайся сделать это аккуратно.

— В смысле?

— Не хочу, чтобы ты пострадал. Дело серьезное.

— Вы думаете, мне грозит опасность?

Он философски пожал плечами:

— Опасность грозит каждому, кто в это влез. Это не пустые угрозы. Я уверен в этом. Знаешь, какое самое страшное зло, Саша?

— Какое?

— Неизвестность. Она пугает больше всего.

ПАУТИНА

Он все-таки ее уволил. Свою секретаршу. Эта дура перешла все границы. Никому нельзя доверять. Никому. Но особенно тем, с кем переспал случайно.

Правда, уволил — слабо сказано. Он просто поступил по старому, проверенному временем и практикой, принципу: нет человека — нет проблемы. Но кто мог представить, что все обернется так?

Он даже не понял поначалу, какое чувство испытал, вернувшись в офис с полдороги. В пятницу он обычно уезжал часа в два дня и больше не возвращался. Такой порядок был введен уже лет пять и никогда не менялся. Все привыкли. Он догадывался, что все сотрудники ждут пятницы, чтобы уйти с работы пораньше, но ему было плевать. Всю неделю они носились, как ошпаренные бобики, выполняя его поручения. Всю неделю он вызывал

их на ковер и подвергал своему излюбленному развлечению, который называл боссингом. Они боялись его до оторопи, до дрожи в коленках, до полубморочного состояния. Демиургу льстил этот страх, но порой он не понимал его причин, точнее, делал вид, что не понимает.

На крик срывался редко, предпочитая говорить вкрадчиво и тихо, чтобы подчиненные напрягались, стараясь расслышать каждое его слово. За опоздания не ругал — просто лишал зарплаты. Всеми Интернет-ресурсами его сотрудники пользовались без ограничения. Демиургу доставляло особое удовольствие читать сообщения сотрудников по аське, коллекционировать пароли на Одноклассниках.ру и ВКонтакте.ру. Иногда в разговоре с подчиненными он позволял себе намекнуть на те или иные личные и профессиональные обстоятельства, и с наслаждением наблюдал, как стремительно меняется лицо собеседника. Это выражение, в котором проявлялась вся гамма чувств — от растерянности и испуга до недоумения, — Демиург обожал. Может, потому его так и боялись, что не знали, какой именно информацией он обладает.

Всю неделю, начиная с девяти утра понедельника и заканчивая поздним вечером четверга, он, как мог и как умел, издевался над людьми, выпивая их силы, уверенность и выбивая почву из-под ног. В четверг вечером он смотрел, как они едва дыша спускаются по лестнице, и улыбался. Это были лучшие минуты в его жизни.

Пятница была бонусом за эту гонку. Два с половиной дня отдыха за сумасшедшую неделю. И еще приличная, даже по московским меркам, зарплата. Еще со времен той истории он запомнил: экономить нельзя. Все продается и все покупается. И он сознательно предлагал им большие деньги в обмен за четырехдневное рабство.

Но в эту пятницу все пошло не так. Утром сорвались две важные встречи. Наверное, в другой день он бы воспринял отказы телевизионных бонз философски. Но из-за этого сайта, из-за вечной взвинченности, которая царилла теперь в душе, нервы слегка расшатались.

Игра выматывала. Нет, он не боялся разоблачения. Где этим глупым людишкам докопаться до истины?! Все контакты были надежно спрятаны. В Австралии был нанят специальный человек, которому Демиург дал ряд инструкций. После того, как Игра будет сделана, человека не станет. Демиург позаботится и об этом.

И все-таки он нервничал. Боялся, что все получится не так, как он задумал. Боялся, что в самом финале, когда от сделанного закружится голова, появится какой-нибудь неучтенный элемент, какая-нибудь нелепая шестеренка, из-за которой весь слаженный, подогнанный ход Игры сойдет на нет.

Частые визиты на телевидение не только поддерживали его нынешний статус, но и придавали определенный смысл происходящим событиям. Поэтому, когда телевизионные бонзы без всяких объяснений и извинений

отменили встречи, он разозлился. Это было глупо, но Демиург сознательно разрешил себе дать слабину. Невольно вспомнилось то болезненное унижение, которое время от времени бередило память смутным мороком. Он еще немного посидел в приемной, восстанавливая дыхание и делая вид, что ничего особенного не случилось. Внутри все клокотало, но он почти без фальши улыбнулся секретарше (она, конечно, ни в чем не виновата, но он надолго запомнит эту суку и ее протяжное: «А они уехали!»). Демиург не помнил, как вышел и направился по длинному телевизионному коридору, то и дело кивая знакомым и полужнакомым лицам.

Телевидение всегда напоминало ему муравейник. Сотни маленьких и незаметных муравьев бегали по кабинетам, коридорам, лестницам, ступеням. И у каждого был значимый и важный вид, и все они делали одно важное и значимое дело — шоу в режиме нон-стоп. Жанры разные, суть одна — развлечение и оболванивание.

— Какими судьбами?

Демиург обернулся и столкнулся нос к носу с Разумовским. Обменялись рукопожатием, чего Демиург в силу своего физического недостатка не любил. Но здесь пришлось.

Несмотря на естественный загар, Разумовский выглядел не лучшим образом: усталым и взвинченным.

— Какими судьбами? — повторил он свой вопрос.

— Дела, — неопределенно отозвался Демиург.

— Понятно.

Люди всегда произносят слово «понятно», когда не знают, что сказать или как заполнить паузу. Они топтались, словно два медведя, не зная, как разойтись. Похоже, Разумовский был сам не рад, что затеял разговор. И все же Демиург был рад, что они так пересеклись. В естественных, так сказать, условиях.

— Совсем свой кабинет забросил, — с невольным укором продолжил Разумовский. — Сколько мы не виделись с последней встречи? Я уже и забыл, как ты выглядишь. Все в бегах.

— Дела, — повторил Демиург. Он ненавидел этот кабинет. — А у тебя что здесь? Проект? Встречи?

— Да какие встречи? Конкурс, мой дорогой, все время ему подчинено. «EUROsong» еще более капризен, чем любимая женщина. Тут уж не до проектов!

Он посмотрел на часы, демонстрируя свою занятость.

— Может, кофе выпьем? — предложил Демиург. — Или снова торопишься?

— На тебя минутка найдется. Мы же друзья.

Прекрасная фраза, фальшивая от первого до последнего звука. Демиург невольно улыбнулся: знал бы Разумовский, как на самом деле все обстоит! Они расположились в телевизионном кафе, заказав кофе с пирожными. Несмотря на ранний час, Демиург взял себе стопку коньяка.

— Как Наташа? — спросил он.

— Как всегда, — расплылся в улыбке Разумовский при упоминании о жене. — Подумываем о ребенке, но пока Наташа попросила тайм-аут на год. Сам понимаешь, карьера.

Демиург неопределенно кивнул и перевел разговор на другую тему.

— А что с конкурсом? Проблемы, я так понимаю, продолжаются? И нанятые тобой люди помощи пока не оказали.

Разумовский напрягся.

— Все говорят о проблемах, но никто их не видел! Все идет по плану. Это будет грандиозное шоу!

— С убийством? — вырвалось у Демиурга, и он в ту же минуту пожалел об этом.

— Ты опять про этот сайт? — почти равнодушно спросил его собеседник. — Мы же все обсудили. Спецслужбы уже этим занимаются. Вычислят, не сомневайся! Если надо, подключим Интерпол и привезем этого засранца хоть из Австралии, хоть из Гонконга. Не проблема! Так что даже не думай: конкурс пройдет на высшем уровне, а этот урод отправится в психушку.

Демиург размеренно дышал, незаметно восстанавливая дыхание, усмиряя бешено бьющееся сердце. Неторопливо выпил коньяк, зачерпнул ложечкой взбитый крем.

— Несмотря ни на что, ты по-прежнему думаешь, что это псих.

— А кто еще? Не приписывай ему интеллект, которого нет. Только потому, что ему пришла в голову такая идея, он не стал Эйнштейном. Он — больной человек. Помнишь наши исследования? Психологи это подтверждают. Если ты болен, то нужно лечиться.

Демиург вздрогнул как от удара. Последнюю фразу, хоть «ты» и было обезличенным, он воспринял на свой счет.

Настроение испортилось еще больше, когда в дверях он увидел давешнюю секретаршу. Она испуганно махала Разумовскому. Тот залпом допил кофе:

— Мне пора. Наши телевизионные бонзы ждут.

— Разве они на месте? — дрогнувшим голосом спросил Демиург.

— Конечно. У нас же с ними встреча. Не пропадай.

И он пошел к выходу пружинистым спортивным шагом, счастливчик, бадовень судьбы. Человек, который однажды сломал его жизнь, и человек, который считал его, Демиурга, психом.

...И он вернулся в офис. Совершенно рефлекторно. Вернулся потому, что, в сущности, идти ему было некуда. Не в клуб же — девок снимать, и не домой, где его ждала очередная жена, имени которой он давно уже не помнил. Вдруг захотелось закрыться в своем уютном кабинете, налить виски и включить компьютер, устроив Разумовскому и компании очередную маленькую провокацию.

Жалкие люди! Свести все к психиатрии! Он — гений. Только гений

придумал бы такую простую, но столь эффективную комбинацию с Корольковым. Люди, хотя бы единожды замешанные в скандалах, уязвимы. Это он знал по себе. Они боятся новых скандалов. И попадают в них, как кур в ощи́п. Оправдываясь, они уничтожают себя. А Корольков, что бы он ни говорил, будет оправдываться. Когда тебя вызывают в прокуратуру, становится не до позерства.

Королькова Демиург не любил. И в первую очередь за фантастическое везение, сопровождающее поп-короля всю жизнь. Как бы ни складывались звезды, в любой ситуации Корольков оказывался в выигрыше. Что ж, осталось посмотреть, каким образом он выкрутится на этот раз.

По сути, само обвинение ничего не стоило, если бы не два маленьких обстоятельства, о которых Филипп пока не догадывался. Забавно было бы посмотреть на него в тот момент, когда ему об этих обстоятельствах сообщат. Забавно, но вряд ли Демиург это увидит. От Королькова он старался держаться на расстоянии, при встречах демонстрируя неизменное почтение, но в душе ненависть. И будет забавно, когда спецслужбы выйдут на счет Королькова, с которого списывались деньги за сайт. Мелочь, а приятно! И не надо спрашивать, как Демиург все это провернул. Провернул, и все тут! Не зря его считают серым кардиналом, Макиавелли двадцать первого века. Второе обстоятельство возникнет чуть позднее, когда скандал чуть-чуть уляжется и его надо будет подогреть. Немного сексуальных подробностей из жизни российского поп-короля и одной из конкурсанток не повредит. И кому какое дело, что все это ложь от начала и до конца. **Если люди хотят верить, они верят. Во что угодно.**

И все же: почему Первый канал манкировал встречей? Этот вопрос не давал покоя, разъедал ход мыслей, будто ржавчина. Почему? Демиург предложил им отличный контракт. Любой другой бы за это уцепился, но Первый проигнорировал. В очередной раз ему предпочли Разумовского. Для него нашли время.

Настроение портилось так же быстро, как и погода. Небо заволокло, пошел тусклый и противный дождь-снег, и он с облегчением вошел в здание бизнес-центра. На светлом покрытии отпечатывались грязные мокрые следы. И это ему понравилось. Раньше точно так же топтали его душу. Теперь он топчет души других. Пусть знают, с кем связались!

Он поднялся на лифте на свой этаж, разглядывая бледное отражение в зеркале. И все-таки, что в нем не так? Почему люди, едва посмотрев ему в глаза, тут же отводят взгляд. Почему ни одна женщина не остается с ним рядом, даже самая плохонькая? Он бы не удивился, узнав, что в этот момент очередная его жена спешно пакует вещи. Так было уже несколько раз. Впрочем, женой он называл ее скорее по инерции. Они просто жили вместе два с половиной месяца. К концу третьего месяца они все от него уходили. Однажды из любопытства он спросил одну из них, в чем дело. И она ответила: «Ты — чудовище!»

Он — чудовище. Ну и что? У миллионов людей точно такое же амплуа. Пусть уходит! Он придет сейчас в свой кабинет, вызовет дуру-секретаршу, займется с ней сексом, а потом предложит к нему переехать. Она не откажется. Никто из них никогда не отказывался. Все его жены — бывшие секретарши. Зачем же нарушать традицию?

Он вышел на этаже, машинально отметив, что из сотрудников почти никого не осталось: разве что парочка офисных пташек зависла на «Одноклассниках».

В приемной секретарши не оказалось. Собственно, другого он и не ожидал. Придется ей позвонить и подождать. Впрочем, почему бы и нет? Ожидание тоже имеет свою прелесть.

Небрежно сбросил пальто в кожаное кресло, рванул дверь в кабинет и застыл.

Эта дура рылась в его столе.

Мир померк.

МОСКВА

1. Филипп посадил меня в центре, и теперь я тоскливо топтался на перепутье, не зная, что предпринять. Два телефона. Два совершенно разных человека. Кому первому звонить? Задача не из простых.

Один из авторов, названных Филиппом, был Майкл Романов. Фигура в шоу-бизе загадочная и малоизвестная. Майкл писал хорошие и очень сложные стихи, в основном для рок-музыкантов. Никто толком не знал, как он выглядит, где живет. Когда я спросил Королькова об этом, тот долго задумался и потом пробормотал, что тот вроде бы молодой темно-волосый человек, худощавый, а может быть и нет. Точнее это знал узкий круг людей. По словам Филиппа, стихи Майкл писал долго и мучительно. Но кто знает, может работа на заказ шла у него намного быстрее?

Корольков посоветовал сослаться в разговоре на него. Мол, так будет больше доверия. Но я сомневался: в данном случае такая рекомендация могла сработать ровно наоборот. Для поп-исполнителей Майкл ничего не писал. По слухам, он глубоко презирал это музыкальное направление. Но что есть слухи? Иногда за ними — совершенно правдивая информация, иногда желаемое выдается за действительное, и поди разбери, где истина, где ложь.

О втором человеке я знал чуть больше. Раиса Ковальская. Известнейшая поэтесса, обаятельнейшая женщина, знаток нескольких языков, в прошлом — журналист и переводчик. По странной прихоти судьбы она стала писать тексты песен, и практически каждая из них становилась хитом. Но станет ли Раиса со мной разговаривать? Я читал несколько ее интервью: под обликом милой хохотушки скрывался довольно жесткий характер.

Филипп сказал, что в прежние времена Раиса часто звала артистов в гости. И чтобы достойно встретить, целыми днями пекла, жарила, варила, кулинарничала. На столе всегда была вкусная и необычная еда. Такие теплые домашние посиделки с песнями, задушевными разговорами сближали намного быстрее. Но потом как-то все изменилось. Началась другая жизнь, все повзрослели, заматерели, и встречи стали сначала исключительно редкими, а потом и вовсе сошли на нет. Молодых же исполнителей, которые стремительно взбирались на Олимп, Раиса не приглашала, старательно держала дистанцию. Прессу тем более.

От мыслей о еде в животе заурчало. Батюшки мои, а ведь два часа дня. Полдня прошло, а у меня такое впечатление, что я еще ничего толком не сделал. Даже не поел. Я оглянулся: слева японский ресторан, справа — итальянский, позади китайская кухня, впереди — восточная и русская. Предложение превышает спрос. Но сначала крутанем рулетку судьбы.

Наудачу я набрал номер Майкла. Абонент вне зоны действия сети.

Со второй попытки повезло. Через три гудка Раиса сняла трубку. Голос у нее был молодой, звучный и красивый. Я люблю такие голоса, в них есть удивительная энергетика. Слыша такой голос, ты сразу же представляешь его обладательницу и очень редко ошибаешься в нарисованном образе.

Импровизировал я по ходу разговора. Терпеливо выслушав мои комплименты, Раиса довольно холодно спросила:

— Кто Вам дал мой номер телефона?

— Филипп Корольков.

Ее голос потеплел.

— Знаете, Саша, я сейчас нахожусь в ЦДЛ. Если бы Вы подъехали, скажем, через час, я могла бы с Вами поговорить. Сейчас у меня встреча, но после нее я найду для Вас время. Согласны?

А вы бы отказались?

2. В ЦДЛ, или в Центральном Доме литераторов, я был всего пару раз. Мажорное место. Нет, не так. Это особенное место.

Доступ в ЦДЛ — визитная карточка каждого известного человека. Мне рассказывали, что еще несколько лет назад в эту «обитель» впускали только по пропускам, потом правила стали менее жесткими. Раньше это был своего рода закрытый клуб, теперь в ЦДЛ устраиваются известные на всю Москву литературные и музыкальные вечера, международные фестивали и кинопоказы. Вот на одном таком литературном вечере и на одном таком кинопоказе мне и посчастливилось побывать. Впечатления остались надолго.

Но в знаменитом ресторане ЦДЛ, где у меня была назначена встреча с Ковальской, бывать мне пока не доводилось.

У меня было еще сорок минут, и я не устоял перед соблазном: купил сэндвич (совершенно нелогично кусочничать перед обедом, но не умирать же

с голоду?) и отправился... в московский зоопарк.

В любой стране, где бываю, я всегда посещаю зоопарки. Друзья знают об этой моей слабости, как и о том, что я люблю коллекционировать брелочки. Зоопарки — та же коллекция, но не материальная, это коллекция снимков и полученных эмоций.

Зоопарк, каким бы он ни был, вызывает во мне смешанные чувства. В европейских зоопарках есть иллюзия свободы, в российских нет и этого. Звери за решеткой — своего рода символ. Но каждый его понимает по-своему. Питерский зоопарк я не люблю: чувствуется, что животным там некомфортно. Тесно, узко, грязно. И выглядят они больными, у них грустный, затравленный взгляд и свалывшаяся шерсть.

Московский намного лучше, но с тем же берлинским не сравнить. Как сказал бы герой одной из любимых комедий, за державу обидно.

В зоопарке было тихо и пустынно. Я шел по все еще заснеженным дорожкам и слушал новую песню Дианы Арбениной. **Ее новый альбом «Армия» потряс меня силой образов и столь откровенным одиночеством. И несколько песен стали настоящим открытием, одна из них — «Побег», сейчас звучала в наушниках.**

*Я побегу искать тебя
По фотографиям и снам
По чёрно-красным ножевым
По рикошету южных стран
По родинке в тылу плеча
По желудям твоих измен
Я побегу искать тебя
Никто иной бы не посмел
Так просто дать тебе уйти
В лопатки фарами слепя
Я побегу искать тебя*

Сила образа, сила голоса настраивали на определенный лад. Я вдыхал московский воздух, заглядывая в глаза просыпающимся от зимы зверям. И чувствовал себя таким же зверем, волей обстоятельств загнанным в ловушку.

Я вышел из зоопарка и направился в сторону Поварской, мысленно прокручивая возможный разговор с Ковальской. Ума не приложу, как беседовать с поэтами, вернее с поэтессами. Хотя, насколько я знаю, женщины, которые пишут стихи, не любят слова «поэтесса». Впрочем, от перестановки слагаемых, сумма не меняется — как построить беседу с Раисой? Ведь поэты — особенные люди.

Я вспомнил недавнюю встречу с девушкой, которая давно пишет стихи, с Оксаной Семшукиной. Мы познакомились на записи одной из программ. Она тогда по просьбе ведущих читала свое стихотворение:

*Живи. Живи в моих стихах. — М е ж б у к в.
Среди пробелов. Между строчек.
клавиш*

*Меж
лестниц
строф. В капли многоточья.*

МеНяЯ пОчеРк. Но, не рая слух.

*Дыши сквозь «Нелюбовь», «Позавчера»,
сквозь облака, вуали и столетья.
Пусть улыбнутся через «Никогда»
наши вовек несуществующие дети.*

Укройся в о самоцветом.

*е. ж
ь е
л р
е
Святой водой ...
та- ца
ись лод –
на ко –
дне
Но не живи бие пуль серд
в ньи са ца
(оно больше не бьётся).*

После эфира мы разговорились.

– Давно пишешь? — спросил я.

– С 10 лет, — ответила Оксана. — Меня сейчас интересуют новаторские направления в поэзии. Скажем, в начале XX века был популярен верлибр, мне кажется, что с его помощью можно выразить максимум эмоций в стихотворении и одновременно придать слову легкость, изысканность, свободу.

Об этом, к своему стыду, я мало что знал, а школьной программы, чтобы поддержать литературный разговор, оказалось недостаточно, поэтому я плавно перевел диалог на общие интересы.

– Ты Литературный институт заканчивала?

– Моя специальность — кадровый менеджмент, — улыбнулась Оксана. — Не смотри на меня с таким ужасом. Это не так страшно, как может показаться на первый взгляд. А вообще я сейчас занимаюсь практической астрологией, тарологией, космо- и биоэнергетикой, лепкой из глины

и пластмассы, углубленно изучала психологию и НЛП, увлекаюсь дизайном одежды, парапсихологией, культурологией, журналистикой, занимаюсь латиноамериканскими танцами, фитнесом, аэробикой.

– Когда ты все успеваешь? — изумился я.

– Главное захотеть...

Я представил Оксану лет через десять:

– Наверное, ты хочешь стать известным человеком?

– Ошибаешься, — после некоторого раздумья ответила она. — **Известность — это иллюзия. А от иллюзий надо вовремя избавляться.** Я достаточно религиозный человек, однажды около месяца жила в монастыре, чтобы достичь состояния душевной чистоты, покоя, одухотворенности. И сейчас периодически задумываюсь над тем, чтобы уйти в монастырь и дать обет безбрачия.

После этого я понял, что ничего не понимаю в поэтах, и, наверное, никогда не пойму.

В таких вот мыслях я и добрел до ЦДЛ. Раиса уже сделала заказ. Я поздоровался и присел рядом. Быстро проглядел меню и заказал «Капрезо». Итальянская кухня — еще одна моя слабость.

Ковальская задумчиво изучала меня. И на ее лице царил такое спокойствие и владение ситуацией, что мне вдруг стало неловко: не зная, с чего начать разговор, я мучительно барабанил пальцами по столу. Не знаю, как поэтессе, но меня самого этот звук очень раздражал. Я вдруг вспомнил дребезжащую ложечку в вагонном стакане. Она была тогда не на своем месте, вот и я почувствовал себя такой ложкой. Кстати, куда я ее дел?

– Я Вас знаю, — сказала вдруг Ковальская. — Я Вас видела на некоторых мероприятиях. Я обычно в тени держусь, наблюдаю. Роль наблюдателя, Саша, самая выигрышная в жизни, вот только не всегда удается соответствовать этому амплуа. Но Вас я запомнила. И уже после кто-то показывал мне Ваши снимки. Многие мне понравились. Вы умеете выхватить характер человека.

– Спасибо, — от неожиданной похвалы я немного растерялся и выпалил совсем не то, что собирался сказать: — А как это, стихи писать?

Она улыбнулась.

– Неожиданный вопрос. Неужели Вы не писали в юности? В период первой влюбленности? По-моему, все пишут.

– Значит, я исключение, не припомню за собой такого «греха». Знаете, мама воспитывала меня на хорошей поэзии, и когда читаешь строки классиков, становится немного стыдно за свою возможную графоманию. Не рифмовать же «любовь» и «кровь».

– Классикам удавалось и это, — улыбнулась Раиса. — Но насчет графомании Вы правы, Саша. Только не каждый находит в себе смелость признаться, что пишет плохие стихи. Многие настолько уверены в своей изобретательности и гениальности, что готовы записать в неудачники Пушкина

или Пастернака. Я не раз видела в Интернете форумы, посвященные стихотворчеству. Не имея понятия о ритме, о размере, о стилистике, новоявленные поэты буквально душат своими стихами, требуя исключительно положительных оценок. Но, как известно, на вкус и цвет товарищей нет. Одним нравится, как ты пишешь, другим — нет.

– Всегда было интересно, как поэт пишет. Не поделитесь профессиональной тайной?

– Разные способы есть. Предположим, берешь последние слова уже существующей рифмы и пишешь, подставляешь смысл к этим рифмам. Это тренинг. Иногда я прочитаю куплетик и думаю, как бы сама дописала. Придумываю продолжение. Но это нечасто бывает. Как спортсмены, так и я: без тренировок не обойтись. Позаимствовать чужой опыт вообще неплохо. Заметьте, я сказала — опыт, а не строчки и идеи. Плагиата в любом его виде не выношу. Но стихи — это не работа. Это просто образ жизни. И стихи я вообще-то не пишу. Просто гуляю по окрестностям. И так, под шаги, у меня все складывается. Так что стихи держу в голове, потом печатаю на компьютере и отсылаю.

– А Вы не обижаетесь, если вас называют поэтессой, а не поэтом?

– Нет. Какой смысл обижаться? Я — автор. Существуют настоящая поэзия и настоящие поэты. А я — автор многих стихов ко многим песням.

– Такое ощущение, что Вы лишены тщеславия, — заметил я. — Очень странно для человека, который так долго работает в шоу-бизнесе. Неужели Вы совершенно равнодушны к славе?

Она отреагировала на подкол довольно спокойно.

– Слава, известность... Со временем понимаешь. Что все это преходяще. Поверьте, Саша, однажды Вы проснетесь и поймете, что главное в жизни быть счастливым, а не известным. К этому все приходят — рано или поздно. Мне повезло: я пришла к этому пониманию довольно рано. Я почему-то думаю, что стала известной благодаря не своим литературным достижениям, а своей данности. Все, что я имею, — это результат моего характера. Есть какое-то во мне свойство: зло оттягивать, а добро притягивать. Вот так и живу.

– Вы действительно очень позитивный человек. Все время улыбаетесь, и от многих людей я слышал, что с Вами очень приятно общаться. Неужели не было в жизни сложных ситуаций? — не поверил я.

– Почему же? Были, конечно. **Но важны не ситуации, важно отношение к ним. Если все в жизни не так, все против тебя, нужно целыми днями думать, как найти момент, чтобы переломить ситуацию и взять ее в свои руки. Я приведу очень простой пример. Надо постараться так подгадать и прийти на остановку, чтобы сразу приехал твой троллейбус. Или, если видишь, что он уже собирается отъезжать, бежать изо всех сил, догнать и вскочить в него. Оп! Получилось! С этого момента все пойдет в твою пользу.**

– Интересный способ, — заметил я. — Надо попробовать.

— Звучит смешно, но в этом что-то есть, — Ковальская сделала глоток минеральной воды и аккуратно поставила стакан на стол. Все ее движения были на удивление грациозны и красивы. Хочешь, не хочешь — залюбуешься.

— Почему-то вспомнилось вдруг... А Вы знаете, Саша, что раньше в Китае маленьким детям специально подкрашивали щечки, чтобы они были красными? Чтобы небеса видели, какие они здоровенькие и румяные, и чтобы там, наверху, никому в голову не пришло насрать на них болезнь. Нужно все время делать себе изнутри розовые щечки. И тогда беды будут обходить вас стороной. Ведь говорят умные люди, и правильно, кстати, говорят: мир относится к тебе так, как ты относишься к нему.

Возникла пауза. Я зачарованно ее слушал.

— Но Вы ведь не для этого со мной встретились? — спросила вдруг Раиса. — Не для философских рассуждений. Ведь так?

— Не для этого, — признался я. — Хотя они мне интересны. Я совершенно искренен, но повод для встречи у меня другой. Дело в одном сайте, посвященном конкурсу «EUROsong». На этом сайте выложены переводы песен, очень талантливые, самобытные, вот я и подумал, что...

— Что автор этих текстов я, — закончила она. — Что ж, Вы не первый, кто обращается ко мне с этим вопросом. Но Вы ошиблись. К этому сайту я не имею никакого отношения. К счастью. Мне не нравится идея, которая заложена. Даже мысль об убийстве греховна, а здесь видна одержимость.

— Я надеялся, что Вы сможете мне помочь, — сокрушенно сказал я.

— Может быть, — она загадочно улыбнулась, и на мгновение ее лицо стало удивительно молодым и красивым. — Я сказала, что не имею отношения к этому сайту, но... могла бы — чисто теоретически, конечно, стать автором этих переводов.

— То есть? — не понял я.

— Мне предлагали эту работу. За очень хорошие деньги, надо признать. От таких денег в наше кризисное время редко кто отказывается. Но я отказалась. И не пожалела ни на минуту.

— Почему?

Она задумалась.

— Интуиция, наверное. Предложение мне сделали по телефону. Мужской голос. Однако мой собеседник не назвал себя. И это было первое, что насторожило. Второе — он не смог внятно объяснить, зачем ему нужны переводы всех конкурсных песен. Обычно достаточно хорошего подстрочника. Но он хотел, чтобы текст каждой песни был стихотворным шедевром. Я не имею ничего против шедевров, более того, всегда ратовала за чистоту текста, его форму и содержание. Поэтому и спросила у анонима, мол, зачем? Ответил грубо, дескать, не мое это дело. И предупредил, что если мы договоримся, то я должна отказаться от авторских прав в плане перевода. Меня это еще больше насторожило. Сумма, конечно, большая,

но требование странное. Ну а третье, сроки. Очень жесткие. Все это вызвало во мне неприятие, и я отказалась. Он сказал: «Очень жаль» — и повесил трубку. Больше я его не слышала.

— А тексты на сайте вы видели?

— Когда возник вопрос авторства и весь этот ажиотаж, друзья бросили ссылку. Хороший перевод. Но как бы Вам сказать... Это переводил человек другого поколения. И думаю, что мужчина. Текст очень жесткий, мужской. Женщина мыслит другими образами, и там, где мужчина берет одно слово, она придумывает совершенно иное, более мягкое, образное, красивое. И ритмика у стихотворений мужская. Поверьте мне. Я знаю, о чем говорю.

— Не догадываетесь, кто бы это мог быть? Вы, наверное, знаете всех коллег. Я был бы Вам очень благодарен за любую подсказку.

Она покачала головой, в ушах сверкнули капельки бриллиантов.

— Вряд ли я смогу вам помочь. С более молодыми коллегами я знакома шапочно, а люди моего круга вряд ли бы взялись за такую работу. Мы не слишком интересуемся этим конкурсом.

— Он Вам не нравится? — изумился я.

Она пожала плечами:

— **Шоу красивое, но... я там людей не вижу. А для меня люди важны более всего. Не вещи, не эмоции, не события — люди! Именно из них и состоит вся наша жизнь.** Говорят, что если хочешь быть талантливым, общайся с талантливыми людьми, хочешь быть богатым — войди в круг богатых людей. Подобное всегда притягивает подобное.

Она немного помолчала.

— Знаете, я очень люблю коллекционировать людей.

— Как это?

— Очень просто! Люди всегда коллекционируют то, что более всего любят. Только коллекции могут быть материальными или, как бы это сказать, эмпирическими, что ли. Вот и у меня такая эмпирическая коллекция. По улицам не просто так хожу — наблюдаю. Я и на лавочке с бабушками посижу, и с детишками постою, и с девочками молодыми тут поболтаю. Надо слушать жизнь. И тогда жизнь услышит вас. Но мы начали с другого... С конкурса... Так вот, этот конкурс — не жизнь. Это шоу, не спорю, хорошо поставленное шоу, но за ним пропадает истинная жизнь. Когда идешь по пути популизма, да еще не в ту сторону, становится грустно. Нужно все-таки что-то сохранять в душе.

Спорить я не стал. У каждого своя правда. Что ж, придется разыскивать Майкла Романова. Похоже, он именно тот, кто мне нужен.

3. Во второй половине дня я поехал в офис к Вилану. Дима снимал новый клип, и мне хотелось договориться о съемках.

Встретил меня Паша, охранник Димы.

— Привет! Они заняты сейчас. Подождешь?

Я рухнул в кресло и с наслаждением вытянул ноги.

— Подожду, конечно. А где девчонки?

— На встречах. День сегодня дурацкий: много суеты и беготни.

Паша сидел напротив и с увлечением читал журнал «Экономика и финансы». Его интерес к экономике неизменно вызывал у меня восхищение и уважение. Сам я в ней мало что понимаю: мой уровень — куда выгодно вложить деньги и как их потом грамотно преумножить. На этом интерес к финансам у меня заканчивался. Помнится, на журфаке я приводил в ужас преподавателя по экономике. «Нежданов, — говорил он, — как вы будете жить, если не можете отличить дебет от кредита? Если элементарный бизнес-план для вас из разряда высшей математики?» Однако зачет я сдал, и в плане финансов не особо жалуюсь. Деньги, на мой взгляд, скорее магическое, нежели материальное начало. Они любят тех, кто любит их. И они любят, когда их тратят. А вот накоплений, напротив, не приветствуют. Вы никогда не замечали, что у тех, кто хранит деньги на черный день, вся неделя состоит из таких вот черных дней? А знаете, почему? Потому, что деньги нужно с радостью и удовольствием пускать в оборот. Тогда они возвращаются.

Когда случился экономический кризис, я долго раздумывал: в чем хранить накопленные сбережения. Евро, доллары, рубли... А потом плюнул и отправился в Австралию. Кризис рано или поздно закончится, а вот таких эмоций я, быть может, уже никогда не испытаю.

Так что в экономике я полный профан и дилетант. Паша неизменно посмеивается над моими знаниями, однако при встрече я всегда советуюсь с ним. Вот и сейчас поинтересовался:

— Что интересного пишут? Когда кризис закончится?

Паша флегматично перевернул страницу и с любопытством взглянул на меня:

— И тебя, выходит, задел?

— А кого он не задел?

— Есть такие слои населения, — усмехнулся Паша. — Пусть и немногочисленные. Им все равно: миллионом меньше, миллионом больше. Все равно при деньгах. А что касается того, когда он закончится... Какой смысл, Сань, давать прогнозы, если они устаревают быстрее, чем их озвучивают?! Конкретный год назвать сложно, все зависит от множества факторов. Честно говоря, человеческий фактор играет далеко не последнюю роль. Возможно, плохо нам всем будет год-два, потом станет чуть легче. Вот в журнале пишут, что данный кризис чем-то напоминает Великую Американскую Депрессию, но, конечно, со своими особенностями. Великая депрессия в общей сложности длилась больше десяти лет. Десяти, Сань! Острая же стадия продолжалась два года: с 1929 до начала 1933 года. История вообще развивается циклично, и все в ней повторяется.

— Десять лет, — пробурчал я. — Это сильно. Я так долго не выдержу. Мне раньше надо.

— Может, и меньше, — успокоил меня Паша. — Кто ж знает, как дальше все пойдет? Проблема в том, что люди не могут перестроиться: идеология потребления стала настолько популярной, что отказаться от нее в одиночку очень сложно. Необходимо время. Но как раз времени у нас нет. Мы хотим все сейчас и сразу, а так, к сожалению, не бывает.

— А что плохого в идеологии потребления? — протянул я. — Что плохого в том, чтобы носить модные красивые вещи, есть вкусную еду, путешествовать по разным странам?

Паша усмехнулся:

— Да ничего плохого, но мне кажется, не стоит потребление делать центром своей жизни. Только и всего. Знаешь, есть хороший вопрос — кто для кого: деньги для нас или мы для денег? Когда деньги становятся главным мерилем жизни, ничего хорошего не выйдет. Одно дело мировой финансовый кризис, и совсем другое, когда кризис в твоей собственной голове. Это уже совсем плохо.

— И что делать?

Он философски пожал плечами:

— Извлекать из ситуации уроки и не паниковать. Помнишь, что было написано на кольце царя Соломона? Пройдет и это.

Дверь из кабинета открылась.

— О, Нежданов! Какими судьбами? — улыбнулся мне Дима.

— Привет, вот приехал в Москву и сразу к вам. Как говорится, с корабля на бал. А Яна где?

— Очередной комментарий по телефону дает. Твои коллеги сегодня словно взбесились: всем расскажи о «EUROsong».

Сквозь приоткрытую дверь я увидел Яну. Как всегда, она выглядела великолепно, и я в который раз поразился, насколько гармонично в ней сочетается природная грация и приобретенная гламурная роскошь. Разговаривая, Яна нервно постукивала ручкой по столу. Я понял, что ей не терпится закончить разговор. Судя по ее репликам, он был не из приятных:

— Я еще раз повторяю. Мы привезли с Димой не только первое, но и второе место. Таких результатов за 55 лет «EUROsong» не добивался ни один исполнитель. Я считаю, что и Диму как победителя должны были позвать в жюри, он очень хорошо разбирается не только в теории, но и, если так можно выразиться, в практике «EUROsong». Нам было и есть, что сказать. Однако, как выяснилось, мы на отборочном российском конкурсе оказались совершенно не нужны. Мне объяснили, что я не композитор, поэтому не могу быть в жюри. Хорошо, я действительно не композитор, ну и что? Потом я увидела в жюри помимо композиторов совершенно неизвестных людей, мало общего имеющих и с музыкой вообще, и с «EUROsong» в частности! За эти два дня я просмотрела много форумов «EUROsong», с которыми у меня очень тесные профессиональные связи, — и голландские, и немецкие, и греческие, и шведские — и могу констатировать с огромным

сожалением: везде полный негатив! Пока все отклики сводятся к одному — Россия выбрала самый слабый номер за все последние годы своего участия в «EUROsong». Думаю, совершена большая ошибка, и это обидно. Это все, что я могу сказать по этому поводу. До свидания.

Она раздраженно отключила телефон и вышла к нам.

— Привет, Саша. Странные люди в нашей стране! Сначала выбирают слабого исполнителя, а потом обзванивают всех известных людей, чтобы подтвердить свой выбор. Где логика, позвольте узнать? Когда они выбирали конкурсанта от России, нашим мнением никто не интересовался. Кто мы для них? Ни Диму, ни меня, ни Филиппа никто не спрашивал. Позиция, опыт людей, которые многое сделали для победы России, их не интересовали, а теперь: «Что вы думаете об этой певице?» А что я о ней могу думать? Хвалить не могу, ругать тоже. Остается молчать.

— Яна, расслабься, — посоветовал Дима. — Изменить ситуацию уже невозможно, остается изменить отношение к ней.

— И каким образом? — ядовито уточнила Рудовская.

— Нужно взять от нее максимум пользы, — в отличие от Яны, Дима сегодня пребывал в приподнятом настроении. — Саш, ты в курсе, какой мне классный номер для открытия придумали? Это просто фантастика! Я буду летать! Представляешь открытие конкурса: я взрываю под самый потолок!

— Здорово! — искреннее порадовался я. — А ты высоты не боишься?

— Нет! К тому же там будет хорошая страховка, — беспечно отозвался Вилан.

Меня кольнуло неприятное предчувствие, я хотел что-то сказать, но Яна меня перебила:

— И еще сайт этот. Саша, ты видел этот кошмар?! У этого сайта такой рейтинг, что диву даешься. Становится страшно за наш народ: их интересует не то, как выступит артист, а то, как его убьют. Ужас!

— Сайт видел, — кивнул я. — Хотелось бы посмотреть на того, кто все это придумал.

— Не ты один такой любопытный, — устало отозвалась Яна. — Каждый день меня и Диму дергают все кому не лень: откройте тайну, кто за этим стоит! Но мы-то откуда знаем?! И еще Королькова сюда приплели. Это вообще полный бред. Делать Филиппу больше нечего, как объявлять охоту на своих коллег! Интересно, как они себе представляют финал? Выходит Корольков в плаще палача и в прямом эфире душит одну из звезд? Дескать, молилась ли ты на ночь, Дездемона? Но попробуй им объясни, что Корольков тут совершенно ни при чем. Еще немного, и снова на него травлю в прессе объявят.

— Ему не привыкать, — сказал Дима. — Отобьется!

— Отбиться-то отобьется, — согласилась Яна. — А нервы? Время? Репутация? Это хоть чего-то стоит? Или можно безнаказанно оклеветать человека?! Кому вообще в голову пришла такая чушь?!

— Яна, ты, конечно, меня убьешь за этот вопрос, — совершенно не к месту влез я в монолог Рудовской. — Но ты случайно не знаешь, кто автор этого сайта?

Воцарилось тяжелое молчание. Дима изумленно уставился на меня. Паша аккуратно закрыл журнал и на цыпочках вышел в коридор.

Жесткий и непредсказуемый характер Яны известен всем, поэтому после моего вопроса все ждали реакции самой крутой бизнес-леди в российском шоу-бизе. А реакция могла быть любой. Меня, к примеру, могли за просто вышвырнуть за дверь. Я и сам похолодел, когда, не думая, выпалил то, что крутилось на языке.

Однако Яна вопреки моим опасениям восприняла мой интерес довольно спокойно:

— Да ладно... — улыбнулась Яна. — Расслабьтесь, мальчики. Не укушу. Я сегодня добрая. Вопрос-то все равно остается открытым. Мне самой интересно, кто это. На пустом месте человек идею раскрутил. Причем идею сомнительную, но, тем не менее, весьма соблазнительную. И раскрутил, заметьте, за довольно короткое время. Последний факт меня восхищает. Явно поработал профессионал.

— Говорят, это кто-то из наших, — осторожно заметил я. — Отсюда весь сыр-бор. Так и начинается паранойя: все начинают подозревать друг друга. Хотя по мне все это полная ерунда. Сайт, убийство в прямом эфире. Яна, ты сама подумай: хоть на одном конкурсе была такая возможность? Принимающая страна обеспечивает полную безопасность. Вспомни, хотя бы в той же Финляндии...

Дима невольно усмехнулся:

— С трудом представляю, как финнам бы пришла в голову подобная идея.

— То Финляндия, а то Россия, — заметила Яна. — В нашей стране и невозможное возможно. Сам об этом поешь. Дима, неужели ты не понимаешь, дело даже не в том, что может произойти в день финала!

— А в чем?

— В репутации, — отчеканила Рудовская. — И прежде всего, в репутации страны. Или ты хочешь, чтобы после конкурса о нас по-прежнему рассказывали, что Россия — это варварская страна, где по улицам ходят медведи?! Он уже нанес урон конкурсу, выложив компромат на нескольких участников. Что дальше? Артисты напуганы. Организаторы в панике. Рекламодатели в растерянности. А мы? На нас, Дима, тоже смотрят косо: это мы привезли «EUROsong» в Москву. Вот только нашу мечту кто-то взял, играючи, и извальный в грязи. А теперь подумай, такая ли это ерунда — этот сайт? Кстати, могу тебя поздравить, сегодня там появилась и твоя страничка. Масса нелицеприятных откровений. Те, кто тебя знают, ни минуты не поверят в эту грязь, но уверяю, найдутся и такие, кого подобная информация порадует.

— И ты только сейчас мне об этом говоришь! — возмутился Вилан.
— Я сама узнала об этом полчаса назад, — устало отозвалась Яна. — Собщили добрые люди, причем со злорадством. В который раз убеждаюсь, что шоу-биз при всех своих плюсах — грязная игрушка. Если мы сейчас не объединимся, он будет уничтожать нас по одиночке. И самое страшное, что у него есть шанс.

— Думаешь, найдется компромат?

— Шоу-биз сам создает компромат. Каждый день. Не мне тебе рассказывать, как любой, даже самый незначительный, факт могут извратить, — возразила Яна. — Конечно, отбиться можно, но какой ценой?

— Ну и что теперь делать? — вопрос, мучивший всех присутствующих, повис в воздухе.

— Для начала понять, для чего ему это нужно, — сказала Яна. — Самая банальная причина — деньги. Реклама там, насколько я понимаю, приносит неплохие дивиденды. Но не такие большие, чтобы рисковать своей свободой.

Дима задумчиво изучал стену, словно висевшие на ней плакаты были ему намного интереснее, чем затронутая тема.

— Дима, ты меня слышишь?

— Включи-ка сайт, — сказал он вдруг. И почему-то его голос показался мне странно охрипшим.

На мониторе я увидел знакомую картинку.

— И что? — нетерпеливо спросила Яна.

Вернулся Паша и тихонько подошел к компьютеру.

Дима одно за другим открыл несколько окошек. Замелькали знакомые имена. Яна была права: на многих звезд уже был выложен компромат. И даже на мой дилетантский взгляд, он был убийственным. Я вдруг понял, чем создатель сайта смог привлечь сотни тысяч посетителей. Нет, не иллюзией убийства. Он просто дал возможность заглянуть в замочную скважину. И люди приникли, не в силах оторвать возбужденных, воспаленных взглядов и мыслей.

— Так что? — повторила Яна.

— До сих пор не поняла? — тихо спросил Вилан.

Мы с Пашей с любопытством переводили взгляд с одного на другого, не понимая, что происходит.

Яна покачала головой. И тогда Дима подвел курсор к одному имени, потом ко второму, и так несколько раз.

— А теперь? Теперь понятно?

— О, Господи! — сказала Яна. — Это еще хуже, чем я думала.

ПАУТИНА

...Он пришел в себя только когда осознал, что держит в руках мертвое тело. На белой остывающей коже отвратительно темнели следы его пальцев. День давно перешел в вечер, и в окна пробивался неоновый свет.

Он даже не понял, как это получилось.

Последнее, что отпечаталось в памяти, — испуганные глаза и срывающийся шепот: «Не надо! Я все скажу!»

Теперь уже не скажет.

После первого приступа паники пришла возможность соображать. Он аккуратно прикрыл за собой дверь и сел в кресло. У ног лежало скрюченное тело. Равнодушно Демиург отметил: хорошо, что она миниатюрна. Будет меньше проблем.

Единственное, о чем он жалел, — это о том, что так и не узнал имя заказчика. Кто заказал этой дуре шпионить за ним? И как долго это продолжалось? Он встал и неторопливо проверил ящики стола. Нет ничего такого, за что можно было бы его прихватить. Мысленно похвалил, что еще пару лет назад стал пользоваться ноутбуком. Компьютер в офисе — лишняя информация. Только кажется, что ты умело заметаешь виртуальные следы, но это не так. Тот, кто хочет узнать, всегда найдет то, что ему нужно. В твоём компьютере. Поэтому ноутбук он всегда носил с собой, не выпуская из поля зрения ни на минуту.

А теперь надо выкурить сигарету и подумать: есть ли что-нибудь в этих стенах, что могло бы его связать с сайтом Killingstars.ru? Он внимательно оглядел стены кабинета: стандартные дипломы, календарь с логотипом фирмы, на стеллажах грошовой безделушки, привезенные из разных стран. Стандартный кабинет стандартного руководителя. Задумав свою месть, он сделал все, чтобы его фирма выглядела среднестатистической. Таких в шоу-бизе — пруд пруди. Правда, кризис внес свои коррективы, оставив сильнейших, но это и к лучшему. Теперь есть, где разгуляться.

Жаль, что он не учел силу человеческого фактора. Несколько лет назад, во время того грандиозного скандала, задевшего их всех, один умный человек сказал ему: «Любая комбинация предполагает несколько факторов: план действий, стечение обстоятельств и человеческий фактор. Стечение обстоятельств и план всегда можно скорректировать, человеческий фактор — никогда. Если ты не умеешь правильно оценить мотивы и возможные поступки человека, ты ни черта в этой жизни не добьешься. Люди созданы для того, чтобы ими управлять. Только делать это надо искусно и незаметно. Никого не подпускай к себе. Никому не доверяй. И всегда знай: любой человек может стать твоим врагом. Не расслабляйся».

А он расслабился. Пришло время расплачиваться и пожинать горькие плоды. Теперь вот труп куда-то девать надо.

Демидург вышел из кабинета и прошелся по офису. Слава богу, все разошлись. Теперь осталось придумать, как вынести тело.

В конце концов, ничего страшного не случилось. Девушка была взбалмошная, надоедливая. В фирме ее никто не любил, родственников у нее вроде как и не было... Ушла и не вернулась. Он лишний раз похвалил себя за то, что выбрал офисные помещения не в центре Москвы, не в навороченном бизнес-центре, а в бывшем промышленном здании, где охрана работает спустя рукава и где есть несколько черных входов и выходов. Они никогда не запираются.

Если удача ему будет сопутствовать, проблем не возникнет.

Проблем и правда не возникло.

Удача была на его стороне.

ПИТЕР

1. – Нежданов, ты где?

Интересно, почему этот вопрос люди всегда задают не вовремя? В тот момент, когда Слава потребовала от меня быстрого и четкого ответа, моя правая нога ступила на перрон Московского вокзала. Я был злой и сонный.

– Ты где? – жизнерадостно проорала она прямо в ухо. — Тебя Разумовский второй день ищет. Ты когда к нему заедешь?

– На какой вопрос отвечать в первую очередь? На первый или на второй? — ехидно поинтересовался я.

– На любой.

– Я только что приехал в Питер, — сообщил я Славе. — В Москве буду в конце недели. К Разумовскому заеду сразу, как приеду.

– А что ты в Питере забыл? — искренне удивилась Слава. Москвичи всегда удивляются, когда питерцы возвращаются в свой родной город. По их мнению, в Северной столице делать совершенно нечего, разве что сходить в Эрмитаж. — Андрей Константинович рвет и мечет! Ты до сих пор ему не доложил. И Зимину, кстати, тоже. С последним я тебе советую не шутить. Ходят слухи, что он...

Достать меня сложно, но если это происходит, я зверею.

– А что, Разумовский получил меня в свое безраздельное пользование? — ледяным тоном осведомился я. — Или он принял меня на работу? Подписал со мной договор, согласно которому я обязан каждый день приезжать к нему в офис и отчитываться? Слава, я фрилансер! Поступил заказ, я еду и работаю. Вы в своей Москве и на своих жирных ставках совсем из реальной жизни выпали!

В сердцах я повесил трубку.

– Ну ты даешь! — прокомментировала Наташа Юркова, которая

встречала меня на вокзале. — Ты чего на нее взелся? Москвичей, что ли, не знаешь?

– Знаю, просто по-дурацки все как-то складывается, — признался я. Мы уже вышли из здания вокзала. — Пошли в «Идеальную чашку»? Я хоть с мыслями соберусь. Голова никакая.

– Пошли, — легко согласилась Наташа. — На Кировскую или на Владимирский?

Поразмыслив, я выбрал Владимирский. Оттуда потом легче добираться до заказчика. Наташа чутко уловила мое настроение и теперь тихо и легко шла рядом, не надоедая разговорами. Я всегда ценил в ней эту чуткость и тактичность, а сейчас был особенно благодарен.

Наташа — моя помощница и правая рука в Питере. История нашего знакомства, возможно, покажется кому-то необычной. Но в жизни, как известно, случается все, в том числе и маленькие чудеса. В то время я работал на Влада Моталова, делал с ним съемку в Москве. Наташе очень нравился этот артист. И вот в какой-то момент мне потребовалась героиня для фоторомана. Не знаю, почему, но я интуитивно набрал номер Наташи и наткнулся на ее автоответчик. Что там я наговорил, уже не помню, но каково было мое удивление, когда на следующий день я увидел эту шестнадцатилетнюю девушку в Москве! Она просто сорвалась и приехала. Другая бы, наверное, побоялась, но только не Наташка.

Фотороман мы в итоге отсняли. Снимки получились очень красивыми и эмоциональными, причем большая часть заслуг в этом — Наташина. Она удивительным образом привносит в общение теплоту и искренность. В общем, нет ничего удивительного в том, что после той съемки мы стали дружить. А потом так получилось, что каждый год она вместе со мной стала ездить на «EUROsong».

Наташа училась на режиссерском отделении и вот-вот должна была получить диплом. Самое смешное, что тема ее диплома — это я. Два года подряд она ездила со мной и снимала, как я работаю, где, с кем, затем общалась с артистами, чтобы те сказали несколько слов обо мне. Во время конкурса мне даже не надо было ей говорить, что и как снимать, у нее в этом плане профессиональное чутье: как только я начинаю общаться с артистом, откуда ни возьмись появляется Наташа и начинает нас снимать. Это что-то потрясающее.

Наташа позвонила мне вчера и сказала, что есть заказ в Питере — свадьба. Пара состоятельная, ищут профессионального фотографа. Она показала мои снимки, и будущим молодоженам они понравились. Я сорвался тут же. Свадьбы всегда снимать интересно: сам с собой играешь в игру, делая прогноз, как долго проживут молодые вместе. Обычно я не ошибаюсь. Сразу вижу, будет брак счастливым или же вскоре эта пара подаст на развод.

Мы дошли до «Идеальной Чашки» и заказали актив американо, который можно попробовать только здесь.

— Сань, а ты консерватор, — шутливо сказала Наташа. — Ничего, кроме **«Идеальной Чашки»** не признаешь.

— Просто у меня очень хороший вкус, — ответил я в той же тональности. — Это лучшая кофейня в городе. И я ей не изменяю.

Я подумал и заказал нам по сэндвичу и пирожному. Не смог удержаться от соблазна. Вкусный кофейный аромат кружил голову и одновременно настраивал на деловой лад. До сих пор не могу понять секрет этой кофейни: ты приходишь сюда отдохнуть, пообщаться с друзьями, выпить кофе, но вдруг происходит чудо, и в твоей голове возникают новые творческие идеи. Честно говоря, **«Идеальная Чашка»** — идеальное место, где мне хорошо думается.

Несмотря на утренний час, многие столики были заняты. Наташа огляделась и тихо заметила:

— Между прочим, эта кофейня — единственная, которую не затронул кризис. Остальные закрываются и терпят убытки, а эта сеть, напротив, стала развиваться.

— Просто они в кредиты не влезали. Убытки сегодня терпят те, кто связал себя кредитами и заложил акции. А в этой кофейне очень грамотный маркетинг, тут на годы вперед оценивают ситуацию.

Я с наслаждением съел пирожное и снова с тоской уставился на богатый выбор десертов. Никакой силы воли у тебя, Нежданов! И почему я такой сладкоежка?

— Сань, а за границей ты где обычно кофе пьешь? — подколола меня Наташа. — Там ведь **«Идеальной Чашки»** пока нет!

— В Старбаксе. Тоже модное местечко. Но с этой кофейней не сравнить, если хочешь, я своего рода патриот.

Мы еще немного поболтали, но у Наташи была назначена встреча, и она вскоре ушла. А у меня пока была возможность взять небольшой тайм-аут. Я сидел, смотрел на просыпающийся город и анализировал информацию, полученную в офисе Вилана. Было о чем подумать.

Наверное, даже хорошо, что я вдруг сорвался в Питер. Помимо съемок свадьбы, у меня еще накопились кое-какие встречи. Выйдя из кафе, я неторопливо пошел в сторону Невского. Это только кажется, что идти далеко: при хорошей погоде, при плавном течении мыслей совершенно не замечаешь, как стремительно летит время. Жаль, что я все реже бываю в Петербурге, да и то — наездами. Чувствую, как это сказывается на отношении с друзьями. Дружба, как и любовь, нуждается в постоянной подпитке.

Через полчаса у меня была назначена встреча возле собора Св. Екатерины и Лавки художников. Рядом расположена студия звукозаписи моих звездных приятелей — Романа Любомирова и Алеси Сергеевой. Вместе они трудятся над уникальным музыкальным проектом, у которого, на мой взгляд, большое будущее. Проект носит весьма интригующее название — **«Т9»**.

Роман и Алеся — мои хорошие друзья. С Лесей мы знакомы уже три года, встретились первый раз на конкурсе «EUROsong» в Хельсинки, с тех пор и общаемся, встречаемся за чашкой кофе в Питере и Москве. Она-то меня и познакомила с продюсером и солистами **«Т9»**.

Мне нравится бывать в их студии: без ложной скромности могу сказать — второй такой нет. Переступаешь порог и понимаешь, что в эту студию вложена душа. А после знакомства с Романом понимаешь, чья именно. Я даже не знаю, в чем тут дело. Может быть, в аппаратуре, поскольку она удовлетворяет всех, кто сведущ в качественной музыке. Или все же в гармоничном балансе между коммерческим и некоммерческим подходами, когда домашняя студия магнитом привлекает к себе профессиональных музыкантов. Играет роль и аура дома, та особенная творческая атмосфера, которую невозможно не почувствовать. Важный из «Т9» сказал мне по секрету: «Художники прикармливают здесь местных кошек... Видимо, заодно прикармлили и музу, а поскольку мы живем в этих же стенах, да и все-таки занимаемся творческой деятельностью, то она и к нам захаживает, играет в Playstation, пьет чай и ждет новых творческих проектов».

Вы когда-нибудь видели музу, играющую в Playstation? По-моему, это возможно только в Питере. Помимо студии здесь есть еще и школа танцев, так что нисколько не удивлюсь, если узнаю, что муза еще и танцует в свободное время.

Как только мне открыли дверь, я тут же перестал быть московским Неждановым со своими рефлексиями, проблемами, столичными понтами. В студии «Т9» становишься питерским — от макушки до пяток. Здесь мне всегда рады. Каким-то образом в руках сразу оказывается большая чашка чая, и я забываю про все, растворяясь в студийной атмосфере.

Интересно наблюдать, как рождается песня. Текст, музыка, аранжировка, исполнение. Здесь были записаны «Ода нашей любви» (Вдох-выдох)», «Дай мне пару минут». Мне всегда импонировало, что ребята все делают сами: пишут и тексты, и музыку. И подход у них к музыке какой-то свой — оригинальный, но очень верный. Правильный. Такой, какой и должен быть. В процессе создания треков участвует достаточное количество талантливых питерских музыкантов, так что звучание получается не только интересным, но еще и живым!

А их эксперименты! Такое впечатление, что ребята из «Т9» совершенно не приемлют никаких рамок и готовы на любой музыкальный эксперимент. Они так лихо ориентируются в бесконечном пространстве музыки, что невольно становится завидно. Наверное, это и есть одна из основных черт этой группы.

Я попробовал невероятно вкусный горячий чай и оглянулся, вглядываясь в новые интересные лица: здесь всегда кипит жизнь, тут в любую минуту можно познакомиться с человеком, о встрече с которым ты давно

мечтал. Приходишь к «Т9», и вуаля: твое желание исполнилось. Нужные люди в нужном месте в нужный час. Удобно!

«Т9» помогают талантливым музыкантам в записи музыкальных композиций, профессиональные звукорежиссеры работают над созданием аудиопрезентаций, поздравлений, гимнов, записывают вокальные партии и музыкальные инструменты, создают и дорабатывают аранжировки! Только не надо думать, что это место для избранных: цены в личной студии звукозаписи «Т9 records» настолько демократичные, что записать композицию может любой.

— Привет, — сказал Роман. — Не представляешь, как мы рады тебе.

Алеся кивнула:

— В последнее время в Питер тебя и не заманишь, стал забывать. Пора исправляться!

— Исправлюсь, — пообещал я. — Вот только одно дело решу.

Зря я про дело упомянул: только-только отрешился от проблемных мыслей, и вот они нахлынули с новой силой. Нежданов, пора тебе признаться самому себе: дело не в срочном заказе, дело в том, что тебе нужно было взять тайм-аут и хорошенько обо всем поразмыслить. И вот сейчас, под замечательную музыку, ты можешь это сделать.

Поездка в Питер действительно оказалась весьма удобным поводом отложить встречу с Разумовским и Зиминим. Я понимаю, почему Разумовский так взбесился. Он из той породы людей, которые уверены: остальные должны им прислуживать и выполнять любые прихоти и капризы. Пусть и в ущерб своим интересам и планам. В конечном итоге можно было бы написать письмо, где перечислить те факты, которые я узнал. Но я не хотел.

А вот про Зимина Слава солгала. Он сам вчера мне позвонил.

— Что-то подсказывает, что Вы спонтанно решили навестить родные пенаты, — сказал он вместо приветствия. Я пораился его осведомленности. О том, что я еду в Питер, я сам узнал за сорок минут до этого. Следит он за мной, что ли? Мысль, честно говоря, была пугающей и очень неприятной.

— Заказ подвернулся.

— Я так и понял, — сказал он мягко. — Андрей Константинович хотел Вас видеть, Саша. Но я был бы Вам очень обязан, если бы перед тем, как навестить Разумовского, Вы связались со мной. Счастливого пути!

Короткие гудки.

Я ошалело повесил трубку. И как прикажете все это понимать? Как тайны мадридского двора? Похоже, я, сам того не желая, оказался между Сциллой и Харибдой.

И вот сейчас, за сотни километров от Москвы, я с грустью думал о том, что в который раз влип в историю. Как говорится, всей птичке пропасть, козь уяз коготок. А мои коготки уязли прочно: назад не повернуть.

Я и сам не понял, в какой момент вся эта история мне стала интересна. Причем интересна лично. Может быть, в ту секунду, когда...

2. — О, Господи! — сказала Яна. — Это еще хуже, чем я думала.

— А я тебе про что! — согласился Дима. — Если этот человек замешан в скандале трехлетней давности, то нам всем мало не покажется. Ты представляешь, какой зуб у него может быть на нас всех... на тебя, меня, Филиппа, Разумовского?!

— Но при чем тут «EUROsong»? — задумалась Яна. — История некрасивая, согласна. Но все давно бывшем поросло. Сколько времени прошло? Теперь уже и не вспомнить.

— Месть не имеет срока давности, — философски заметил Дима. — А что касается конкурса, что тут удивительного? Бьют всегда по самому больному. Видимо, он знает, как этот конкурс дорог нам всем, знает, какие деньги в него вложены. Если автор сайта действительно связан с той историей, то он сделает все, чтобы нас дискредитировать, а заодно и саму идею проведения конкурса в России.

— А о какой истории трехлетней давности идет речь? — не выдержал я. — Вы прямо как партизаны! Лишнего слова не вытянешь! Интересно же!

Они переглянулись. Паша снова уткнулся в свой журнал, демонстрируя полное отсутствие интереса.

— Ладно, Сань, — вздохнула Яна. — Шила в мешке не утаишь. Тебе, так или иначе, все равно придется столкнуться с этим. Пошли в кабинет, расскажу.

Вкратце история была такова. Три года назад один из каналов запустил очередной проект по раскрутке молодых звезд. Назвали его Stardust — Звездная пыль. Как объяснила Яна, название зарегистрировали в последний момент, придумав наспех сомнительное обоснование, что из звездной пыли рождаются настоящие, стопроцентные звезды.

Формат проекта несколько отличался от других известных шоу, в частности, от реалити-шоу «Фабрика». Можно сказать, что шоу Stardust было создано в пику проекту Первого канала. На «Фабрике» ребята жили в звездном доме и все двадцать четыре часа в сутки находились под пристальным оком телекамер. Здесь тоже были мастер-классы, отчетные концерты, голосования, но ребята обладали свободой перемещения: за самыми интересными участниками следовали камеры, чтобы заснять обычный день в режиме реалити-шоу. Изначально было сорок участников — два блока по двадцать человек. По мере выбывания конкурсантов блоки объединили, и началась самая настоящая битва за место на эстрадном Олимпе. В ход шло все: подставы, компромат в СМИ, и по мере приближения финала все изощреннее и безумнее становились его участники.

— По сути, этот проект оказался экспериментом, — сказала Яна. — Правила выдумывались и корректировались на ходу. Причем нередко бывало так, что одно правило исключало другое. Так что нет ничего удивительного, что в какой-то момент все запутались.

— А почему так получилось?

— Теперь и не скажешь, — ответила Рудовская после паузы. — Обычно такие реалити-шоу являются калькой с западных оригиналов. Если продукт лицензионный, то покупается лицензия, все придумано, подогнано, остается только адаптировать шоу к российской почве. А здесь получилось иначе. Сначала нашлись деньги. Потом появилась идея. Привлекли людей, и закрутилось, понеслось. Сроки поджимали, деньги заканчивались, вот все и заторопились, совершая одну ошибку за другой.

— Я думаю, это роковое стечение обстоятельств, — сказал Дима. — Так, к сожалению, бывает в жизни. Вроде хотели как лучше, а получилось как всегда. Этот проект стал, по сути, уродом, мутантом, но никто до конца не представлял, во что все это выльется.

— Я подключилась к нему в самый последний момент: мне позвонили и предложили стать председателем жюри, — Яна не смотрела мне в глаза. Ее голос был глух и печален. — Если бы я только знала, сразу бы отказалась, но на тот момент идея мне показалась интересной и перспективной. К тому же привлекал и тот факт, что проект был не заимствованным, а оригинальным. В общем, я приехала, посмотрела несколько репетиций и... согласилась. Нет, чтобы тогда спросить, а куда подевался предыдущий председатель жюри...

— А кто был председателем? — спросил я. Этого шоу я не помнил совершенно. Странно, что оно прошло мимо меня.

— Не догадываешься? — она усмехнулась. — Корольков. Убрали его со скандалом. Хотели тихо — не получилось. А тут подвернулся повод, не буду говорить, какой, сам помнишь эту историю, ну его и попросили. Дескать, чтобы не портить репутацию шоу. И только потом мы с Филиппом поговорили. Понимаешь, когда он понял, что ситуация вот-вот вырвется из-под контроля, он стал настаивать, чтобы шоу закрыли. Под любым благовидным предлогом. Вместо этого «закрыли» его.

— Что значит — вырвется из-под контроля?

— Саша, не мне тебе рассказывать, кто именно принимает участие в подобных проектах. Я не говорю о том редком проценте талантливых людей, который пытается пробиться на эстраду. Любой профи тебе скажет: телевизионное шоу держится на так называемых чудиках — людях, которые способны удержать внимание публики в силу своей неординарности — физической, психологической, эмоциональной. И чем неординарней человек, тем выше его телевизионный рейтинг. Вот только от гениальности до безумия всего один шаг. Что уж говорить о непохожести...

Она была права. В любом шоу должны быть свои юродивые и свои сумасшедшенькие. Симпатичные, милые, как бы не от мира сего. Яна не упомянула, но я и без нее знал, что шоу — это четкий сценарий, где изначально прописаны роли. Есть Красавица, есть Чудовище, есть Герой, есть Злодей, и есть Шут, который иногда становится Джокером. Не мы все это придумали, и не нам менять ход сюжета. Еще со времен Римской империи зритель

требовал хлеба и зрелищ, он жаждал комедии, которая бы плавно переходила в трагедию, но в финале все равно был бы хэппи-энд. На сцене возможно все. На телевидении возможно даже невозможное. Десятки героев сгорали в топке очередного реалити-шоу, судьбы коверкались, ломались и все ради одной минуты славы. Все ради мечты — проснуться однажды знаменитым и, по возможности, богатым.

— В разработке шоу участвовали психологи, которые пытались прогнозировать, как поведут себя участники в той или иной ситуации, — продолжала тем временем Яна. — Беда в том, что психологи были весьма далеки от мира шоу-бизнеса, не знали всех нюансов — реальных и потенциальных. Дело осложнилось тем, что все, кто принимал участие в проекте, обладали свободой действий и перемещения. Держи мы их в изоляции, многих проблем могли бы избежать, да что там теперь говорить...

— И каких проблем, к примеру?

— Да самых разных! О некоторых участниках, к примеру, мы вообще ничего не знали: где и как они репетируют, чем живут, откуда берут песни, зачем пришли на проект. Не люди, а фантомы. Та же «Фабрика» строилась на том, что всех людей, задействованных в проекте, можно было контролировать. А мы оказались перед свободной и неуправляемой силой, которая рвалась к славе. У многих крышу снесло на пути к этой славе. Ты представляешь, на что способен человек, когда вдруг понимает, что слава вот она, буквально за поворотом, только руку протяни? Но на пути к ней есть какие-то досадные помехи... Обстоятельства, люди... Подумаешь, обстоятельства! Подумаешь, люди! Легкое движение руки, и нет ни тех, ни других. Путь свободен, а впереди сверкающий пьедестал. И ты достиг вожделенной мечты: ты — number one.

— Странно, что психологи еще не додумались до синдрома с таким названием, — горько заметил Дима. — Синдром — number one. Вместо этого я каждый раз слышу избитое выражение про огонь, воду и медные трубы. Дело, Саша, не в звездной болезни, она возникает уже потом, когда был в твоей жизни звездный час и ты испытал ни с чем несравнимое чувство — головокружение, триумф. Но сколько ступенек до этого звездного часа! Сколько проб и ошибок! И еще синдром — number one.

— А что в нем такого особенного?

Он на мгновение задумался:

— Как бы тебе сказать... Ну вот представь, что жил ты, как обычный человек, знал, что есть способности, может быть, какой-то талант, мечтал о том, чтобы и другие заметили в тебе эту неординарность, если угодно, эксклюзивность. И вдруг мечта сбывается: ты оказываешься в среде таких же талантливых, особенных, эксклюзивных. Раньше только ты был яйцом Фаберже, а сейчас вокруг тебя точно такие же яйца, одно краше другого, и на каждом стоит вот это самое клеймо — Фаберже. Но ты-то знаешь, что все они подделки и только ты — единственный и неповторимый.

Что делать? Доказывать! Всеми возможными способами. Тебе во что бы то ни стало нужно доказать, что ты – number one. Понимаешь? С этого момента для тебя перестают существовать нормы морали. Нравственности. В душе ты разрешаешь себе все. Абсолютно все! Ведь у тебя есть главный козырь: именно ты настоящий. Но знаешь, в чем фишка?

– В чем?

– В том, что другие думают точно так же. И точно так же дают себе индульгенцию на любой, пусть даже самый неблагоприятный, поступок. И не дай тебе бог оказаться в такой мешанине: возможно, повезет, выберешься живым и знаменитым, но скорее всего — сломаешься.

– И как тогда бороться с этим синдромом? — поинтересовался я.

– Единственным способом, — ответил Дима. — Перестать бороться за то, чтобы быть первым номером. И не смотри на меня так удивленно! **Успеха добивается не тот, кто из последних сил карабкается на пьедестал. Успех приходит к тому, кто знает, ради чего он живет, ради чего он пришел в этот мир.** Звучит немного пафосно, согласен, но так оно и есть. Есть такая древняя пословица: делай то, что должен, и будь что будет. Вот это самый главный принцип, если ты его усвоишь, то добьешься всего. А первый номер — недолговечен, всегда найдется кто-то другой, молодой, дерзкий, амбициозный, в общем, тот, кто захочет занять твое первое место. И займет. Важно быть не первым, важно быть единственным. Улавливаешь разницу?

Разницу я уловил. Не дурак. Во время нашей беседы Яна сидела молча, задумчиво изучая сайт. От моего вопроса она вздрогнула, словно очнулась от невеселых мыслей:

– Так что случилось на конкурсе?

Она вздохнула:

– В общем, настал момент, когда пятнадцать человек вышли в финал. И у всех, по меткому выражению Димы, был этот злополучный синдром. Они все были первыми. До окончания проекта оставались считанные недели. Условия ужесточились. И в этот момент при трагических обстоятельствах погибла одна из участниц, обладавшая неплохими шансами выйти в тройку лидеров. Ее смерть подняла шоу рейтинг. Но не прошло и недели, как исчезла еще одна претендентка на победу. Мы нашли в гримерке странную записку и несколько вещей с пятнами крови. Полиция возбудила дело, ее искали, но не нашли. Ни живой, ни мертвой. Странная девочка была, но очень талантливая. Дима, не помнишь, как ее звали?

– Я вообще ее не помню, — отозвался Вилан. — Пусть она и была талантливой. Процент талантов в том конкурсе зашкаливал за все разумные пределы. Она ведь так и числится до сих пор без вести пропавшей?

– Слабое утешение для родственников, — пробормотала Яна. — Думаю, ее нет в живых. Столько времени прошло, ни слуху, ни духу.

– А что потом? — я снова направил мысли Рудовской в нужное русло.

– Потом пошли анонимные письма с угрозами. Угрозы, надо сказать,

были нешуточными. Вплоть до угроз взорвать здание во время концерта. И только тогда организаторы забеспокоились.

– Еще бы! — хмыкнул Дима. — Угрозы шли не только в адрес участников, но и в адрес организаторов. А своя шкура всегда дороже. За нее всегда страшно. Вдруг испортится. Другой такой уже не будет.

– А что от вас требовали? — во мне проснулся въедливый журналист, которого интересовали буквально все подробности.

Яна поморщилась.

– Что требовали? Да, в сущности, ничего особенного! Выбрать пятерку финалистов. Фамилии были указаны в очередном анонимном письме. Тот же аноним предложил разыграть главные призы между этими счастливлечиками. Кому-то, к примеру, достался бы гран-при и денежный приз, кому-то — запись нового альбома, кому-то возможность попробовать себя в качестве телеведущего. Выбор призов на таких шоу всегда ограничен. Но внешне — все по-честности, не подкупаешься.

– И вы согласились? — не поверил я.

– Почти, — нехотя ответила Яна. — А что нам еще оставалось делать? Вдруг бы он и нас убил?

– Да ладно...

– Если бы ты знал, Саша, сколько людей говорили «да ладно», а потом отправлялись на тот свет!

– Извини. Просто с трудом в такое верится!

– А вот я поверила! — жестко сказала Яна. — И могу теперь признаться, что были на то основания. Этот аноним мог быть очень убедительным, когда этого хотел.

Дима согласно кивнул. Похоже, я был не в курсе определенных обстоятельств, а делиться подробностями со мной никто не собирался.

– Так чем в итоге все закончилось? — спросил я, не выдержав интриги.

– Шоу закрылось! Если бы я была мистиком, то сказала бы, что в шоу вмешалась сама судьба, но я не мистик... Все оказалось намного проще. Коротко, среди спонсоров значилась студия Разумовского. До поры до времени Андрея Константиновича держали в полном неведении. Характер ты его знаешь, мало бы никому не показалось. Кому охота сор из избы выносить? Но потом Наташа проболталась. Она ведь тоже была в числе участников, там они, кстати, и познакомились. Я ее не виню, наверное, даже хорошо, что она нарушила этот идиотский обет молчания. В общем, после очередного письма, когда все бились в истерику, она вызвала в студию Разумовского. У них тогда только-только роман стал завязываться. Узнав про девчонок и шантаж, он впал в ярость и подключил свою службу безопасности. Та проверила всех, чьи фамилии были указаны в письмах, что-то нашла...

– Что именно?

– А я откуда знаю? — огрызнулась Яна. — Мне не докладывали. Нас всех поставили перед фактом: шоу закрывается. Пятерку перед финалом погнали

со скандалом. На кого-то обвинение в наркотиках повесили, на кого-то аморалку, кого-то в плагиате обвинили — мол, песню украл. Пять талантливых парней, которые были в шаге от славы. Раз, и их уже нет! Представляешь, какой это был шок?! Деньги, контракты, толпы поклонниц, новая жизнь — и больше этого нет. Всем спасибо, все свободны, причем без особых объяснений.

— Сцена получилась жуткой, — признался Дима. — Не хотел бы я оказаться на месте этих ребят. Разумовский вообще не отличается тактом, его в тусовке, если ты не знаешь, давно бульдозером называют. В общем, вывели ребят на сцену, чуть ли не перед камерами, и публично оглушили правдой-маткой. Прямо гражданская казнь, да и только. Никогда не забуду их растерянных лиц.

— Вот так вот все бесславно и закончилось, — подытожила Яна. — Шоу быстренько свернули, разыграв призы между оставшимися участниками. Не могу сказать, что они остались в выигрыше. Чеса по стране не было, клипов тоже. Повезло только Минор. Но это совсем иная история, уже личного порядка.

— А где теперь эти пацаны?

— Пацаны... — хмыкнул Дима. — Им сейчас за тридцать. Проект изначально был акцентирован на тех, кому за... Скажем, за двадцать пять. Такая фишка. Первый случай на моей памяти, когда возраст не занижали, а завышали. Представляешь, даже Минор себе пару годков прибавила, потом, правда, жутко пожалела.

— Почему? — не понял я. — Зачем такие ограничения?

Яна усмехнулась:

— Да потому, что малолетки всем надоели! Многовато их стало на один эстрадный метр. И в большинстве случаев они все одинаковые.

— Есть и другие известные артисты! — не согласился я.

— Есть, — кивнул Дима. — И заметь, хорошие артисты. Другое дело, что их любят люди постарше, воспитанные на советской эстраде. А кого, спрашивается, слушать тридцатилетним? За редким исключением — некого.

— Есть Дима, — кивнула Яна. — Есть Азаров, еще несколько интересных артистов, а народа у нас в стране — миллионы. Добавь еще десятка два хороших артистов, и то будет мало. Девочки-однодневочки надоедают быстро. По сути, их никто и не различает. Я уверена, что зритель соскучился по хорошим, талантливым артистам с хорошим репертуаром. И у нас таких артистов немало, жалко только, что многих отсеивают из-за возраста. Если тебе исполняется двадцать пять лет, ты для эстрады потерян, а в тридцать и думать про нее забудь.

— Но как раз в двадцать пять-тридцать и формируется личность человека, раскрывается талант, появляется опыт. Для музыканта, по сути, это только начало творческой карьеры: он становится профессионалом, — подытожил Дима. — Мы поэтому и согласились принять участие в том шоу, чтобы поддержать поколение тридцатилетних.

— Жаль, талантливые ребята были.

— Были?

— Есть, — поправила себя Яна. — Просто они из мира музыки ушли. Поэтому и жаль, наш шоу-биз потерял хороших самобытных артистов.

— Зато приобрел хорошего поэта-песенника, — усмехнулся Дима. — Дорогой, правда, стал...

— Мода вообще дорогая штука, — усмехнулась Яна. — Чем более раскрыт бренд, тем он дороже.

В памяти щелкнуло, и я спросил:

— А вы о ком сейчас говорите? О Романове?

— О нем! Это ж настоящая звезда. Каждая песня становится стопроцентным хитом. Он еще и потрясающие аранжировки делает. А тексты какие! За душу берут. К нему очередь километровая из артистов. Каждому хочется свой хит. Но Романов человек симпатий и антипатий — если ему кто-то не понравился, разговаривать не будет. Без объяснений отключит телефон или захлопнет дверь.

— Какая очередь? — не понял я. — Мне говорили, что для поп-исполнителей он ничего не пишет.

— Под своим именем нет. А вот под псевдонимами... — задумчиво протянула Яна. — Ты не представляешь, Саша, сколько всего в шоу-бизе делается под псевдонимом.

— В принципе, он может продать песню без указания авторства, — уточнил Дима. — За авторством он в последнее время не гонится.

— Тебя это удивляет?

— Иногда. Песни-то хорошие! За границей он бы давно стал если не миллионером, то, по крайней мере, обеспеченным человеком, а так живет в какой-то хибаре... Полный дауншифтинг!

— А остальные? Где они сейчас? — в который раз за день я решил перевести разговор на интересующую меня тему.

Они задумались:

— Пашка рекламное агентство организовал. Игорь в продюсерской фирме работает. Леня ночной клуб придумал, сейчас его продвигает. Виталик сделал агентство праздников, хотя я, может, что-то путаю. Про Майкла ты знаешь.

— Найти-то их можно?

Дима как-то странно посмотрел на меня, словно я задал наиглупейший вопрос из всех вопросов в мире. Однако попытки найти Романова меня убедили в том, что есть люди, поиск которых может затянуться очень надолго, несмотря на то, что у тебя есть все возможные контакты. Яна пожалала плечами, открыто демонстрируя, что затянувшийся разговор о делах давно минувших дней ей стал надоедать:

— И охота тебе ворошить прошлое?

— Яна, для меня это важно. Поверь, есть причины.

— Хорошо, позвони через пару дней девочкам, они продиктуют тебе названия фирм и телефоны.

3. Передо мной на столе лежала распечатка файла, который мне переслали из офиса Вилана. Пять человек. Краткое досье на каждого. Разумовский сказал бы, что я продвинулся в своем расследовании. Зимин бы меня точно похвалил. Но лично я так не думал. Лично я был собой недоволен. Ощущение, что я топчусь на одном месте, не проходило. А время-то идет, и конкурс не за горами.

Пять человек, выброшенных из шоу-бизнеса, но сумевших за короткое время добиться успеха. У каждого свой бизнес. Каждый состоялся в этой жизни. Но радует ли их этот банальный, в общем-то, успех? Да и успех ли это? Ну, бизнес, ну, известность в определенных кругах, полезные знакомства, отдых за границей... И что в этом необычного? Так живут многие. А вот стань они артистами, жизнь могла бы повернуться совсем иначе.

В свое время Филипп Корольков сказал: тот, кто **вкусил яд славы, не излечится уже никогда. Это деформация сознания, своего рода наркотик, когда хочется еще и еще, и, в конце концов, есть риск лопнуть от обжорства. Профессиональные артисты со временем привыкают дозировать порции славы, а молодые и ранние такого опыта не имеют.**

Я вспомнил, как быстро менялись ребята на «Фабрике звезд», когда на них в одночасье обрушивалась слава. И как переживали те, кому славы не доставалось.

Что ж, посмотрим кто у нас в списке подозреваемых.

Павел Горчев, 31 год. Прозвище «Джинн» получил за невероятный креатив и умение устраивать сюрпризы. Ныне – генеральный директор и владелец рекламного агентства «Прodelки джинна». С началом кризиса поток клиентов снизился. Однако, по слухам, у Горчева есть второй бизнес, связанный с оказанием эскорт-услуг. И с этим бизнесом все в полном порядке. В общении приветлив, словоохотлив. Однако близкие друзья отзываются о нем как о человеке, который может подставить в любой момент, не испытывая угрызений совести. Очень нравится женщинам. Есть ребенок от актрисы Марины Лялиной.

Игорь Марусин, 32 года. Директор продюсерского агентства «Aksent». Больших звезд пока с неба не нахватал, в основном занимается юными модельками и начинающими звездочками. Угрюм. Легко раздражается по пустякам. Женат. С женой живут гостевым браком. Она приезжает к нему на три дня. В остальное время доступ в дом Марусина ей закрыт. Дочери шесть лет. По слухам, у него нетрадиционная ориентация.

Леня Топтун, 30 лет. Провал шоу переживал хуже и тяжелее всех. Запил. Впал в депрессию. На год исчез из Москвы. Появился из ниоткуда, открыл ночной клуб «Лили-Марлен». Источники финансирования неизвестны. Стилистика клуба — Германия 30-х годов. Завсегдатаи клуба — молодые экстремисты. Топтун крайне негативно относится к шоу-бизнесу, и неоднократно высказывал угрозы в адрес некоторых артистов. Играет альтернативную музыку. Не женат. Детей нет.

Виталий Тихонов, 34 года. Владелец агентства праздников «Фантастик». С ударением на конце слова. Бизнес открыл на деньги жены, но записал на себя. Особая фишка — «караоке со звездой». Может пригласить любую звезду, были бы деньги у клиента. Бизнес, несмотря на кризис, процветает. Тихонов часто бывает на светских тусовках, но без жены. Метросексуал. Обаятелен, но близко к себе никого не подпускает.

Майкл Романов, 30 лет. Поэт и композитор. Своей квартиры в Москве не имеет. Человек настроения и симпатий. Сходится с людьми трудно, расстается легко. Предпочитает одиночество и уединение.

Да, любопытный расклад получается. Если бы добавить такие характеристики, как «характер нордический», «истинный ариец», то Штирлиц бы просто позавидовал подобным досье. Все похоже и, тем не менее, все разные. Но кто-то из этого списка наверняка и есть тот самый аноним. Вот только кто? Я даже не знал, как они выглядят. Ни одной фотографии. Странно для шоу-биза, не так ли? Складывалось впечатление, что кто-то намеренно стер всю информацию, касающуюся этого конкурса.

И с кого начать? Яна предупредила, что ни в одном из случаев я не должен ссылаться на нее или на Диму. Под запретом фамилии Королькова и Разумовского. В общем, всех, кого эти несостоявшиеся артисты считали виновными в своей неудаче. Так или иначе, придется поговорить со всеми. А пока пора заняться питерскими делами.

4. Из всех видов съемок свадьбы мне нравятся меньше всего. Я долго думал, в чем тут дело, и только познакомившись с легендарным питерским фотографом **Андреем Коноваловым**, понял, в чем моя проблема. Я просто снимаю, фиксируя один момент за другим, а он **в каждом снимке видит и делает историю**. Достаточно зайти на его страничку ВКонтакте.ру — <http://vkontakte.ru/club283192>, — чтобы понять, о чем речь. Фотографии от Коновалова невероятно чувственные, стильные и экспрессивные, в них есть загадка, есть сюжет. Поверьте, сфотографировать людей так, чтобы зритель по одному только снимку узнал всю предысторию взаимоотношений, невероятно сложно. А вот Коновалову это удастся: Андрей снимает так, как никто другой. И его работу без ложной скромности можно назвать искусством. Так что вполне понятно, что сейчас у него заказов на полгода вперед, в том числе и за границей (Доминикана, Париж и другие замечательные места). Так что он уже сам может выбирать, с кем работать, а от кого отказаться...

Свадьба, которую в этот раз снимал я, оказалась богатой и стандартной. Положенные речи во Дворце бракосочетания, катание по городу с обязательным заездом к Медному всаднику и на Большеохтинский мост. Последней моды я совершенно не понимаю: какая радость стоять посередине грязного моста (слева и справа плотный городской поток) и фотографироваться? Подол белого платья стал серым, фату у невесты то и дело срывал

ветер, прическа растрепалась, а вдоль щек повисли мокрые пряди. Однако новобрачные оказались стойкими молодыми солдатыками и с честью выдержали испытание. Как только мы уселись в белый лимузин, рядом припарковался еще один. Свято место пусто не бывает!

В машине я поинтересовался маршрутом. Следующий пункт назначения — Поцелуев мост. Думал, что молодые там целоваться будут, но ошибся. Жених достал новенький замок с выгравированными именами и датой свадьбы и повесил на решетку моста. Еще одна свадебная традиция... Неужели это гарантирует крепкую семейную жизнь?

Дальше нас ждали еще пять мостов. Тенденция, однако. На семи мостах в Питере молодые должны поцеловаться и сфотографироваться. Питерские мосты я люблю: с них город открывается неожиданно и очень трогательно. Есть какая-то пронзительная безыскусность в обнаженности петербургских улиц. Особенно зимой и в начале весны.

Новобрачные целовались, я фотографировал, думая о своем. Больше всего меня заинтриговала фигура Майкла Романова. Сначала мне понравились его стихи, затем я инстинктивно уловил флер тайны, которая скрывалась за этой персоной... И мне захотелось с ним поговорить. Не как с подозреваемым, а как с интересным человеком. Я чувствовал, что Романову есть, что сказать. Вот только как его найти? Я еще несколько раз набрал номер телефона — глухо, как в танке.

Я очнулся от размышлений, когда понял: молодые нацеловались, замерзли и хотят вернуться в лимузин. В лимузине они поссорились, потом помирились, а я, наблюдая за первыми размолвками, откровенно чувствовал себя третьим лишним. К счастью, дальше нас ждал ресторан за городом, и пока мы ехали, я смог немного отдохнуть.

Свадьба — это тоже своего рода бизнес. Говорят, в жизни каждой девушки есть два события, в которые надо вкладываться: выпускной бал и свадьба. Вот люди и вкладываются. Иногда я думаю, что если собрать все деньги, потраченные на свадьбу, то молодые смогли бы позволить себе не медовый месяц, а медовый год. Сколько денег бездумно тратится на простую, в общем-то, церемонию. Без всякой гарантии. Одна из моих подруг, Катичка, которую я знаю больше десяти лет, как-то пошутила: «Все сказки, Саша, должны заканчиваться совсем другой фразой. Знаешь, какой? Они жили долго и счастливо, и надоели друг другу в один день». И в этих словах есть горькая правда. **Любовь и совместная жизнь — это тяжелый и ежедневный труд.** А свадьба... Свадьба — это пиар. Особенно в шоу-бизе.

Я заметил, что на любом проекте, так или иначе, возникают слухи о романтических отношениях самых популярных героев. Рейтинг подсказывает, как температура при гриппе, народ смакует подробности, просматривает фотографии, обсуждает количество денег, потраченных на машину, ресторан и церемонию, завидует свадебному путешествию. Но что стоят эти чувства в реальности, если их выставляют напоказ?

Я смотрел на счастливых новобрачных и пытался вспомнить, сколько звездных браков выдержало испытание временем. Забавно, даже рождение ребенка — не всегда свидетельство искренних отношений. Иногда и ребенок — тоже пиар. Слезные истории о бесплодии пары, походы в центры, затем известие о зачатии, и все девять месяцев пресса сотрясает новости а-ля: «Актриса такая-то беременна!», «Актриса такая-то снялась обнаженной и с животом!», «Актриса такая-то выгнала мужа за измену и теперь будет воспитывать ребенка одна!» После рождения ребенка следует бурное примирение и слегка возросший рейтинг актрисы такой-то.

Помню, был период, когда вся страна говорила о свадьбе балерины Анастасии Бабочкиной. Кареты, платья, предсказания гадалок, охапки роз, бриллианты. Все это было так красиво, так романтично — и так неправдоподобно. Невеста давала интервью, говорила, как она счастлива и влюблена, делилась планами о свадебном путешествии. И никто не обращал внимание на жениха, игравшего одну из главных ролей. На его лицо — грустное и отчужденное. Нет, на этом лице была умело нарисованная улыбка. Он послушно двигался, согласно свадебному сценарию, напоминая сломанную марионетку. Мне кажется, он тогда уже понимал, во что ввязался чувствуя себя чужим на этом разрекламированном аляповатом празднике жизни. Однако сказку отменить нельзя. Ее надо доиграть до конца, до тех самых слов: «Они жили долго и счастливо». Но что потом, когда гости разойдутся, камеры выключат, и новоиспеченные супруги останутся в роскошных декорациях?! Будут продолжать играть друг с другом? Или разойдутся по разным углам ринга?

Я где-то читал, что **самодостаточный человек никогда не выпячивает свою важность и старательно скрывает события частной жизни.** Поскольку говорить об интимном на людях — дурной тон. Самое неприятное, когда известные люди ссорятся. Тогда на публику выносятся грязь. Мои коллеги обожают подобные истории и нередко иллюстрируют их фотографиями: вот свадебное фото, где оба наигранно влюблены и счастливы, а вот фото у суда. Поделили детей и имущество. Разбежались в разные стороны.

Может, поэтому я не очень люблю снимать свадьбы известных людей?

Свадьба в шоу-бизнесе — это игра в отношения, очень нечестная, очень некрасивая игра. И за эту игру всегда следует расплата. Играть в любовь нельзя. По той же причине, по какой нельзя читать чужие письма. Нельзя и все тут.

— Приехали!

Я нехотя вылез из уютного салона и вышел на улицу. В спину подул холодный апрельский ветер. Сегодня он почему-то был особенно тоскливым.

5. — Ты в Питере? Это здорово! Срочно двигай на Малую Посадскую.

— Зачем?

Я ввалился в квартиру и теперь наблюдал, как Рекс и Альф обнюхивают мой рюкзак.

— Ну, ты даешь! Нашел, кому такие вопросы задавать. Сказала — двигай, вот и двигай. Немного пиара тебе не повредит. Будешь давать интервью.

Я приосанился.

— О чем будем говорить?

— О шоу-бизе, конечно, — фыркнула Алина, и я уловил ее раздражение. — Эта тема интересна во все времена. Кто, с кем, почему и где. Ты у нас в шоу-бизе дока. Вот и расскажешь провинциальным петербуржцам о делах столичных.

Она повесила трубку, а я без сил сполз по стене. Ну почему! Почему, когда ты уже распланировал вкусный ужин, помечтал о горячей ванне, в твои планы врывается вездесущая и неумолимая Алина Катран!

Эх...

Я оставил рюкзак на растерзание котам и вышел из квартиры. С Алиной не поспоришь.

Алина Катран — пиар-директор радиостанции «Нашенское радио». Мы знакомы с ней давно. Вместе начинали в журнале «МОЙ», правда, мне больше нравились поп-исполнители, которых Алина на дух не выносила. Она предпочитала рок. Потом судьба развела нас по разным сферам: я все больше зависал в Москве, Алина попала на «Нашенское радио» и стала заниматься пиаром. Весьма успешно, надо сказать. Параллельно она довольно часто ездит в Лондон — на учебу. Хорошая фишка. Я бы тоже ездил, если бы знал, чему хочу научиться. Но в голове пока полный хаос и непонимание дальнейших целей. Со временем я, наверное, приду к «общему знаменателю», а пока остается восхищаться целеустремленностью других людей. В данном случае — Алины.

Через час она встретила меня в вестибюле радиостанции и поторопила:

— Пошли!

Вместе мы смотрелись весьма интересно: у Алины почти такой же цвет волос, как у меня.

Она ядовито отметила:

— Интересный колорчик! Неужто в Москве делал?

— Обижаешь! Только в Питере! **Страшная сила** — это...

— Это красота, — закончила Алина. — Ты, кстати, их корпоративную газету видел? Последний номер? Там такая статья была классная — мы всем от делом читали и тебя, кстати, в рубрике «Вокруг света» опять видели на фотках.

Я расстроился: как я мог об этом забыть? Газета — это новый проект моего любимого салона красоты, причем делают ее не профессиональные журналисты, а сами сотрудники «**Страшной Силы**»: получается креативно,

весело и ярко. Каждый клиент, заехав в салон, получает свежий номер... Множество интересных фактов, новостей, фотографий — есть в газете, и я очень люблю ее читать. Всячески рекомендую артистам в тусовке обязательно побывать в «**Страшной Силе**», а кто ломается — показываю газету и окончательно этим «добиваю».

Может, завтра успею заскочить к ним? Я прикинул по времени: увы, все расписано вплоть до минут.

— Нежданов, ты случаем нигде склероз не подцепил? — рассмеялась Алина. — Чего ты так расстроился? Ты же подписан на газету, как постоянный клиент. Получишь, пусть и с недельным опозданием. Только почтовый ящик почаще проверяй. А сейчас давай работать! Значит так: сначала заставка. Потом мы с тобой болтаем о шоу-бизе, потом снова заставка, а там посмотрим. Сплошная импровизация и никакого роаяля в кустах.

У радио своя магия, отличная от телевидения. На телевидении всем заправляют картинки. Камера фиксирует любые недочеты, издевается над твоим внешним видом, и ты испытываешь комплекс неполноценности, мучаясь от того, что на экране выглядишь толстым, неуклюжим, некрасивым и каким-то не таким, каков ты есть в реальной жизни. Знаю, что у многих артистов был настоящий шок, когда они увидели себя на экране. «Это не я!» Камера, по сути, это бог, но бог языческий, которому надо угождать и поклоняться, приносить жертвы. Какие? Ну, например, не есть после шести вечера, чтобы потом не пугаться колобка в телевизоре.

Радио другое... Здесь вся магия заключена в голосе. **Голос — уникальный инструмент, с помощью которого можно творить настоящие чудеса.** Моя подруга Катичка, о которой я уже упоминал, как-то сказала мне:

— Ты не представляешь, Саня, какую историю можно создать с помощью голоса. Еще до первого свидания. Полутона, паузы, недомолвки, полунамеки... Ты ничего не сказал, но она уже придумала себе целую историю. Связала одеяло. Учись соблазнять, Саня... В том числе и с помощью интонаций.

Катичка для меня, как вторая мама. Всему учит, рассказывает. Когда я ссорился со своими девушками, Катичка всегда брала мою сторону: успокаивала, направляла на путь истинный. Однако, в отличие от других, она никогда не разговаривает со мной менторским тоном: любую ситуацию разложит, словно психолог, и объяснит, в чем я прав, а в чем нет. К примеру, был такой случай. Я отправился на встречу с девушкой, к которой испытывал искреннюю, но дружескую симпатию. И когда мы гуляли, чисто рефлекторно взял ее за руку. Мне так было удобно. Девушка вообразила, что я к ней испытываю более сильные чувства. И на каком-то этапе наших отношений возникло непонимание. Любви быть не могло, дружбы не получилось. А виноватым оказался я. И Катичка объяснила мне, почему:

— Для тебя, Саня, — сказала она, — взять человека за руку ничего не значит. Ну, взял и взял. Обычный жест. Тебе комфортно. А девушка думает: «Ага, он взял меня за руку, он что-то хочет мне сказать, наверное, он влюблен».

Кстати, ты знаешь, что ладонь человека — это средоточие эrogenных зон, и когда ты берешь барышню за руку, она испытывает возбуждение?!

— Серьезно?

— Какой смысл шутить? Поэтому прежде, чем что-то сделать, подумай о возможных последствиях.

— Чужая голова — потемки. По-моему, вы, женщины, все усложняете.

— Возможно, — кивнула Катичка. — Но без этих сложностей вы бы умерли от скуки.

Но я отвлекся. Итак, радио. Место, где можно расслабиться и не следить за выражением своего лица. Важен голос и важны интонации.

Раз. Два. Три. Мы в эфире.

— Сегодня мы будем говорить о шоу-бизнесе. У нас в студии известный фотограф Александр Нежданов, — произнесла Алина своим неповторимым голосом. — И мой первый вопрос: Саша, можно ли сделать карьеру в шоу-бизнесе, если ты живешь не в Москве?

— Можно, но это будет сложнее и дольше. Если перефразировать известное выражение, то можно сказать: все дороги ведут в Москву. Там сердце российского шоу-биза.

— И как оно бьется?

— В своем обычном ритме — часто и бешено. Иначе и невозможно.

— Ты согласен, что шоу-бизнес — это большое испытание для психики?

— Скажем так, со слабой психикой в него лучше не лезть — съедят и не заметят.

— Стальные нервы тоже не гарантия, что все пойдет гладко, — не согласилась Алина. — Попав в эту систему, ты начинаешь жить по ее правилам. Тебе нравится жить по правилам, Саша?

— А ты будто не живешь, пусть и по другим, но правилам! — парировал я. — Любая профессия — это часть определенной социальной системы. Шоу-бизнес критиковать легче всего. Он всегда на виду и всегда гипертрофированно наполнен слухами и сплетнями.

— Но ты посмотри, как возникают эти сплетни и слухи! В большинстве случаев они высосаны из пальца. В них логики нет! Все так или иначе крутится вокруг свадеб, разводов, дележа имущества, рождения внебрачных детей, а когда спрашиваешь артиста о том, чего он в профессии добился, в ответ слышишь невразумительное мычание или, что еще гаже, заученные слова. Я поэтому не люблю говорить с представителями попсы: сказать им нечего, и приходится самой заполнять паузы. В шоу-бизе нет творчества, Саша! Нет главной составляющей для творчества и самореализации — импровизации. Все можно купить и все можно продать. И очень обидно за действительно талантливых людей, которые не могут пробиться. Поскольку не хотят играть по правилам. У нас звонок.

— Ваше мнение о «EUROsong». Нет ощущения, что в очередной раз будет обидно за державу?

— Пока у меня такого ощущения нет, — ответил я. — Думаю, Россия справится с поставленной задачей.

— Меня многие спрашивают, зачем выбрасывать миллионы на такой конкурс, когда в стране и без того тяжелая финансовая обстановка, — Алина подбросила «дровишек» в разговор.

— Меня тоже многие об этом спрашивают, но я каждый раз вспоминаю такой эпизод. Мои знакомые — отличная любящая пара — очень хотят ребенка, а тут кризис. Естественно, встал вопрос: рожать или нет, если будущее представляется в черных тонах. Высказали свои сомнения родителям, а те в один голос: ну и что, что кризис? Жизнь-то продолжается! Я понимаю, что для кого-то деньги, потраченные на конкурс, кажутся бездумным расточительством. Но деньги и созданы для того, чтобы их тратить. Почему бы не потратить на праздник? Кризис когда-нибудь закончится, а вот воспоминания о празднике останутся. К тому же этот конкурс не такой уж и дорогой. Думаю, Олимпиада в Сочи обойдется России в значительно большую сумму, но никто не говорит, что ее надо отменять из-за кризиса.

— А в чем, по-твоему, успех этого конкурса?

— В массовости. Причем это касается не только поп-направления в музыке. Этот конкурс открыт для всех.

— И для рок-исполнителей? — прищурилась Алина.

— И для них. Вопрос лишь в том, что рок-исполнители с презрением и, я бы даже сказал, с некоторым снобизмом относятся к «EUROsong». Мол, это шоу для домохозяек, а что домохозяйки понимают в рок-музыке!

— А что они понимают?

— Вот ты сейчас иронизируешь, а зря... Главная ошибка любого исполнителя — недооценивать аудиторию. Артисты часто говорят: «Это моя аудитория». Но в большинстве случаев они выдают желаемое за действительное. То есть артист представляет себе некоторую идеальную для себя аудиторию — знающую, понимающую, все чувствующую. Но в реальности все обстоит далеко не так. Есть люди, которым может нравиться, а может не нравиться то, что ты делаешь. Но не всегда у них есть возможность узнать о тебе. В силу самых разных обстоятельств. И любой конкурс, каким бы он ни был, — это возможность показать себя. Помнишь, как финские фрики пришли и сделали всю Европу? Не потому, что у них была супер композиция, а потому, что они резко отличались от всех.

— Рок никогда не был массовой культурой, — возразила Алина.

— Я знаю как минимум семь теорий массы, и из каждой этой теории можно вывести новое понятие массовой культуры. Да, принято считать, что культура делится на массовую и элитарную. Рок традиционно относят к элитарной культуре. Понятно, почему. Это льстит самолюбию. Быть не таким, как все, — значит быть избранным. Но я бы не стал проводить таких четких границ. Рок — это часть нашей культуры, и у него огромная аудитория.

И если хотя бы на минуту представить, что у него есть шанс стать основным музыкальным течением...

— Утопия, — фыркнула моя собеседница. — Людям нравятся тексты и мелодии попроще.

— Если каждый день показывать по телевизору медведя на коньках и говорить, что он гениален, люди поверят и в это. Альтернативы-то нет: каждый день на экране телевизора одни и те же поп-исполнители. Но вспомни, каким был рейтинг у проекта «Две звезды», когда в нем принимали участие Арбенина или Пегалея? Зрители обалдели: оказывается, можно и так, совершенно на другом уровне. И не все измеряется попсой. Если мы хотя бы на минуту откажемся от штампов, то увидим, что мир намного шире и сложнее, чем нам представлялось.

— А массовая культура...

— Массовая культура — один из важнейших элементов международного влияния, потому что массовая культура — это еще и политический инструмент. **С помощью массовой культуры каждая страна продвигает свои ценности. И делает это подчас намного быстрее и эффективнее, чем политики. Это очень важно,** Алина. Я много езжу по миру, но только сейчас к нам стало меняться отношение. Не в плане политики, а в плане истории, культуры. Люди в других странах совершенно неожиданно поняли, какие мы на самом деле и что наша культура не измеряется в матрешках. Если мы хотим изолировать себя от мира, можно и дальше игнорировать этот и другие конкурсы, презрительно кривить губу — мол, для нас это моветон, мы выше, мы лучше! Однако если мы хотим реального успеха в мировой музыкальной индустрии, надо двигаться дальше...

— Ты прав и не прав, — протянула Алина. — Прав в том, что свободно и довольно объективно говоришь о назревшей проблеме в музыкальной индустрии. Не прав в том, что придаешь этому конкурсу какое-то супер-пупер мировое значение. Признайся, данный конкурс уже давно отдает душком, давно не рождает звезд. В конкурсе принимают участие 42 страны, а в памяти у зрителей на следующий день остаются в лучшем случае два-три человека. Об остальных люди говорят примерно так: «Та черненькая, та беленькая, та толстенькая и вон тот голубенький».

— Его смотрят миллионы. И хочешь ты того, не хочешь, но с их мнением надо считаться. Я думаю, что рок-исполнители просто боятся, что на фоне поп-исполнителей окажутся несостоятельными на сцене «EUROsong». А ведь у них есть преимущество...

— Какое?

— Песни. Сильные, хорошие и красивые песни. При наличии грамотного режиссера можно поставить отличный номер, который зацепит миллионы. Но страшно... А вдруг не получится? Страшно не проиграть — страшно проиграть попсе.

6. Я вышел из студии и перевел дыхание.

— Отличный эфир, — сказала Алина. — Телефон раскалился добела, и наш сайт вот-вот обрушат. Задел за живое.

Я включил телефон и увидел кучу пропущенных звонков. Вот этим Питер и отличается от Москвы. В Питере тебя всегда услышат. На экране светился знакомый номер. Еще одна моя хорошая подруга — Аничка.

— Привет, Саня. Слышала тебя. Отличная передача. Мне понравилось.

— Я думал, ты бороздишь океан.

Она рассмеялась:

— Я дала ему передышку. На несколько дней заглянула в Питер, а тут ты. Хороший знак.

— Жаль, что редко теперь видимся.

Она вздохнула:

— Жизнь такая, иногда и на себя времени не хватает. Но надеюсь, что когда-нибудь и этот период закончится.

В свое время нас было четверо. Катичка, Аничка, Светичка и Санечка. Мы смеялись над уменьшительно-ласкательными суффиксами, но одно-временно находили в них какую-то особенную теплоту. В компанию этих девчонок я влился случайно, познакомившись с ними в Интернете. Они приняли меня как своего, научили пить зеленый чай, есть вегетарианскую кухню и уметь замечать простые радости жизни, которых на самом деле очень много. А потом все как-то разошлись по своим путям-дорогам, встречи стали редкими, как и звонки. Общение в Интернете по-прежнему было теплым, но уже торопливым. Я стараюсь не вторгаться в их мир, четко держа дистанцию, но иногда что-то накатывает, и я с тоской вспоминаю нашу легендарную четверку. Аня по-прежнему очень важный для меня человек, чью жизненную философию можно выразить одним словом: позитив. Она ходит на регату в океан, мотается по работе по миру. Ее фишка — большие фаланги пальцев. Пальцы очень красивые, длинные и необычные. Она вообще необычная.

Мне был приятен этот звонок. Питер — город, сотканный из случайностей, город, где внезапно и как-то вдруг пересекаются люди, которые давно не виделись. Встреча может произойти где угодно. Древние говорили: когда выходишь из дома, будь готов к встрече с врагом. В Питере я эту поговорку перефразировал: когда ты выходишь из дома, будь готов к встрече с другом.

Прощаясь с Алиной, я увидел, что в холле на меня в упор смотрит высокий темноволосый парень, но не придавал этому значения. Хотя парень почему-то показался мне смутно знакомым. Где я мог его видеть?

Он догнал меня на улице.

— Нежданов?

— Я.

— Привет. Я Майкл. Романов. Поговорим?

7. «Повари» — мой любимый ресторан в Питере. Во многом любовь эта связана с итальянской кухней, до которой я сам не свой. Это заведение, проникнутое ИСТИННЫМ итальянским духом. Приятный интерьер располагает как к длительным посиделкам с друзьями, так и к романтическому tet-a-tet. Мягкий свет, уютные диванчики, стены, расписанные видами итальянских городов — всё создает атмосферу комфорта и блаженства. Но главное обстоятельство, благодаря которому «Повари» пользуется неизменной популярностью у самой разнообразной, в том числе весьма искушенной публики — это кухня и, впрочем, я говорил об этом. «Повари» — ресторан для своих, а его шеф-повар **Джузеппе**, готовит просто бесподобно. Найти этот ресторан с первого раза не так-то просто, но если побывал здесь, обязательно вернешься. Я всегда беру суп-крем из лосося и вкусный стейк. Хотя макароны и пиццы у них тоже бесподобны и всегда в меню есть что-то новое, а летом еще и открыта прелестная веранда, на которой хорошо сидеть по вечерам.

Но сейчас был апрель, и для ужина на свежем воздухе было не очень подходящее время. Меня удивило, что Майкл не только прекрасно знал это место, но и, судя по всему, был здесь завсегдатаем.

До ресторана мы доехали молча, в каком-то немом согласии: будто сговорившись начать беседу только после того, как сделаем заказ. И эта затянувшаяся пауза была на руку.

Сказать, что я был удивлен этой внезапной встречей — значит, не сказать ничего. Ведь еще несколько часов назад я подумал о том, как хочу познакомиться с этим человеком. И — на тебе, знакомство практически состоялось. Иногда в жизни случаются почти мистические совпадения: ты думаешь о каком-то событии, представляешь его во всех подробностях, и вдруг оно с тобой происходит, вопреки логике и разуму. Это неизменно меня удивляет. Странно, что Майкл оказался в Питере в то время, что и я. Странно, что он приехал на «Нашенское радио», и странно, что сам предложил поговорить. От этих странностей голова шла кругом.

Опять же не сговариваясь, мы выбрали самый дальний столик и сделали заказ. Он сидел напротив — в потертой кожаной куртке, небритый. Пальцы сцеплены в замок.

— Мне понравилось, что ты сказал в эфире, — произнес он вдруг. — «EUROsong», конечно, полный отстой, и не наша вина, что его сделали таким. Люблю, когда люди с честью и спокойно защищают свою точку зрения. Мне это нравится. Если бы ты стал юлить... В общем, неважно. Мне сказали, что ты в Москве меня искал. Зачем?

— А почему ты в Питере?

Он пожал плечами:

— Москва душит. В Питере пока еще дышать могу. Да и то с трудом. Уехать бы куда-нибудь. В Шамбалу, к примеру. Ты был в Шамбале?

— Не приходилось.

— Вот и мне. А хочется! Там, говорят, третий глаз открывается. И все начинаешь видеть в ином свете. Поеду в Шамбалу, буду трехглазым. Кстати, зачем ты меня искал?

Этот парень хоть и умел отвлекаться на разные темы, но не забывал о главном.

Я тоже не стал ходить вокруг да около. Время — деньги.

— Это твои тексты выложены на сайте Killingstars.ru?

Он не юлил:

— Мои. Какой смысл скрывать?

— А сайт чей? Может, твой?

— Ты молодец, Нежданов. Умеешь грамотно поставить вопрос, — хмыкнул Майкл. — Однако не по адресу. Сайт ко мне не имеет никакого отношения. Понятия не имею, чей он. От природы, знаешь ли, нелюбопытен. Да и в грязи копаться не люблю. Так что уж не взыщи!

Похоже, что не врал. Однако при упоминании сайта по его небритому лицу скользнула тень, словно сама мысль об этом была Романову неприятна.

Когда нам принесли заказ, я возобновил разговор.

— Ну, а как тогда твои тексты появились на сайте? Если ты заказчика даже не знаешь.

— А чего тут сложного? — казалось, мой вопрос его действительно удивил. — Пришел анонимный заказ по электронной почте. Дескать, смогу ли, дескать, насколько мне это интересно. Отчего не смочь? А интерес... Интерес, Нежданов, штука странная: иногда возникает сам по себе, иногда пропадает. Однако для профессионала он не играет никакой роли: все упирается в вопрос, сможешь или нет. Предупредил человека, что с анонимами без полной предоплаты не работаю. Тот ответил, что без проблем, спросил, сколько я хочу. Я назвал сумму и реквизиты счета. На следующий день мне перевели в полном объеме.

— Оригинальный подход к делу. А если бы ты кинул заказчика?

Майкл задумался.

— Ну, кинул бы? И что? Вопрос, кто из нас в данном случае больше рисковал. Хотя я почему-то думаю, что он меня знает. Причем не понаслышке, а лично. Было в его письмах что-то такое, смутно знакомое... Но в подробности я не вдавался, мне подробности не нужны: меньше знаешь, лучше спишь. В общем, если мы с ним знакомы, то он должен знать, что я никогда заказчиков не кидаю. Если бы тексты по каким-то причинам не устроили, переделал бы без вопросов. Мне не привыкать. Я иногда одну строчку по тридцать раз переписываю.

— Не жалко?

— Если заказчик хочет, если он платит деньги, то его право требовать тот результат, который ему хочется. Однако этого все устроило. По крайней мере, нареканий не было. Деньги я получил, а вместе с ними и свободу...

Примерно на год. Могу путешествовать, могу лежать на диване, могу жизнь прожигать. Когда у тебя есть деньги, ты все можешь. Не помнишь, кто сказал: нельзя жить в обществе и быть свободным от него?

— То ли Маркс, то ли Ленин.

— Один хрен. Ошибались они. Можно. Если у тебя есть деньги, можно все.

— Однако на сайте нет указания на твое авторство.

Он нарочито зевнул:

— А я за авторством не гонюсь. Пустое это все.

— Авторство пустое? — изумился я. — Ты готов подарить то, что написал, кому угодно?

— Не подарить, а продать. Почувствуй разницу. Нежданов, ты рассуждаешь, как любой человек, попавший в шоу-биз. Поверь мне, с точки зрения Вечности все это не имеет никакого значения. Квартиры, машины, популярность... Я это понял, когда они меня из шоу погнали. За это отдельное спасибо Разумовскому: после первого шока пришло прозрение. Я вдруг осознал, что не такой, как они, и не надо мне ни славы, ни материальных ценностей. Мне нужна свобода. Свобода и все! Но без денег в этом гребаном мире ты не можешь быть свободным! Ты хочешь жрать, пить, тебе нужна крыша над головой, ты нуждаешься в постоянной эмоциональной подпитке, наконец, тебе нужен секс, который тоже продается и покупается. Все в этом мире продается и покупается.

— Странная философия. Дауншифтинг с материальным уклоном.

Он упрямо сжал губы, и я только сейчас заметил, что верхнюю нубу пересекал бледный извилистый шрам, придававший лицу странное, почти зловещее и одновременно отчаянное выражение.

— А мне нравится! Тот, кто говорит, что он далек от материального, врет. Нельзя сотворить красоту, будучи голодным. Не получится! Лично я пишу на сытый желудок, и качество текстов зависит от количества съеденных деликатесов. Пишу только для того, чтобы у меня были деньги и я был бы свободен от всех. Знаешь, как это раздражает?

— Кого?

— Всех! — он коротко и зло хохотнул. — И мне это нравится! Ты, наверное, думаешь, что я чувствую себя неудачником? Ошибаешься! Неудачники те, кто живет по правилам. А в моей жизни правил нет. Меня забавляет, когда приходит попса и просит хит. Пожалуйста! Мне не жалко. Платите деньги, и у вас будет хит! И они платят. Потому, что хотят быть богатыми и успешными.

— Но ты их презираешь.

— Презираю. Что есть успех в шоу-бизе? Звездная пыль. Они никто и ничто. Даже Наташка Минор, лучшая из того шоу, да и, пожалуй, на нашей эстраде, никто и ничто. Не потому, что она бесталанна, а потому, что увязла в этой системе. И дальше будет только хуже. За все в этой жизни приходится

платить, но шоу-биз выставляет непомерные счета. Это как ипотечный кредит — платишь всю жизнь и уже забыл, за что, собственно, платишь.

— То есть зла на тех, кто тебя выпер из проекта, не держишь?

— Напротив, я им благодарен. Они мне подарили меня же.

— А твои коллеги?

— Парни-то? А черт их знает. Я с ними уже года два никаких отношений не поддерживаю. Да и в рамках шоу тоже мы не особо общались. Девчонок, которые погибли, жалко. Только знаешь, Нежданов, не верю я, что это сделал кто-то из парней. Я бы на организаторов поставил. Кому рейтинг был нужен. Парни хлипкие были, тряслись перед каждым выступлением, а убийство внутреннего стержня требует, сосредоточенности, что ли, жесткости.

— Прямо киношный вариант какой-то! — не удержался я от подкола. — В жизни все намного проще. Кто-то из вашей пятерки совершил преступление, а похож он на убийцу или нет, сегодня не так уж важно.

— Первую звали Оксаной, — сказал Майкл, и его лицо исказила гримаса нежности. — Я был в нее влюблен. Во вторую, в Милу, кажется, был влюблен Игорь. До безумия. Ты думаешь, можно убить того, кого ты любишь?

— Извини, я не знал.

— Этого никто не знал. Ну, почти.

Передо мной сидел совершенно другой человек, и я вдруг понял: все, что говорилось до этого, — маска. Настоящий он сейчас. Мужчина, потевший любимую женщину, а с ней и смысл жизни. Отсюда эти метания, невозможность долго оставаться на одном месте, отсюда пронзительные песни о любви. Все его песни становились хитами по одной и той же причине: оплакивая Оксану, он одновременно оплакивал и свой осиротевший мир. А люди любят чужую боль. Даже на подсознательном уровне.

Мне стало неловко, словно я, сам того не зная, забрался на запретную территорию. И я перевел разговор на Марусина.

— Игорь? Он странный был, мы с ним толком даже не общались. Кто-то говорил, что сначала он на Наташу глаз положил, она же красавица, у нее бешеная харизма. Но у Минор почти с самого начала шоу что-то с Разумовским замутилось. Марусин остался не у дел. Потом мне кто-то сказал, что он вроде бы признался в любви Миле. Она ответила отказом. Дескать, он женат, у него дочка. Знаю, ты скажешь, что в припадке ревности и отчаянья он мог ее убить, но... Ерунда все это! Не убивал он! Он ее следы целовал. Мне кто-то говорил.

— В переносном смысле?

— В прямом! Я, конечно, не видел, но все это обсуждали. Он надеялся, что когда-нибудь она скажет «да». Игорь и Мила прекрасно бы смотрелись вместе, как и мы с Оксаной. И казалось, что все еще будет. Но он пришел и убил.

— Кто?

— Тот, кто собирается убить победителя конкурса. Тот, кто замутил этот дурацкий сайт. Тот, кто убил Ксюху.

— И кто он? Неужели нет никаких догадок?

— Думаешь, я не искал? — Майкл криво усмехнулся. — Рыл землю. Да только он умный, сволочь, умеет следы замечать. Даже служба безопасности Разумовского не справилась.

Я вспомнил, с чем еще не справлялась служба безопасности Разумовского, но промолчал. Видимо, она у него для декорации. Чтобы песни на праздниках петь: «Наша служба и опасна, и трудна».

— И ты ничего не найдешь, — сказал Романов. — Это человек-невидимка. Он нас знает, а мы его — нет.

— Думаешь, он действительно способен убить победителя? Но зачем? Отомстить?

— Отомстить? — спагетти, заказанные Романовым, так и остались нетронутыми. На тарелке лежала холодная склизкая масса. Джузеппе будет очень огорчен. — А зачем ему мстить? Да и кому? По-моему, месть в шоу-бизе — это смешно и нелепо. Как паяц, истекающий клюквенным соком.

— Тогда зачем?

— Ему нравится убивать. Ему нравится убивать, когда кругом много народа. Это неправда, что девчонок убили за пределами студии. Так сказали. Чтобы скандал замять. И несчастные случаи придумали. А мы к тому времени контракт уже подписали и молчали по контракту. Хотя... Что могло измениться, если бы мы сказали правду?

— Как их убили?

— За кулисами. За несколько минут до выступления. Ведущий вызывает Ксюху на сцену, а она лежит со шнурком на шее. Я схватил ее за руку, а она теплая еще, почти живая. И с Милой, наверное, так же было. Игорь на секунду отлучился, а вернулся, ее одежда в луже крови. А самой Милы нет. Ее так и не нашли. Ребята говорили потом, он выл, словно загнанный зверь. А в зале жена с дочкой сидели.

— Говорили?

— Я не помню. Я после Ксюхи вообще ничего не помню. Запил. Я даже не помню, как они нас из шоу выпирали. Все в тумане. Несколько лет прошло, а я до сих пор не живу. Разучился как-то. Пишу песни, езжу по миру, а в душе холод и пустота.

Мы оба пили зеленый чай, но почему-то вкус у него был горький — вкус отчаяния и безнадежности.

8. После разговора с Майклом я отправился бродить по Питеру. Я был отравлен Москвой, столичным шоу-бизом, историей Майкла — всем, что случилось в последние дни. Мне срочно требовалось противоядие, и этим противоядием был Петербург.

Когда есть время и настроение, прогулки по Северной столице затягиваются на несколько часов. **Этот город непостижимым образом излечивает душу, возвращая гармонию и вдохновение.** Когда тебе плохо, он делает необычные подарки: будь то встреча с давним знакомым, необычный

ракурс старинного дома или вид на набережную, от которого захватывает дух, долгожданная вещь за смешные деньги, обрывки интересных разговоров, отражения в витринах, блики на золоченых куполах... Всего и не перечислить. Каждый такой подарок имел несколько смыслов и подтекстов, мне нравилось разгадывать их мистическое значение.

Я неторопливо брел от Васьки с сторону Приморской... Одна за другой проплывали линии Васильевского острова, с Невы дул прохладный ветер. Я физически ощущал, что с каждым шагом черные мысли разбиваются о сверкающую апрельскую капель и я начинаю улыбаться. Хотелось чуда.

Рядом притормозила иномарка. Визгнули тормоза. Сильная мужская рука сгребла меня и рывком бросила на переднее сиденье. Двери щелкнули — сработала блокировка. Водитель дал по газам. И все — за считанные секунды.

Меня похитили? Я набрал воздух в легкие, чтобы заорать, и встретил смеющийся взгляд брата.

— Здесь остановка запрещена, — невозмутимо пояснил он. — А вообще, привет, Сань, сколько лет, сколько зим... Давненько я тебя не видел в славном городе Питере.

Я перевел дыхание.

— Ну и шуточки у тебя!

— Шуточки у тебя, — парировал брат. — Я и не знал, что ты здесь. Еду со встречи, смотрю — впереди знакомая шевелюра мелькает... Ладно мне, маме почему не позвонил? Она с тех пор, как ты умотал в Москву, места себе не находит.

— Честное слово, собирался.

— Собирался он, — проворчал Антон. — Так я тебе и поверил.

Поскольку подобные разговоры происходили уже неоднократно, я поспешил сменить тему, мысленно дав себе слово позвонить маме вечером.

— Ты сейчас куда?

Брат почему-то смутился и замялся. Меня это заинтриговало.

— Секрет?

— В некотором роде, — признался он после паузы. — Дай слово молчать пока.

— Честное неждановское.

— Я квартиру решил купить. Хочу Маришке сюрприз сделать.

— А чем тебя старая не устраивает? — удивился я.

— Сань, у тебя никогда не было, чтобы ты случайно оказался в каком-то месте и понял, что именно здесь и находится твой истинный дом?

— Было, — признался я. — В Австралии. В последний день сидел на берегу и ревел белугой — так не хотелось уезжать. Наверное, в прошлой жизни я был коалой или кенгуру...

— Утконос ты, а не коала, — усмехнулся Тоха. — Коалы — животные семейные, они родную мать почитают и по приезду сразу же ей звонят.

Было видно, что он смягчился.

— Да позвоню я, сказал же! — разозлился я. Вот Фома неверующий! — Ты лучше про квартиру расскажи. С чего такой фортель?

— Понимаешь, в позапрошлые выходные поехали с Мариной к приятелю на новоселье. Он квартиру недавно купил в доме у Комендантской площади. Это новый комплекс. Мы туда, кстати, сейчас едем. Сань, ты знаешь, меня сложно чем-то удивить, а тут... Я как этот дом увидел, понял — мое, и все тут. Вот здесь хочу жить! Дело даже не в самом доме, хотя он действительно очень красивый, и, несмотря на близость к метро, есть ощущение уединенности, тишины, умиротворения, что ли... Плюс магазины под боком... А сами квартиры... Знаешь, они как-то невероятно удобны. Открываешь дверь и понимаешь: ты пришел домой. Тебе здесь хорошо и уютно. В общем, новоселье удалось на славу, погуляли, как и положено, вернулись вечером к себе — тут я и завелся. Хочу квартиру в доме на Комендантском. Всю последующую неделю буквально бредил этой идеей. И...

— И? — осторожно спросил я. — Едешь покупать? А Марина?

— А зачем тянуть? — ответил Антон. — Я уверен, что Марина будет рада. Ей там тоже очень понравилось. В общем, взял координаты у приятеля, позвонил в **Городскую ДомоСтроительную Компанию**, приехал на Казанскую. Центр города — удобно. Посмотрел варианты. Один мне особенно понравился, его я и зарезервировал на неделю. Очень важно — резервируешь и неделю думаешь, покупать или нет. Сегодня ответ должен дать. Менеджер там, Санька, — мечта Голливуда. Это не менеджер, а мисс Вселенная. Олеся. Видишь, даже имя ее запомнил, хотя ты знаешь, что не так часто это бывает... Я ее когда увидел, глазам не поверил: думаю, ну не бывает, чтобы такая красавица квартиры продавала.

— Оказывается, бывает? — не удержался я от иронии. — Тох, я тебя не узнаю... Поверить не могу, что ты за считанные дни решил на такой шаг. Неужели эта квартира того стоит?

— Сам увидишь, — загадочно сказал брат.

Кажется, ты хотел чуда, Нежданов?

Чудо произошло.

Я даже не понял, когда мы оказались на Комендантском. Все внимание было приковано к дому. Он действительно магнитом притягивал к себе взгляд.

— Интересная архитектура, — заметил я.

— На самом деле, это пять домов, соединенных между собой. Обрати внимание на мансарду — весьма любопытное решение. Про подземные парковки я тебе не говорю — ты же у нас не автомобилист. А мне понравилось.

— А если бы я последовал твоему примеру и купил здесь квартиру, как до центра добираться?

— Тоже мне проблема, — пожал плечами брат. Он в этот момент как раз сворачивал на подземную парковку. — Три минуты от метро, маршруток море, муниципальный транспорт опять же...

Второе мое потрясение касалось Олеси, менеджера **ГДСК** по продажам. Брат не соврал. Невероятная красавица. Длинные вьющиеся волосы, чувственные губы, умные и проницательные глаза.

— Готовы? — улыбнулась она. Фигура у нее тоже была высший класс.

— Готовы, — синхронно сказали мы с братом. И я совершенно не к месту подумал о Фрейде. Потому что понял, что покороен ее улыбкой.

Олеся как будто прочитала мои мысли, тонко и понимающе улыбнулась.

Это была не просто квартира — три комнаты, кухня, ванная, санузел, лоджия и коридор, — это был **ДОМ. Дом со своим характером и чувством стиля, удобный, красивый, в общем, свой**. Словно бы специально придуманный и созданный для Антона и Марины. Я представил, как они здесь живут, принимают гостей... Одна воображаемая картинка следовала за другой, и было понятно, что брат не ошибся...

Я подошел к окну...

— Потрясающий вид, не так ли? — тихо спросила Олеся.

Брат тем временем изучал планировку на кухне.

— Не только вид, сам дом впечатляет. У вас, наверное, отбоя от клиентов нет? Все хотят купить здесь квартиру?

В ответ последовала лукавая улыбка.

— Саша, Вы думаете, что у нас только один этот дом? Компания девять лет на рынке. У нас много объектов — и каждый в своем стиле. Есть, из чего выбрать. Но Вы правы, у этого дома особая аура — это все отмечают. Практически все, кто сюда приходили на «смотрины», купили квартиры... Здесь шикарно жить, растить детей, думать о будущем, наслаждаться настоящим.

— Наверное, покупка квартиры много времени занимает, — пробурчал я. — Оформление документов, платежи и все такое... Меня всегда пугала бумажная волокита.

— А я на что? Моя задача сделать так, чтобы свести все Ваши волнения к минимуму. Для тех, кто рассрочку берет, мы даже специально продумываем удобный график платежей. Сейчас поедem в офис, и Вы все сами увидите, — сказала Олеся. — Если, конечно, Ваш брат не передумает.

— Ну уж нет, — заявил, появляясь в дверном проеме, Антон, — От своего я не отказываюсь.

В офисе на Казанской мне понравилось. Олеся и Антон углубились в обсуждение нюансов договора, а я с интересом изучал объекты **ГДСК**, прикидывая, где бы мне хотелось купить квартиру. От всевозможных вариантов глаза разбегались, а за спиной Олеси я увидел множество грамот и дипломов. Приятно было осознавать, что мой брат попал к одной из лучших сотрудниц.

— Простите, Вы ведь Нежданов?

Возле меня остановилась красивая женщина с потрясающей улыбкой. «Блин, они сотрудников по внешним данным, что ли набирают?»

— пронеслось в голове.

— Ну конечно, Вы Нежданов. Я читала Вашу книгу, — продолжила незнакомка. — Мне понравилось. Неплохо. Правда, по привычке заглянула в конец, чтобы узнать развязку, но это не помешало дочитать ваш роман до конца. Простите, я не представилась — Галина Юрьевна, начальник отдела маркетинга.

— Очень приятно.

— Неужели Вы у нас квартиру решили покупать?

— Я в раздумьях, а вот брат договор оформляет.

Галина Юрьевна бросила короткий взгляд в сторону Антона:

— Олеся — наш лучший менеджер.

— Простите, а миссия Вашей компании в том, чтобы клиенты не только квартиры покупали, но еще и восхищались женской красотой? Я обратил внимание, что у вас одни красавицы работают.

Она рассмеялась:

— Спасибо за комплимент, Саша. Но задача **ГДСК** в другом — дать возможность Вам реализовать свою мечту о качественном, современном удобном жилье. А красота... У нас работают люди, которым нравится их работа. А это, знаете ли, весьма положительно влияет на внешность. Вы знаете... Олеся окончила Психолого-педагогический факультет в РГПУ им. Герцена, и она действительно хороший специалист. Ее очень любит коллектив и уважает начальство.

— Могу ли я Вам задать вопрос не как покупатель, а как журналист?

— Пожалуйста.

— А как Вам удается строить такие дома?

— Какие — такие?

— Особенности. Чтобы человек с первой же минуты понимал, что эта квартира строилась специально для него, что это дом его мечты.

— Да Вы романтик, Саша... Но если серьезно, то Вы сами знаете ответ. Надо любить то, что ты делаешь, тогда и результат будет соответствующий. Вот Вы... Как я поняла, прочитав первую книгу и побывав на Вашем сайте, умеете людей фотографировать, Ваша камера их любит снимать, она раскрывает суть человека... Поэтому и снимки получаются особенными. А мы любим, придумывать и строить хорошие и красивые дома. И люди чувствуют наше отношение. Просто, не правда ли?

Я не успел ответить: подошел сияющий от радости Антон.

— Сань, поедешь со мной? Хочу Маришку порадовать. А потом к маме заглянем. Отпразднуем.

Я кивнул и попрощался с Галиной Юрьевной и Олесей.

— Надумаете — приходите. Найду для Вас квартиру Вашей мечты, у нас постоянно появляются новые объекты, — сказала напоследок Олеся, и в руку мне легла изящная визитка. — Самую лучшую.

— Приду, — пообещал я искренне. — Вот только немного еще подумаю о квартире своей мечты... Может, Вы за это время новый дом постройте. Специально для меня?

ПАУТИНА

Оказалось, что в отсутствие секретарши планировать свой день довольно сложно. Он и не предполагал, сколько эта глупая кукла делала, чтобы выстроить его день. Новую искать не хотелось. Сотрудникам он сказал, что девушка взяла отпуск по семейным обстоятельствам на месяц. А там, глядишь, про нее и забудут. В этой сфере лица быстро забываются. Даже самые талантливые.

Он с тоской посмотрел в ежедневник. Вечером презентация альбома Литты. Приглашение пришло давно, он дал подтверждение и теперь не мог отказаться. Не мог, да и не хотел. Ему нравилась Литта. Своей цепкостью, напором и непохожестью. В ней чувствовался характер, умение взять жизнь за горло. Последнее качество Демиург ценил особо.

Всех этих девочек-однодневок он презирал: они не составляли для него никакой тайны. На гладких лобиках ни одной мыслительной морщинки, ухоженные ногти, волосы, в груди и в губах силикон. Они привычно разевали рот, выступая под фанеру, и столь же привычно раздвигали ноги, стоило посулить особняк на Рублевке и отдых в Ницце. Бедные девочки, они даже не в курсе, что Рублевка нынче не в моде и продвинутые слои населения выбирают совсем другое направление. Они вообще многого не знали, эти девочки. Да и откуда? На знание нужно время и желание, а ни того, ни другого у этих поющих мартышек не было. Потому и пропадали, едва успев появиться.

Литта была другой. Сотканной из особенностей и парадоксов. И вот это несовместимо-необъяснимое и привлекало его к ней. Конечно, чисто платонически, но физиология в последнее время его не особенно и интересовала. Урок с Минор обошелся слишком дорого.

Как он радовался, когда эта «сладкая парочка» публично объявила о разрыве. Однако Наташка оказалась умной и сумела обернуть ситуацию в свою пользу. В день, когда они поженились, он напился. И пил целый месяц. У них — медовый месяц, у него — похмельный. Со временем, конечно, отболело все, но иногда, увидев Минор на какой-нибудь вечеринке, он чувствовал, что теряет контроль. Что-то сладкое, тягучее сжималось в горле и в паху, и ему казалось — еще немного, и все изменится, она уйдет от Разумовского к нему. В конце концов, чем он хуже?

Ничем. Но это уже не имеет значения.

Демиург лениво перебрал договора, лежавшие стопкой на столе. И снова отложил в сторону. Сегодня ему не работалось, шоу-бизнес вызывал стойкое неприятие. Все раздражало, особенно эта показушная подготовка к конкурсу. Организаторы надували щеки, приглашали премьер-министра, чтобы похвастаться задумками, строили сцену, репетировали.

Демиург приезжал в центр, улыбался, кивал, восхищался и... задышался

от ненависти. Как он их ненавидел! Если бы они знали, как он их всех ненавидел. За погубленную когда-то карьеру, за неудавшуюся любовь, за всю свою жизнь, которая вдруг и в одночасье стала бессмысленной и никчемной.

Иногда ему хотелось, чтобы день Икс поскорее наступил. Иногда он его страшился. Не потому, что предстояло убить человека. После первого убийства страх притупляется. Демиург боялся, что ничего не получится, и над ним снова будут смеяться, как тогда на сцене. Он стоял, и все над ним смеялись. А когда он повернулся, чтобы уйти, ему засвистели вслед. Он до сих пор помнил тот смех.

МОСКВА

1. В тот момент, когда в утреннем влажном окне поезда мелькнула Останкинская телебашня, мне позвонил Разумовский. Сам. Видимо, сил терпеть у него уже не было. С другой стороны, понять его можно: май на носу, а расследование практически и не сдвинулось с мертвой точки. Вот Разумовский и нервничает.

— Говорят, Вы удачно съездили в Питер, — начал он без приветствия. — Пусть и немного спонтанно. Слышал, что пообщались с интересными людьми. Хотелось бы узнать подробности.

Интересно, кто ему сообщил? Еще немного, и у меня разовьется мания преследования. Тоже мне, нашли живца. В этот момент мне захотелось все бросить и прямо на вокзале пересест в другой поезд — уехать туда, где все эти дразги шоу-биза не имеют никакого значения. Однако минутный порыв пропал так же быстро, как и возник.

— У Вас надежные источники, Андрей Константинович, — ответил я. — Готов с Вами встретиться в любое удобное для Вас время.

Он довольно хмыкнул, дескать, вот так бы с самого начала.

— Сегодня у Литты презентация нового альбома. В клубе. Там и встретимся.

Он повесил трубку, так и не сообщив о времени презентации: предполагалось, что я был в курсе всех светских событий столицы. Впрочем, это уже не так и важно: время узнать не проблема. К тому же я был бы рад пообщаться с Литтой и сказать ей еще раз спасибо: полгода назад она была одной из немногих, кто сразу и безоговорочно поверил в мою невиновность.

Пара звонков, и я уже знал, что с Разумовским мы встретимся не раньше девяти вечера. Вопрос, как убить время до этого?

Я немного побродил по вокзалу, соображая, куда податься. В агентство Горчева, Марусина, Тихонова? Или сразу в клуб «Лили-Марлен»? Вопрос, как меня там примут. Я чувствовал, что такого спонтанного разговора,

как с Романовым, у меня с остальными не получится. Это особая тусовка, и в этой тусовке, как в Японии, нужно быть представленным, чтобы на тебя обратили внимание. Но, если честно, я до сих пор не знал, о чем с ними говорить. Доказательств никаких, фактов — кот наплакал. С чем соваться? Не праздник же себе организовывать и не пиар-кампанию, хотя это тоже мысль.

Я зашел в кофейню, заказал себе завтрак и присел в самом дальнем уголке. Хорошо, что ноутбук у меня с собой. Вошел в почту, в числе непрочитанных писем значилось и письмо от Watchman.

«Пишу из Европы. Хочется поделиться своими наблюдениями о «EUROsong», раз Вас эта тема так волнует. Был на выступлениях нескольких участников. Сейчас по Европе прокатилась волна промо-туров. Ну, что Вам сказать? Общее мое впечатление — убого все это. Артисты высшего эшелона брезгают принимать участие в конкурсе (исключение разве что составит Мадмуазель, но ей уже сегодня пророчат оглушительный провал). У молодых не хватает опыта, выдержки и вкуса, чтобы сделать что-то интересное и значимое. Мои слова не упрек им, а всего лишь констатация факта. **Беда в том, что артист, которого выбирают для конкурса, мгновенно попадает в жесткие рамки, с первой же минуты он вынужден подчиняться неким правилам: номер, песня, костюм, подтанцовка, бэк-вокал. И он подчиняется, как правило, в ущерб своим представлениям о том, как это должно быть. Все талантливое, самобытное губится на корню. Из артиста делают очередной европейский шаблон. И это удручает.** Из всех претендентов, на мой взгляд, имеет шансы Александр Рудак. Песенка у него незатейливая, я бы даже сказал — музыкально примитивная, но почему-то цепляет. Добавьте невероятное личное обаяние, и вы поймете, почему уже сейчас вся Европа сходит по нему с ума. Россия, думаю, не станет исключением».

Ответить я решил чуть позже, в более спокойной обстановке. Работать в кафе я так и не научился: это старина Хэм или, скажем, Скотт Фитцджеральд обожали засесть с раннего утра в кафе и писать свои нетленки, попивая кофе в неимоверных количествах. По их стопам пошла Джоан Роулинг. Видимо, писательство не дома, а в публичном месте действительно обречено на успех. Но у меня пока не получается. Я все время отвлекаюсь — на людей, разговоры, собственные мысли.

Вот и сейчас по телевизору прошел очередной сюжет про подготовку к конкурсу. Судя по заявленной программе, шоу обещает быть весьма любопытным. Интересно, а что я тут сижу и ничего не делаю? Пора бы и мне присоединиться к этому празднику жизни, иначе он точно пройдет без меня.

Я расплатился по счету и поехал в пресс-центр.

2. Некоторое время назад я читал лекцию на журфаке, и самым распространенным вопросом был: «А как получить аккредитацию на «EUROsong»?» Оказалось, что многие студенты уверены: получить аккредитацию на этот конкурс так же нереально, как, к примеру, полететь на Марс в составе международного экипажа.

Когда-то я тоже так думал. Начинающий журналист из провинциального Питера (для большинства москвичей Питер — большая провинция), кто я для Москвы? Мелкая рыбешка, которую так и норовят съесть более талантливые, более опытные, более зубастые акулы пера. Однако со временем пришло понимание, что ничего особенного в столичных акулах пера нет. Они такие же, как и остальные журналисты, за одним только исключением: у них больше возможностей. И возможности эти дает им Москва. Впоследствии я не раз наблюдал, как столичные понты разбиваются о реалии настоящей жизни. Вне Москвы все видится по-другому. И когда я уяснил это, жить и работать стало намного проще. Важно, какой ты человек, и важно, кто тебя окружает, а все остальное — мишура. И многое, что связано с «EUROsong», тоже мишура.

На самом деле все намного проще, главное, знать некоторые секреты и быть знакомым с нужными людьми и изданиями.

В общем, если вам хочется увидеть конкурс изнутри, то начинать надо с заявки. Думаю, что любой журналист способен зайти на официальный сайт конкурса и заполнить анкету на английском языке: предоставить информацию о себе, об издании, фотографию.

Дальше заявка попадает в Россию — на тот телевизионный канал, который и будет транслировать конкурс в прямом эфире. Раньше монополистом был Первый канал, однако после принятия закона о монополии каналы стали меняться. Так, кусочек звездного «пирога» достался второй кнопке.

Дальше наступает тайм-аут: в течение нескольких дней заявку рассматривают сразу несколько человек — в первую очередь, глава российской делегации, затем пресс-служба телеканала. 90% успеха зависит от того, насколько выгодным и интересным получится сотрудничество с тем или иным изданием.

Если все в порядке, то журналист получает подтверждение: его заявка одобрена. Можно работать!

Пресс-центр конкурса начинает свою работу примерно за две недели до начала «EUROsong» и работает до самого финала. На самом деле это очень удобно: приезжаешь заранее, идешь в пресс-центр, где тебе выдают уже готовый бейдж. Как правило, у всех доступ р — пресса. У меня был такой же, но потом мне удалось договориться и получить более статусный d — делегация. К выдаче бейджа оргкомитет относится примерно так же, как к сохранению государственной тайны: в любой стране бейдж будет оснащен всевозможными степенями защиты — от голограммы до дополнительных

штрих-кодов, чтобы полностью исключить подделку. Если ты теряешь свой бейдж, ты автоматически вылетаешь с конкурса. Поэтому нет ничего смешного, когда посередине какой-либо пресс-конференции журналист вдруг начинает лихорадочно себя ощупывать: окружающие понимают, что он ищет бейдж. И какое облегчение проступает на пепельном от ужаса лице, когда бейдж обнаруживается в одном из многочисленных карманов телевизионной жилетки.

После получения аккредитации наступает еще один приятный момент: подарки. Каждому журналисту выдают промо-пакет, в котором масса всякой приятной и полезной всячины: сумка с логотипом конкурса, футболки, брелоки, диски, подарки от спонсоров. Вот только не надо говорить про продажность и корыстолюбие журналистов. Разве вы сами не любите получать подарки? По-моему, это слабость любого нормального человека: когда тебе делают приятное, ты делаешь ответный подарок. Пусть и в несколько иной форме. Допустим, подарил тебе спонсор хорошую, стильную флешку. Почему бы его не помянуть добрым словом в своей публикации? И не стоит искать здесь скрытую рекламу. Любая корпорация знает: хороший пиар начинается с расположения к себе тех, кто этот самый пиар и может обеспечить. Ничего в шоу-бизнесе не дается просто так. Есть система бартерных отношений: ты — мне, я — тебе. Честно признаюсь: едва получив промо-пакет, тут же сую в него свой любопытный нос. И с большим восторгом рассматриваю кучу мелочей, которые создают отличное настроение. Многие мои коллеги шутят: даже если вы равнодушны к современной эстраде, все равно имеет смысл получить аккредитацию — когда еще вы за раз получите столько отличных подарков?

На самом деле, работать в пресс-центре конкурса невероятно удобно и комфортно: стремительный Интернет, новейшие компьютеры, контакты с журналистами из разных стран. Мне очень нравится атмосфера, которая царит в эти дни: ощущение праздника и вместе с тем профессиональной работы. Как только ты оказываешься на этой кухне, остальной мир перестает для тебя существовать. Ты живешь и дышишь в ритме «EUROsong». И каждое событие конкурса, будь то полуфинал, вечеринка или финал, становится для тебя важным и значимым, пропустить его — смерти подобно.

Полуфиналов на самом деле два. И перед каждым из них идут репетиции, на которые допускаются журналисты и фотографы. Но и тут действует избирательный подход: допустим, тебя пропустили в зал ровно в полдень, а в 16.00 вход бывает закрыт. Выход один: искать подходы к артисту. Если ты с участником конкурса, ты везде пройдешь. Другое дело, что контакт устанавливается далеко не со всеми артистами. Тут уж как повезет. На самом деле, мне очень нравится присутствовать в зале во время прогона. Каждый раз, когда идут прогоны, находятся какие-то косяки, которые исправляются в спешном порядке: то работники сцены за 15 секунд не успели поменять декорацию, то звук не пошел, то спецэффекты не сработали.

Таких заминок бывает много, и всегда интересно наблюдать за реакцией артистов. Кто-то нервничает и срывается, кто-то сохраняет невозмутимость, кто-то включает чувство юмора. За несколько лет работы на конкурсе я научился угадывать, кто из артистов попадет в финал, а кто останется за бортом. И дело не только в удачной песне или ярком, запоминающемся номере, дело во внутренней уверенности и понимании, что все будет так, как тебе хочется. Тот, у кого есть этот внутренний стержень, не нервничает по пустякам, те же, кто слишком волнуются во время прогона, как правило, вылетают во время голосования.

Чем еще радует конкурс журналистов? Естественно, это вечеринки, многие из которых уже вошли в историю «EUROsong». На вечеринках, как правило, вкусно кормят, столы ломятся от яств и дорогих напитков, предусмотрена классная культурная программа. Честно говоря, по уровню такой вечеринки можно многое понять: к примеру, как будет представлена страна во время конкурса, насколько серьезным считается ее участие. Самые богатые, яркие вечеринки у российской, греческой и турецкой делегаций. Некоторым особняком стоит Украина, которая в последние годы только и делает, что фрикует, но фрикует с таким удовольствием и задором, что не только поддаешься на ее провокации, но и получаешь от них массу удовольствия. На вечеринки приходят друзья страны, многие из которых сами принимали участие в конкурсе. К примеру, когда конкурс проходил в Сербии, на вечеринку к Ани Лопак приехала Верка Мордючка. Ох, как они зажигали, до сих пор приятно вспомнить!

На самом деле, я не знаю ни одного другого мероприятия, где бы работа журналистов была организована столь удобно, оперативно и комфортно. Постоянно идут пресс-конференции: после любого прогона артисты выходят в пресс-зал и отвечают на вопросы.

К тому же с любым артистом можно договориться об эксклюзивной съемке. В реальной жизни, вне конкурса, такая возможность есть не всегда. Но «EUROsong» — другое дело. Это огромный пиар, поэтому на любой вечеринке ты можешь подойти к тому или иному участнику или к его пресс-службе и договориться об эксклюзивном интервью или съемке. Хотя в последние годы появилась еще одна хорошая традиция: артисты устраивают для всех журналистов пресс-день. К примеру, Дима Вилан в 2006 году собрал всех акул пера — маститых и не очень, и пошел гулять по греческой столице. Многие были в восторге: Дима шутил, делился впечатлениями, позировал и казался своим в доску парнем. Стоило ли сомневаться, что уже к вечеру его ставки выросли в несколько раз?!

В 2007 году в Финляндии так же поступила Верка Мордючка. Группа «Золото» тоже привлекла к себе журналистов, когда предложила пообщаться в неформальной обстановке. Впрочем, для профессионального журналиста не составит труда узнать, в каком отеле остановился артист, в каких ресторанах он бывает, какие мероприятия планирует посетить.

В свое время мы разговаривали с Виланом о том, насколько важно для артиста привлечь журналистов на свою сторону. Если говорить о букмекерской системе, то мы тоже делаем свои ставки: около пресс-центра всегда есть стенд, где показано, на кого пресса ставит. И, как правило, это совпадает с реальными результатами.

— Если хочешь узнать, насколько твоя победа реальна, — сказал мне в свое время Дима, — сходи в пресс-центр. Если под твою песню танцуют или поют, значит, у тебя хорошие шансы. Вас, журналистов, ни обмануть и не подкупить, с вами невозможно договориться. С одним-двумя можно, но со всеми — нереально. Если вам не нравится артист, вы его проигнорируете, и это заметят все. А если нравится... Что ж, тогда артисту повезло. Вот как мне, например. А, значит, он может сорвать свой звездный куш.

3. В этом году, благодаря протекции Разумовского, мне не надо было заполнять анкеты и участвовать в своеобразной журналистской рулетке: аккредитуют или нет. Не успел я приехать в пресс-центр, как у меня появился бейдж с заветной буковкой d. Ого, и я к этому не приложил никаких усилий!

Пресс-центр только раскачивался... До старта еще оставалась неделя, и все многочисленные мальчишки и девочки, которым предстояла адова работа, пока пребывали в приятном расслабоне. Я одним из первых получил свой промо-пакет и, устроившись в укромном уголке, принялся разбирать подарки и сувениры. Люблю я это дело!

Издавелека слышался голос Лины Бас. Неужели она? И точно... Сначала появился аромат духов — они у Лины какие-то особенные, и потом она сама. Чеширский кот наоборот. Лина влетела в помещение, как изящное стильное торнадо: вокруг нее сразу же все закрутилось и завертелось. Сонный пресс-центр подобрался, подтянулся и... заработал. Как она это делает, уму непостижимо!

Есть люди, которым удивительно подходят их имена. Бывает, смотришь на человека и понимаешь: иначе его и не могли назвать. Только так. К тому же у каждого имени свое значение, и я люблю сравнивать, насколько оно подходит к личности человека.

Когда я познакомился с Линой Бас на одном из конкурсов «EUROsong», то, вдохновленный ее энергетикой и характером, почти сразу же поинтересовался в энциклопедии имен, что же означают четыре буквы ее имени. И на следующий день не без удовольствия поделился полученными знаниями:

— Ты знаешь, что у твоего имени три ипостаси?

Мы сидели тогда в пресс-центре. Лина оторвалась от фотоаппарата: она отсматривала результаты первой съемки и, судя по выражению лица, была довольна результатами.

— В первый раз слышу. И какие?

— Есть три варианта твоего имени: Лина — это стремительность, Лиана — претенциозность и пластика, Ляна — чувственность и склонность к самосозерцанию. Забавно, но в течение жизни Лина может надевать эти маски и играть три разных роли. Как тебе такая теория? И какая из масок тебе ближе?

— Не люблю маски, — отмахнулась она. — Я Лина Бас, и этим все сказано.

Она немного лукавила. Я знал, что Лину за глаза давно называют Железной леди. Она тоже об этом знала и посмеивалась. Железная леди так Железная леди. Тоже своего рода маска. Амплуа сильной женщины, которая, может быть, и хотела бы стать слабой, но знает, что все равно не получится: будешь слабой — съедят. Сильную женщину отличает особый цепкий взгляд, целеустремленность, жесткость и некоторая сентиментальность, которую многие скрывают за цинизмом. В ней есть жажда жизни и неисчерпаемая энергия. Сильная женщина — это сжатая пружина. Если бьет — то наотмашь, если любит, то крепко, верно и очень нежно. Такие о своих любимых говорят: я за него горло перегрызу. И ведь действительно перегрызет.

Вот и в Лине непостижимым образом соединились красота, стремительность, чувственность и грация. Она умудрялась заниматься совершенно несовместимыми, казалось бы, делами. Журналист-международник, военный журналист, Лина побывала и в Белграде, и во время военного конфликта в Абхазии. И параллельно она является одним из лучших фотографов шоу-биза. Ее постоянно зовут на самые престижные конкурсы потому, что знают: Лина сделает потрясающие снимки. Съёмки моделей для ведущих глянцево-Европы ELLE, Liza, Vogue, Playboy — также в ее портфолио. В России Лину заставить очень сложно: почти десять лет она живет за границей — сначала это была Югославия, теперь Германия. Но конкурс в Москве — святое. Я ждал встречи с ней и был рад, что это случилось.

— Прекрасно выглядишь, — сделал я отнюдь не дежурный комплимент. — Впрочем, ты всегда великолепна. Что нового в жизни?

— Да масса всего, — она, казалось, ни минуты не могла усидеть на месте: разговаривая со мной, одновременно отвечала на sms, проверяла камеру, здоровалась со знакомыми. — Работаю над двумя мегапроектами: открываю международный интернет-портал LINA-Press (Live International News Agency), а также создаю в Баден-Бадене европейский дом фотографии BaPho-Haus. Занимаюсь строительством недвижимости. В общем, живу сегодня, питаюсь жизнью, делаю историю — свою и мировую.

— Судя по всему, тебя и жизнь, и история радуют. Представляю, сколько людей тебе завидуют.

— Знаешь, Нежданов, что когда-то сказал Омар Хайям?

— Он много чего говорил...

— Не завидуй тому, кто силен и богат.

За рассветом всегда наступает закат.

С этой жизнью короткою, равною вздоху,

Обращайся, как с данной тебе напрокат.

— У тебя получается?

— Что именно?

— Обращаться с жизнью, как будто она дана на прокат.

— Получается. Сначала тяжело было, а потом, как говорится, процесс пошел. Отчасти помогли увлечения психологией, восточной медициной, философией. Отчасти — бизнес. Отчасти работа над собой. Все настолько быстротечно, Нежданов, что от нас, по сути, требуется только одно: сделать свою жизнь яркой и интересной и жить на полную катушку, ценить каждый миг, но при этом осознать и принять — все может оборваться в один короткий миг. Понимаешь?

Я понимал. Лина была вдовой. И в память о своей муже — интересном, духовном человеке — сейчас готовила книгу. Но при этом она нашла в себе силы жить и идти дальше.

— Лина, а у тебя мечта есть? — я сам от себя не ожидал такого вопроса. Но вдруг стало интересно — и все тут. О фотографии мы с ней говорили, о бизнесе тоже, даже о ламаизме — еще одном ее увлечении умудрились подискутировать, а вот о мечтах как-то не пришлось. Мечты интимны. И задавая такой вопрос, всегда рискуешь нарваться на «это никого не касается».

— Есть, — охотно откликнулась она. — У меня на сегодня их четыре, правда, одна уже исполнилась.

— А какие, если не секрет?

— Не секрет. Первая — собственный остров. Вторая — побывать на Северном полюсе. Третья — слетать в космос: эта мечта мне, конечно, дороговато обойдется, но я найду сподвижников.

И ведь действительно найдет.

— А какая мечта сбылась?

— Танк.

Она расхохоталась, увидев выражение моего лица.

— Думаешь, шучу? Ничего подобного! Купила недавно по дешевке, перекрасила в розовый хаки и замаскировала Сваровски, только неизвестно подо что. Можешь считать, что я изобрела собственный дизайн.

— Слушай, а что ты с ним делать будешь?

— Буду по собственному острову гонять на нем и пугать местных попугаев.

Я хмыкнул, представив себе эту картину.

— Нежданов, а почему ты про мечты спросил? При чем так серьезно, будто для тебя это очень важный вопрос.

— Так оно и есть, — удивился я прозорливости этой невероятной женщины. — Появилась мечта, почти недостижимая.

— Недостижимых желаний не бывает, — не согласилась со мной

Лина. — В этом мире возможно все. Главное понимать, что ты хочешь, и знать, как этого можно достичь. Ты знаешь, как воплотить свою мечту?

— Вроде бы...

— Ну так действуй, — хмыкнула она. — Что тебе мешает?

— А если она идиотская?

— А все мечты, по сути, идиотские, — ответила она. — И чем более она идиотская, тем больше шансов ее реализовать.

— Умная мысль.

— Моя. Дарю. А теперь извини, Нежданчик, мне пора... История без меня заскучала.

Я вернулся к подаркам. Эту вещь я увидел сразу. Удобно устроившись, она лежала в футболке с фирменным логотипом конкурса. Обычная открытка. На черном фоне белые буквы — название сайта. Я взял ее двумя пальцами и перевернул:

«Ты тоже можешь сделать свой выбор. Впиши имя, и если твое мнение совпадет с большинством, я убью того, кого выбрал ты».

Ничего себе сюрприз!

Кому звонить? С Разумовским мы уже говорили, и беспокоить мне его сейчас не хотелось. Поневоле вспомнилась редакционная шутка: ничего не делай сам, если есть хороший зам. Я набрал номер Зимина и коротко обрисовал ситуацию. Тот чертыхнулся.

— Никому ничего не говорите. Хорошо, что Вы позвонили мне. Я сам поставлю в известность кого надо. Открытку передадите вечером Андрею Константиновичу.

— Будете снимать отпечатки пальцев? — пошутил я.

— Остряк! — благодушно хмыкнул Зимин. — Не думаю, чтобы наш неизвестный друг поступил столь опрометчиво и оставил свои отпечатки пальцев. Открытку психологу покажу, может, что-то дельное сообщит. Сейчас скажу, чтобы пакеты больше не выдавали. Ну что за бардак кругом!

Что ж, с последней фразой Петра Григорьевича я был готов согласиться. Действительно кругом бардак. Правда, через три минуты я увидел, что можно сделать посредством одного телефонного звонка разъяренного босса. Промо-пакеты исчезли, как по мановению волшебной палочки, девочки и мальчики вытянулись, на их лицах появилось осмысленное выражение: деловая приветливость, пусть даже и не очень искренняя.

— Нежданов, это ты?

Я обернулся. Ну, так и есть, Ольга Бубненко. С ней мы знакомы довольно давно. Ольга давно работает во время конкурса журналистом и переводчиком. Артисты ее любят и ценят: и за профессионализм, и за женское очарование. С ней вообще легко и комфортно. Каждый раз, когда мы общались с Олей, я ловил себя на мысли, что в рамках журналистики ей становится тесновато и, пожалуй, скучновато. Так что нет ничего удивительного в том, что в какой-то момент Оля занялась пиаром и менеджментом.

Некоторое время назад она позвонила мне и спросила:

— Нежданов, ты знаешь группу «Stereosny»? Послушаешь?

Я послушал несколько песен, и мне особенно понравилась композиция «Надоело». Может, потому что настроение в тот момент было таким... Потом я увидел ребят — Сергея Юматова и Ариана Меркулова — на сцене «Метелицы». И мне они понравились еще больше — в этом был стиль, было что-то свое — авторское. А тщательно продуманный образ Ангела и Демона завораживал. Я еще тогда сказал Ольге, что она весьма грамотно использовала бинарные оппозиции...

Ольга поперхнулась:

— Где ты таких слов понахватался, Нежданов? Какие бинарные оппозиции?

— А я вообще умный! Бинарные оппозиции — это твои Ангел и Демон — то, что привлечет публику. Двойственность. Дуализм. Грамотный образ, мне нравится. Слушай, они сами песни пишут?

— Сами. Представляешь, когда-то и Сергею, и Ариану приснился сон о том, как они стоят на сцене и им рукоплещет зал. И каждый был уверен, что этот сон обязательно сбудется, только они не предполагали, что сон этот в жизни у них будет один на двоих. Они — две половинки единого целого. И поют замечательно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я Ольгу.

— Мы с ребятами зашли посмотреть, что и как, — ответила она.

Я тепло поздоровался с Сергеем и Арианом.

— Решили замахнуться на «EUROsong»?

— Почему бы и нет? — в тон ответили ребята. — У нас есть все шансы, чтобы победить. Спорим?

В голове мелькнула шальная мысль: взять и поспорить!

И пари было заключено. Причем ставка... Нет, не стану озвучивать... В конце концов, пусть они сначала выиграют этот конкурс.

Ольга разбила наше пари. Кто знает, что будет через пару лет?

Попрощавшись с Ольгой, я присел на диванчик — и тут же рядом оказалась длинноногая барышня. На бейдже значилась буква «р». Я бросил пару взглядов: кем-кем, а журналисткой она точно не была, скорее, принадлежала к представительницам другой древнейшей профессии. Взгляды барышня мне вернула: я явно был объектом, не стоящим ее внимания. Однако поболтать ей все же хотелось.

— Лена, — она протянула ухоженную лапку с длинными, птичьими ногтями, выкрашенными в антрацитовый цвет. Писк этого сезона.

— Саша! — лапку я проигнорировал.

Лена внимательно осмотрела руку, словно с ней было что-то не так, и флегматично пожала плечами:

— Скучно здесь. Джинн сказал, что будет весело, вот я, дура, и повелась. А здесь скука смертная. Ни одного артиста.

– Рано веселья ждешь. Через недельку заходи, тогда самое интересное не пропустишь.

– Через недельку я в Ницце буду, – капризно протянула она. — Я сейчас хочу. Встречу Джинна — все ему выскажу. Пусть знает!

Когда она упомянула Джинна во второй раз, я вдруг сообразил, о ком идет речь.

– Ты о Горчеве говоришь?

– О нем. Сказал, чтобы я тут покрутилась, разведала обстановку, что и как. Чтобы потом наши девчонки могли здесь поработать. Обещал артистов... А здесь никого.

Я увидел в дверях Королькова вместе с Ани Лопак, и в моей голове мгновенно созрел план.

– Предлагаю взаимовыгодный обмен, – сказал я. — Я тебя знакомлю с Корольковым, а ты в ответ познакомишь меня с Горчевым. Идет?

Соображала она долго — минут пять. Из чего я сделал вывод, что передо мной сидит практически вымершее существо — натуральная блондинка.

– А ты его знаешь? — спросила она после долгой паузы.

– Знаю! — выдавил я из себя, прикидывая, как быстро и как далеко Корольков меня пошлет. Сразу направит или подождет немного, чтобы придумать более заковыристый и затейливый адрес.

Пока я мучился сомнениями, до Лены дошло мое предложение:

– Договорились! — она протянула надушенный блокнот.

– А это зачем? — я недоуменно повертел гламурную безделицу в руках.

– Для автографа!

Святая простота! Все оказалось намного проще: под знакомством со звездой это милое создание имело в виду автограф. До совместной фотографии (чего я искренне боялся) она просто не додумалась.

Взять автограф у Королькова для прелестной блондинки оказалось делом трех минут.

– А чего сама не подошла? — спросил Филипп, невозмутимо расписываясь в розовом блокноте.

– Стесняется, – ответил я.

Он усмехнулся и, заметив кого-то из знакомых, отошел. Я вернулся к Лене и протянул ей долгожданную добычу. Вместе с новым диском Королькова.

– Очуметь! Девчонки умрут от зависти, – она вскочила с диванчика, одновременно запихивая все свое барахло в маленькую дамскую сумочку. Барахло, как ни странно, влезло. Эта особенность дамских сумок — вмещать невмещаемое, меня неизменно поражает. — Поехали к Джинну!

И мы поехали к Джинну.

4. Один из самых сложных сегментов шоу-биза — организация праздников и выступлений. Сделать счастливыми и довольными всех гостей на вечеринке совершенно невозможно. Здесь важно чутье, нужно понимать психологию людей, обладать вкусом, фантазией, артистизмом... Пожалуй, наиболее показательным примером для меня является шоу-группа «Jokers». Это тот самый случай, когда талантливый человек не только может добиться успеха, но и ежедневно вдохновляет этим успехом других.

Любое дело начинается с личности. С человека, который аккумулирует интересные идеи и привлекает к себе единомышленников. Для «Jokers» таким человеком стал Александр Семенов.

Саша приехал в Петербург из Мончегорска, поступил в Ленинградский колледж культуры и искусства на отделение хореографии и параллельно — в Академию управления и экономики. Чтобы крутиться в большом городе, Саша начал искать работу в клубной ночной жизни Петербурга. Кастинг следовал за кастингом, пока его наконец не заметили: сначала шоу-группа «Фантом», потом шоу-балет «Premier», через какое-то время — работа в больших проектах петербургского модельного агентства LMA. Спустя три года Саша решил, что настал момент сделать что-то свое. Он набрал команду студентов: будущих хореографов, режиссеров, вокалистов. Вот так и образовался собственный постоянный коллектив «Jokers». Сейчас в него входит мужской шоу-балет, исполняющий номера как и эротического, так и оригинального жанра, профессиональные ведущие, иллюзионисты и вокалисты. Не представляю, как им удастся везде и все успевать, но, тем не менее, группа очень популярна. В Питере их все знают. Еще немного — будет знать и Москва, которая весьма охоча до всего необычного и творческого. Пожалуй, однажды они смогут составить конкуренцию и столичному агентству «Прodelки Джинна»...

Я скосил глаза в сторону своей спутницы.

На самом деле Лена оказалась не такой уж и плохой девчонкой: в меру веселой, в меру информированной и без меры словоохотливой. Есть люди, которые без всякого труда и зазрения совести выбалтывают самые сокровенные вещи. Выбалтывают и тут же забывают, а через какое-то время искренне удивляются: «Откуда ты это знаешь?» Вот Лена оказалась из таких.

Дорога заняла у нас час. За это время мы едва не попали в три ДТП, а я узнал многое о том, кто такой Джинн и чем он занимается по жизни.

– Он меня в ГИТИСе нашел, я туда поступала, по конкурсу, понятное дело, не прошла. Сидела на ступеньках и редела. Не домой же ехать. Я и Москвы на тот момент толком даже не видела. Вот Джинн ко мне и подошел, в ресторан отвел, рассказал, что здесь и как. Предложил пойти к нему в агентство. Я и согласилась: деньги есть, квартиру мне снимают, шмотки, поклонники, гори этот ГИТИС синим пламенем. Если ты молода и красива, то и без «вышки» проживешь. Погуляю еще несколько лет и замуж выйду за олигарха.

— А найдешь? Кризис на дворе.
Она беспечно рассмеялась:
— А я и искать не буду. Джинн найдет. Он всех девочек хорошо пристраивает. Мы — ему, он — нам. Все по-честному. Нет, он хороший парень, хотя и странный немного.

Я насторожился.

— А в чем странность?

Она резко крутанула руль влево, и мы стремительно вырвались вперед из медленного и тягучего потока машин. В желудке заглохло — от скорости и дамской манеры вождения.

— У него свои правила. Во всем. У нас в агентстве есть список, он на дверях висит: что можно делать, а что запрещено. И если ты их нарушаешь, тут же становишься врагом. Джинн делит людей на своих и чужих. Такой вот пункт. Своих никогда не подставляет, чужих — сколько угодно. Я думаю, он от этого свой кайф получает. Фишка в том, что он при встрече никогда не выдает своего истинного отношения, и ты очень долго можешь думать, что Джинн твой друг, а на самом деле он враг. И враг очень серьезный. Я видела, что он делал с теми, кто перестал быть его друзьями. Без него я в Москве и трех дней не продержусь. Думаешь, охота мне сегодня было переться в этот пресс-центр и журналистку из себя изображать? Но Джинн сказал: пойдешь, и я пошла.

— А зачем?

Она вдруг смутилась и ответила уклончиво:

— Да так, дело было одно.

Уж не Лена ли эти открытки по пакетам разложила?

Уточнить я не успел — мы приехали.

5. До последнего момента я думал, что Лена везет меня в агентство «Проделки Джинна». О нем я слышал от самых разных людей, и мне было интересно увидеть все своими глазами. Говорили, что Горчев начал свой бизнес с того, что создал самый невероятный и фантастический интерьер в офисе. Клиент словно попадал в атмосферу «Тысячи и одной ночи», где все его желания могли исполниться сразу же после подписания контракта. По Москве гуляла история, как к Горчеву пришел олигарх, который не знал, как ему отпраздновать день рождения с другими олигархами. В пресыщенности тоже есть свои недостатки.

— На яхте не хочу, дома не хочу, в прошлом году в Таиланде был — привели слона, тигра, а мне скучно. Бабы в вечерних платьях при этой жаре и влажности, друзья все бухие, сам я бухой, в общем, никакой радости. Вот и сейчас ощущение, что еще один главный праздник в своей жизни я проспал. Понимаю, неделя осталась, все тянул до последнего момента, думал, что друзья сюрприз сделают. А сегодня проснулся и понял: праздник — это когда ты берешь дело в свои руки.

Джинн задал первый вопрос:

— Финансы?

— Любые!

Тогда Джинн задал второй вопрос:

— У меня к Вам просьба. Я могу посмотреть Ваш дом и семейный альбом с фотографиями?

Олигарх взвился под потолок.

— Я же сказал, что не хочу праздновать дома!

— А я и не предлагаю. Мне нужно посмотреть Ваш дом. Это возможно?

Джинн пробыл в доме заказчика ровно час. Небрежно отсмотрел ворох фотографий, поговорил с прислугой. И всего за час он понял о человеке все, что ему было нужно.

На обратном пути позвонил олигарху:

— Мне нужен список тех людей, с которыми бы Вы хотели отпраздновать свой день рождения.

Список оказался небольшим — всего тридцать человек.

Через неделю все они вместе с именинником встретились на вокзале. Организованно загрузились в маленький состав и отправились в неизвестном направлении. У пассажиров отобрали мобильные телефоны и предложили скромные закуски и безалкогольные напитки в честь олигарха. Гости выпили и... расслабились... Через полчаса, вспомнив старые добрые времена, играли в подкидного дурака, пели песни под гитару и гадали, куда они все-таки едут.

Через какое-то время по вагону прошла красавица-проводница и предложила гостям переодеться... в средневековые доспехи.

Поезд остановился возле огромного поля. Справа лес, слева лес, позади лес. Гости и виновник торжества вышли из вагонов, утопая в снегу. Слово по мановению волшебной палочки вспыхнули прожектора. Из леса показались воины. Конные и пешие. И началось грандиозное сражение.

Первым не выдержал олигарх: неуклюже размахивая секирой, он ввязался в бой. За ним помчались и гости, увязая в глубоком снегу.

Наши, конечно же, победили. После битвы начался пир в ближайшем замке: блюда, приготовленные по старинным рецептам, вино из тяжелых серебряных кубков, полуобнаженные восточные танцовщицы, средневековая музыка.

Под утро абсолютно счастливого и пьяного именинника и его спутников погрузили во все тот же поезд и отправили в Москву.

С тех пор на рекламном рынке Москвы укрепилось мнение, что Джинн может все. Однако на стандартные заказы Горчев не разменивался, его интересовала сложность и креативность идеи. Особенно ему нравилось устраивать праздники для людей, знакомых друг с другом. Эдакое соревнование идей, денег и возможностей!

В общем, понятно, почему я был так заинтригован. Мне всегда нравились

необычные люди. Однако, вопреки ожиданиям, Лена привезла меня в обычный бизнес-центр, где размещалось второе детище Горчева: агентство эскорт-услуг. Сказать, что я был разочарован, значит ничего не сказать.

Мы поднялись на четвертый этаж, свернули налево и оказались в просторном светлом офисе. Несколько красивых девушек, разложенные фотоальбомы. На диване сидел Горчев — маленький усталый человек, с тяжелым набрякшим взглядом и первыми залысинами.

— Кто это?

У него был удивительный голос: теплый, бархатистый, ласкающий. И этот голос совершенно не вязался с внешностью. Я не помнил его лицо, но хорошо помнил этот голос. В начале девяностых им пользовался один начинающий певец, которому пророчили славу на века. Внешность, богатый диапазон, миллионы поклонниц, а потом он куда-то пропал. И только теперь я начал догадываться об истинной причине исчезновения.

Лена замешкалась и не ответила на вопрос босса. Я решил представить себя сам:

— Александр Нежданов. Фотограф.

— Джинн, он свой в доску, — добавила Лена. — Я сама видела. Его все там знают. Допуск на все мероприятия. Вот я и решила...

— Решаю здесь я, — жестко ответил Горчев. — Ты решать не можешь, хотя бы по причине отсутствия мозговой деятельности в твоей прелестной головке.

Лена всхлипнула. Остальные девушки испуганно замерли. Минуту длилась эта напряженная и непонятная для меня тишина. Горчев, не отрываясь, смотрел на Лену, и я вдруг понял, что, доставив меня в офис, она нарушила одно из установленных правил. Список правил висел на стене, и мне ужасно хотелось его прочитать.

— Мне показалось, что Нежданов будет тебе полезен, — прошептала Лена. — Ты знаешь, я всегда действую в твоих интересах.

Оп-па! Никогда нельзя недооценивать блондинок! Лена обвела меня вокруг пальца. Мое изумление почувствовал и Горчев. Он бросил быстрый насмешливый взгляд на мое удивленное лицо и смягчился:

— Ты сделала то, о чем я тебя просил?

— Да.

— Хорошо сделала?

— Да.

— На сегодня свободна. Остальные тоже. Присаживайтесь, Александр. Пожалуй, Елена права, вы можете мне быть полезным.

Девушки торопливо прощались, мы остались одни.

— Вы читали «Графа Монте-Кристо»?

— Как и все.

— Все не читали. Не думайте о людях лучше, чем они есть. Если читали, то помните замечательную фразу: «Люди делятся на две категории: те,

кто мне нужен, и те, кому нужен я»? Допустим, Вы мне нужны. Но в первую очередь, Вам нужен я. Иначе бы Вы не приехали сюда. В чем Ваш интерес?

— Меня интересует Ваше участие в конкурсе Stardust три года назад.

— Зачем?

— Это личный интерес. Мне интересны психология и поведение человека, который, едва достигнув славы, оказался за ее бортом.

— На себя примеряете? — усмехнулся он.

— Возможно.

— Правду ты, конечно, не сказал, — он просто и быстро перешел на «ты». — Но и такая версия сойдет, раз ты решил покопаться в очередном человеческом дерьме. Думаешь, я до сих пор переживаю?

— А разве нет?

— Мне с самого начала сказали — никаких шансов. Ты меня видел? Какой из меня мачо или новый секс-символ?! Мне до Вилана или Азарова семь лет баттерфляем плыть, и еще не факт, что доплыву.

— Да ладно... Все говорят, что ты нравишься женщинам. Вон и Лялина от тебя ребенка родила.

— Маринка? — он впервые за весь наш разговор заметно расслабился и улыбнулся. — Маринка — мой главный приз по жизни, а то, что не жена-ты, так мы оба свободу любим. Я ей предлагал, кстати, расписаться, но она ни в какую. На карьеру, говорит, замужество плохо влияет. И пацан у нас хороший получился. Нет, не спорю, я любую обаять могу, да так, что пикаперам и не снилось. Но в масштабах целой страны — извини. Тут образ нужен. Одного голоса маловато. К тому же камера меня не очень любит: делает толще, смешнее и некрасивее, чем я есть на самом деле. Так что я еще до начала конкурса знал: мне там ничего не светит. В смысле побед, записей альбомов и прочих благ шоу-биза.

— Тогда зачем?

— Связи, Саня! Связи! Пою я хорошо, не спорю, могу сериалы озвучивать, рекламу... Но исчезни голос, что тогда? С чем я останусь?

— Ты это понял, когда за другого пел? — тихо спросил я.

Пауза. Короткая, как жизнь. И эта жизнь пролетела перед глазами Джинна: — Узнал, значит! Молодец! Редко, кто узнает или вспоминает. Меня эта история многому научила.

— А почему расстались? Деньги, думаю, тебе платили неплохие, мог бы еще долго как сыр в масле кататься.

Он хмыкнул:

— Деньги были офигенные! Другого слова и не подберу. Рекой текли. И мне это нравилось. Ради таких денег я был готов открывать рот за этого козла. Но однажды он, выходя со сцены, толкнул меня: дескать, подвинься, быдло, звезда идет! Тут-то во мне что-то и перевернулось. Он — звезда, а я — быдло, никто и звать никак. На следующем концерте звезда вышла, рот открыла...

– И что?

– А ничего. Я манатки собрал и свалил. Пусть сам отдувается, раз звезда. Вот тогда и решил: свой бизнес буду делать, а для бизнеса, особенно в столице, связи нужны. Я не столько пел, сколько с Маринкой любовь крутил и визитки собирал, обрастая контактами. Знаешь эту теорию: от любого знакомства тебя отделяют шесть рукопожатий? Правильная теория. Все так и есть. Иногда даже меньше. Все зависит от толщины визитницы.

– То есть на организаторов ты зла не держишь?

– Интересный вопрос, – пробормотал Горчев. — Надо полагать, что пришел ты именно для того, чтобы мне его задать. Не держу! Я им благодарен. За все! И, самое главное, за то, что мне не пришлось выходить в финале и становиться первым с конца. Вот этого позора я бы не выдержал. Но вопрос, если вдуматься, не такой уж и странный. Рискую предположить: уж не с одним ли кровожадным сайтом он связан, а, Нежданов?

– Ты сам сказал.

– А что тут говорить? И так все ясно. Ко мне уже журналисты с этим вопросом подкатывались.

– И что ты им сказал?

– Сказал, что сайт забавный, подозреваемых тьма тьмущая. А тут еще и Горчев своих девиц в пресс-центр под видом журналисток засылает. Подозрительно! — он вдруг расхохотался. — Извини, представил Ленку в роли Маты-Хари, как она в прямом эфире убивает победителя. Ржу — не могу.

Я тоже это представил, но, в отличие от Джинна, мне было не смешно.

– Скажи честно, к сайту имеешь отношение?

– К созданию — нет, а реклама моя там крутится. И Лену я отправил сознательно — обстановку разведать и сделать кое-кому из тамошних толстосумов весьма соблазнительное предложение.

– А у тебя какой интерес? — не понял я.

– Самый что ни на есть шкурный. Клиентов новых поискать, а на русской или украинской вечеринке они точно будут. Вот и хочу, чтобы моих девочек пропустили. А девочки свое дело знают: мужиков найдут, на бабки раскрутят, а там уже не ваша забота. Так что, Нежданов? Поможешь, если что? В долгу не останусь.

– Помогу, чем смогу, — я ограничился расплывчатой фразой, но в шоу-бизнесе все так и делают. Вроде ты что-то пообещал, а вроде и не сказал ничего конкретного. Понимай, как хочешь. — Неужели праздники денег больше не приносят?

Джинн поморщился, словно я задел его за больное:

– Кризис! Все «подсели» по деньгам, скупые стали. Никакого творчества! Заказывают примитив! А примитив для меня — гибель репутации. Вот пока и переключился на эскорт-услуги. Красивые и недорогие женщины всегда в цене. А что касается сайта, Саня, так это ты не по адресу обратился. Мне

мстить не за что: я получил в полной мере все то, за чем пришел, и, может быть, даже больше.

– Убийство Ксении. Что ты об этом скажешь?

Он пожал плечами, словно это не имело особого значения.

– Девчонки (я и Милу имею в виду) оказались не в том месте и не в тот час. Мне вообще кажется, что они знали что-то такое, чего не надо было знать или видеть...

– С чего такие мысли?

– Ксюха по природе своей шантажистка: всегда подслушивала, подсматривала, вынюхивала что-то. Если узнает про скелет в шкафу, будет нервы тебе трепать. Я ее сразу за это невзлюбил, а вот Майкл почему-то повелся, хотя, конечно, красивая, стерва, была.

– А Мила?

– Мила вообще не для шоу-биза. Я до сих пор не понимаю, как она в эту мясорубку попала. Внешность так себе, голосок средний, амбиций ноль. Она за Ксюхой, как хвостик, ходила: куда она, туда и Мила. Вот и думаю, что влезли девчонки совсем не туда, куда надо.

– Ну, и куда, по твоим предположениям, они могли влезть?

– Я бы в денежном направлении копал. В тот год махинаций с деньгами было много. И думаю, что Разумовский прикрыл проект поэтому: слишком много откатов, слишком много внимания со стороны налоговой, спонсорские пакеты какие-то левые... Там вообще неразбериха была. Поначалу главный приз заявили — пятьсот тысяч евро. Затем снизили ставку, а после и вообще сделали запись альбома. А альбом, сам знаешь, пообещать можно кому угодно, а потом спустить дело на тормозах. Там мужик был умный — Денис, кажется... Он первым хай поднял: мол, деньги кто-то крысит. В общем, если тебе интересна эта история, копай по деньгам. Стопудово что-то накопишь.

– Участники могли затаить обиду?

Джинн задумался.

– Топтун мог. Он такую истерику закатил, когда его выкинули. Тихонов тоже. Он, гад, у меня клиентов пытался переманить.

– Марусин?

– Маруся? — Горчев даже хихикнул. — Да он скорее в штаны наложит, чем голос подаст

– Но за любимую девушку...

Горчев поперхнулся:

– За какую любимую девушку?

– Милу. Мне Романов сказал.

В ответ я услышал громкий залиvistый смех. Джинн искренне веселился.

– Он — романтик, каких свет не видел, — сказал Джинн, отсмеявшись. — Верит всему, что укладывается в его шкалу ценностей. Видимо, Маруся ему и напел что надо... Романов в те дни вообще не просыхал, ничего

толком не воспринимал. Вот он действительно Ксюху любил. Другое дело, что она бы потом, сложись все иначе, жизнь ему и поломала, но что уж теперь о том говорить. У Маруси и Милы были сугубо деловые отношения: они готовили дуэт. Но любви там не было. Это я тебе как профи говорю — не было там любви. Да и не могло.

— Почему?

— Увидишь Марусю, сам поймешь.

Я вышел с опухшей головой. Ничего не понимаю. Два человека выдали две противоположных версии. И, положив руку на сердце, я мог с уверенностью сказать: у Джинна хватило бы выдержки и креатива, чтобы придумать весь этот план с сайтом. Вопрос, зачем ему это. Мотив-то какой? Ненависти к организаторам конкурса я действительно не почувствовал, тщеславия тоже. Джинн — вполне состоявшийся, самодостаточный человек, который прекрасно знает, чего он хочет от жизни. И не только знает, но и берет это.

Способен ли Джинн на убийство? Если в случае с Романовым я был готов поручиться: Майкл никого не сможет убить, то здесь оставались сомнения. Слишком жестким он оказался. Пока Джинн разговаривал по телефону, я подошел к стене и прочитал вывешенные правила:

1. *Джинн любит тебя, но ровно до того момента, пока ты любишь Джинна.*

2. *Джинн намного умнее и хитрее, чем ты думаешь.*

3. *Не предавай и не подставляй Джинна, иначе он превратит твою жизнь в ад.*

4. *Действуй в интересах Джинна, и он будет действовать в твоих.*

5. *Никогда не рассказывай о Джинне посторонним, иначе он расскажет про тебя.*

6. *Люди делятся на друзей и врагов. Кто ты — враг или друг Джинна?*

7. *Определи свою цену. Джинн выполнит три твоих желания. Желай осторожно и мудро и не требуй больше, чем ты стоишь.*

В своей жизни я встречался с людьми, страдающими манией величия, но чтоб до такой степени...

Век живи, век учись.

6. В клуб, где Литта презентовала свой альбом, я приехал заранее. Охрана пропустила беспрепятственно, несмотря на то, что вечеринка носила статус VIP. Иметь в числе знакомых таких людей, как Разумовский, весьма удобно.

Меня сразу же проводили к нему. Гости только-только собирались. Я передал ему открытку. Зимин не обманул: его начальник был в курсе.

— Сволочь! — процедил Андрей Константинович. — После вашего звонка мы проверили все пакеты: открытки были в каждом. Как он это сделал, ума не приложу!

— Списки проверили? Кто сегодня был в центре?

— Проверили, толку-то... Никто ничего не видел и не слышал. Опять бардак! — он хрустнул пальцами.

К нам неслышно подошел вездесущий Зимин. И меня снова обдало противным ледяным холодом. Если Разумовский вызывал у меня внутренний трепет, то Зимин — откровенный страх. Так, наверное, в Средневековые люди боялись палача.

— Удалось что-нибудь выяснить? — Петр Григорьевич был вкрадчив.

Я вкратце рассказал версию Романова и Джинна.

— Месть или деньги? — Разумовский задумался. — А знаете, Саша, в этом есть разумное зерно. Когда мне предложили принять участие в этом конкурсе, я интуитивно понимал, что с ним что-то не так. Считайте это предчувствием. Все время были какие-то накладочки, подставы, участники неадекватные. Казалось, что это шоу появилось вопреки логике и здравому смыслу и с первого же момента стало проблемным. А уж когда начались убийства...

— Как Вы думаете, что такого криминального могла разузнать Ксения? Кого она могла шантажировать?

— Думаю, что Горчев прав. Узнать она могла только про деньги. Что уж теперь скрывать, все равно рано или поздно Вы это узнаете. У нас была огромная недостача. Надеюсь, эта информация дальше вас не пойдет. То, о чем я вам говорю, конфиденциально. В общем, с нашего счета исчезла большая сумма. Вам надо поговорить с Денисом Прогариным. Правда, для вас он Денис Семенович. Денис первым поднял крик, и только благодаря ему нам, собственно, удалось замять скандал. Я Вас с ним сегодня познакомлю. Но я не верю, что Горчев связан с сайтом. Мы с ним делали несколько проектов. Обиды в нем нет, это благодушный и очень открытый человек.

— Откуда Вы знаете? — возразил я. — Я с ним общался последние два часа, и никакого благодушия и особой открытости не увидел. Горчев — прекрасный актер. И он очень редко показывает свои чувства. Вся его жизнь — маски: с тем, кто ему нужен, он один, с теми, кого ненавидит, совсем другой. Он играет. Неужели Вы этого не поняли, Андрей Константинович? Я прочитал правила, которые у него висят в офисе. Это не просто правила, это заповеди, по которым он живет и заставляет жить окружающих людей. Единственное, в чем с Вами соглашусь, — я пока что не понимаю: чем лично вы или, скажем, Яна Рудовская могли навредить Джинну? Попробуйте вспомнить, были ли какие-то инциденты у него с кем-то из участников?

Разумовский молчал долго, играя желваками. Зимин отвернулся, скрывая улыбку. Похоже, я влез на запретную территорию. И разговор о Джинне у них уже был. С похожими аргументами.

— Знаете, Вы сейчас преподали мне хороший урок. Я не думал об этой стороне отношений. Точнее, мне говорили (выразительный взгляд в сторону Зимина), но не хотелось верить. Наверное, для меня любой человек,

открыто симпатизирующий мне, помогающий делать интересные проекты, априори кажется мне приятным и дружелюбным. Я не видел Горчева в общении с другими людьми, но сейчас вдруг вспомнил, что Наташа терпеть его не может. Она всегда старается держаться от него подальше. Я подумаю об этом. А вот что касается инцидентов... Они однажды схлестнулись с Денисом. Кажется, речь шла о каком-то гонораре. Может быть, в этом и кроются корни наших проблем?

— Может быть. Андрей Константинович, с двумя участниками того шоу я уже поговорил. Осталось трое. Подскажите выходы. Не знаю, с какого бока к ним подобраться.

— А Вам не стоит гадать. Они все сегодня будут в этом зале. И Вы с каждым сможете познакомиться. Кстати, вот и знаменитый Топтун.

7. Леня Топтун отчасти оправдывал свою фамилию, которая автоматически стала и его прозвищем. Крупный, массивный, он напоминал взъерошенного медведя, разбуженного посреди зимы.

Я был удивлен, увидев его на VIP-вечеринке. Известный своими крайними взглядами, Топтун ненавидел все, что связано с эстрадой. И не только ненавидел, но и открыто презирал, устраивая провокации, где только можно: в реальной жизни, в Интернете, на ТВ. Несколько скандальных ток-шоу, и Леню перестали приглашать на телевидение. По сути, он стал персоной нон-грата. После того, как в клубе Топтуна произошло несколько крупных драк, этого места стали избегать даже его завсегдатаи.

Однако сегодня Леня выглядел совсем иначе: в пристойном костюме, гладко выбритый и модно подстриженный, он казался светским персонажем.

Поймав мой изумленный взгляд, Разумовский улыбнулся — уголками губ. Улыбка получилась грустной и понимающей — как у белого клоуна:

— Неужели Вас все еще удивляют подобные метаморфозы, Саша? Странно. Шоу-бизнес — это всегда мимикрия. Люди меняются согласно требованиям времени и обстоятельствам. Топтун — весьма любопытный персонаж в этом плане. После шоу он нас всех ненавидел, его ненависть носила какой-то иррациональный, я бы даже сказал, больной характер. Все были виноваты в том, что он, Топтун, так и не добился успеха. Отсюда все эти идиотские эскапады, диверсии, скандалы. Но скандал, как и любое другое социальное явление, имеет две стороны. На смену интересу приходит равнодушие. Леня этого не понял. И неожиданно для самого себя стал изгоем.

— Но сегодня он здесь. И, надо сказать, совсем в другом амплуа. Ваша работа, Андрей Константинович?

— Моя. Признаю, лично мне Леня очень интересен. Он очень неординарный, перспективный артист. И я намерен с ним работать, правда, на иных условиях. Я его пригласил, мы поговорили. Результат вы видите. На следующей неделе он приступает к записи нового альбома. Он будет называться

«Возвращение блудного сына». Народу такие аналогии нравятся. Пойдемте, я Вас познакомлю.

Мы обменялись с Топтуном банальными приветствиями. Через минуту Разумовский извинился и отошел, чтобы поприветствовать других гостей. С лица Лени тут же сползла улыбка. Я увидел знакомое хмурое и вечно недовольное выражение.

— Благодарствуй! — процедил он и залпом выпил виски. — Тебя тоже на поводок прицепил и всем показывает? Чего молчишь?! Думаешь, Топтун сразу пойдет тебя закладывать великому и ужасному Разумовскому? Ошибаешься! Я в чужие дела не лезу, мне бы со своими разобраться.

— Ты вроде новый альбом собираешься записывать.

Леня скривился.

— Попса в фольклоре. Как только слышу первые аккорды, сразу блевать хочется.

— Зачем согласился тогда?

— Эта сволочь мой клуб купила. Пришел, положил документы на стол и сказал: а теперь ты все будешь делать так, как я тебе скажу, или я закрою «Лили-Марлен». А клуб — вся моя жизнь. Я в него все свои сбережения вложил. Квартиру продал, бомжом стал. Если клуб закроют, у меня два выхода: либо на улицу, либо в петлю. Но пока что туда мне не хочется. Вот и пришлось согласиться. В конце концов, другой прикид и пара-тройка пошлых песенок не так уж и плохо. Можно пережить. Главное, чтобы клуб моим остался. После записи альбома Разумовский обещал мне его передать.

Я вдруг понял, что Топтун пьян. Хотя внешне и не скажешь. Скорее, это было эмоциональное опьянение, сильная душевная усталость, на которую наложился алкоголь.

— Я сегодня с Джинном встречался.

— С Пашкой-то? — криво улыбнулся Леня. — У Пашки всегда все в шоколаде. Он умеет прогибаться. Знаешь, как мы его за глаза на шоу звали? Гуттаперчевый мальчик. Гнулсся туда, куда приказывали. Вот и сорвал свой куш, а мы в дерьме сидим.

— Мы — это кто?

— Виталик, Маруся, я... если вдуматься, Майкл тоже в дерьме, хотя и притворяется, что все у него в полном ажуре. Мы все притворяемся. И ты тоже притворяешься. Здесь все врут, — он обвел зал очередным бокалом.

— Майклу, наверное, тяжелее всех. Его девушка погибла.

— Ксюха-то? Да она шлюхой первостатейной была, как и ее подружка Мила. Сам видел, как Ксюха из кабинета Дениса выходила. Юбка задом наперед, вся в засосах. А Майкл, идиот, придумал себе волшебную любовь.

— Какого Дениса?

— Нашего финансового гения. Хороший мужик. Честный. Не сволочь. Единственный минус — красивых девушек любит. Но это простительно. На то он и мужик, чтобы баб любить.

– Леня, а ты на сайт Killingstars.ru заходил?

Он осклабился:

– Классная игрушка, правда?! То-то они все задергались. А знаешь, что, Нежданов я тебе скажу: тот, кто это придумал, молодец! Разворошил это осиное гнездо, пусть они теперь гадают, что дальше будет. А я тебе скажу, что будет! Он придет и убьет! Эти идиоты думают, что сайт — шутка. Но со смертью не шутят. Смерть не любит иронии в свой адрес, она барышня серьезная и ответственная. И если он сказал, что придет за своей жертвой, значит, он придет. Может, он и сейчас среди нас, наблюдает и анализирует.

Леня наклонился ко мне и прошептал:

– Знаешь, каково это — умирать на пике славы, в момент триумфа? Когда все нервы обнажены, а мысли плавают от сознания собственного величия?! Ты словно паришь в небе и знаешь, что отныне тебе доступны все блага этого мира! Это особое чувство, которое невозможно передать! И в этот самый момент ты умираешь. Маленькая смерть во время большого оргазма славы.

– А ты-то откуда все это знаешь? — удивился я.

– Знаю. Потому, что когда-то сам так умер. Пусть и не физически. Но смерть души намного страшнее смерти тела. Ты никогда не задумывался, Нежданов, зачем живут звезды шоу-биза? Какова их истинная цель? Все эти бесконечные тусовки, километровые дачи, пароходы, самолеты, весь этот гребанный пиар я в расчет не беру, все это фигня. Ты вот что мне скажи: для чего они работают, для чего выходят к людям, зачем отдаются им полностью, без остатка? Можешь ответить?

– Нет.

– Когда сможешь, тогда ты и поймешь суть шоу-бизнеса. А пока мне больше не о чем с тобой разговаривать. Ты ничем от всех нас не отличаешься.

Топтун отвернулся и направился к выходу. Разумовский бросил ему вслед взгляд, но удерживать не стал. И то верно: пьяного грустного медведя не удержать против его воли — порвет, не задумываясь.

8. Игорь Марусин по прозвищу Маруся прибыл на тусовку в тот момент, когда мы разговаривали с Литтой. Марусю сопровождала начинающая актриса Карина Светлакова, засветившаяся в двух громких сериалах. Вместе они смотрелись красиво и гармонично, разыгрывая между собой близкие отношения. Правда, не очень талантливо. О чем не преминула заметить Литта:

– Плохая актриса. Целуется как в кино: по всем канонам и правилам, а помада, заметь, как лежала ровным слоем, так и лежит.

– Может, все дело в помаде, — парировал я. — Или Вы предпочитаете, чтобы они дали мастер-класс по французскому поцелую?

Литта усмехнулась:

– Партнер не выдержит. У него другие сексуальные предпочтения. Не зря и прозвище такое.

Она помолчала и добавила:

– Знаешь, чего я в последнее время не выношу? Вранья. Обыкновенного человеческого вранья. Меня коробит от него. Жизнь настолько коротка и быстротечна, что тратить время на выстраивание всяких ложных схем и отношений преступно глупо. На настоящее может времени не хватить. Зачем, к примеру, уверять людей, что ты не гей, если все знают — ты гей? Актрисульку эту задействовать? Всякие интервью в прессе давать: мол, счастливый семьянин, жена, ребенок, а у любого творческого человека есть право и на творческое самовыражение — любовницу? Тьфу! Они когда-нибудь думают о том, что за бред несут? Ну, любишь ты мужиков, пожалуйста, люби и дальше, но зачем напоказ выставлять фальшивую сторону своей жизни?! Зачем портить жизнь другим людям, вовлекать их в эту паутину лжи?!

– Пиар, Литта. Обыкновенный пиар.*

– Пиар — всего лишь красивое слово. Люди всегда придумывают себе оправдания. Вот пиар такое оправдание и есть. В первую очередь перед самим собой. Красивый образ, практически без изъянов, столь совершенный, что на него впору молиться. Возможно, со временем ты и сам начинаешь верить, что ты такой вот один — эксклюзивный. Мы идем на поводу у публики. Публика хочет видеть тебя не таким, какой ты есть на самом деле. И ты поддаешься.

– А разве можно иначе?

– Саш, сейчас мне кажется, что да, можно. Только это адова работа над самим собой: ты ведь ломаешь не только общественные стереотипы, но и сдираешь с себя чужие личины. А это больно! Задача артиста дать человеку надежду, любовь, заряд положительной энергии, и при этом все должно быть без вранья. Это неправда, что люди не чувствуют разницы между истинной сутью артиста и его образом. Еще как чувствуют! Когда я позволила себе быть такой, какая я есть, мне сказали: «Литта, теперь мы тебе верим. У тебя такие же проблемы, как у нас. Но ты умеешь о них так рассказывать, что нам хочется жить и брать с тебя пример».

– Иногда Вы очень убедительны, — улыбнулся я. — Кстати, мне очень понравилось, как Вы вели шоу «Ты — супер!».

Она расхохоталась:

– Значит, тебя не испугали мои эпатажные выходки?

– Нисколько! Мне показалось, что Вы с их помощью пытались показать и участникам, и жюри, и зрителям, какие они, и не только они, какие мы, в сущности, зажатые в жизни. И что мы боимся сделать что-то смешное, нелепое, необычное. Так ведь?

Она одобритительно похлопала меня по руке.

*Про истинный PR и лицо российского шоу-биза читайте также в первой книге Александра Жданова «Папарацци»

– Наконец-то услышала голос разума! Ты все правильно понял. А вот на канале испугались, пошли на попятную. Придумали тысячу и одну причину, почему я не могу вести шоу. Я плюнула и сама ушла. Знаешь пример с обезьянами в клетке?

– Нет. Расскажите?

Она рассеянно кивнула, с интересом оглядывая зал:

– Раз начала, то расскажу, конечно. Не знаю, насколько это правдивая история, но как пример — очень показательна. Короче, в одной лаборатории в металлическую клетку посадили пять обезьян. К потолку в центре подвесили банан. Под бананом поставили стремянку. В какой-то момент одной из мартишек захотелось есть. Она, естественно, полезла за бананом. И ее окатили из пожарного брандспойта ледяной водой, а заодно и всех остальных. Обезьяны отступают, но есть-то хочется! И все повторяется снова. И так три-четыре раза. Кончается дело тем, что когда беспокойное животное опять пытается подойти к стремянке, остальные четверо его от нее отталкивают и банально бьют. Это, Саша, первая ступень. Вторая начинается с того, что беспокойную обезьяну убирают и добавляют в клетку «свежую». Проходит какое-то время, и она делает попытку добраться до банана. Четыре бдительные обезьяны, оставшиеся с прошлого раза, отталкивают её и... бьют, хотя на этот раз никого не обливали. Разумеется, бедное животное не может понять, за что, поэтому делает еще одну попытку. Его опять бьют, но уже сильнее. Затем обезьян опять меняют: одну из стареньких убирают, и запускают еще одну новую, «свежую». Результат предсказуем: она лезет за бананом, остальные вскакивают, отталкивают и бьют. При этом с особым зверством бьет та обезьяна, которую не обливали. И все это длится до тех пор, пока в клетке не оказывается пять ни разу не облитых обезьян, но ни одна из них не делает попыток дотянуться до банана. Можешь ответить, почему?

– Теряюсь в догадках.

– А потому что здесь так принято. С людьми то же самое. Они принимают определенные правила игры, но не задумываются. А почему, собственно, они должны им следовать? Почему Марусин должен изображать человека с традиционной сексуальной ориентацией, почему Леня Топтун впервые в жизни надел галстук, хотя и за километр видно, как он ненавидит эту униформу? Почему, почему... Да потому, что здесь так принято.

– Выходит, Вы их знаете?

– Помню по шоу. Я пару раз в жюри была. Талантливые мальчики. Каждый в своем. А с Марусиным мы потом на съемках новогоднего мюзикла пересекались, у него маленькая роль была. Хотя в качестве певца, на мой взгляд, он более интересен. Но это уже на любителя. Любая оценка всегда пахнет вкусовщиной.

– Познакомьте меня с ним?

Она кивнула:

– Почему бы и нет. Пойдем.

9. Типаж Марусина довольно часто встречается. Красивый мальчик, который неожиданно для себя и окружающих стал взрослым, но в душе так и остался неуверенным и закомплексованным подростком. А поскольку многие это понимают, то и не знают, как вести себя с человеком — теряются.

В первые минуты потерялся и я. Меня поразила скрытая агрессия этого человека и невероятный снобизм. Марусин вел себя как пуп земли, и казалось, еще немного, и земля надорвется.

Мы немного поговорили о его роли в мировом искусстве, и Марусин немного оттаял, начал улыбаться.

– Мне предложили новую роль, но пока я думаю... Сериал — это так пошло. Сериал — это конвейер! Это ширпотреб, а не искусство. Я мечтаю сняться у великого режиссера, который бы смог раскрыть всю глубину моего таланта. Думаю пробоваться в Голливуде. Европейское кино сегодня переживает не лучшие времена.

Он запнулся, видимо, ожидая очередного вопроса. Литта представила меня как журналиста, и Марусин решил, что я хочу взять у него интервью. Отсутствие диктофона или блокнота его совершенно не смутило. Слово у него всю жизнь брали интервью, запоминая слово в слово.

Что ж, если тебе хочется таких игр, отчего ж не поиграть? Допустим, это интервью! Я придал себе заинтересованный вид. И даже сделал пару снимков: Марусин мгновенно принял профессиональную позу и застыл в фальшивой улыбке. После фотосессии, несмотря на нарастающий клубный шум, мы перешли к его творческому пути.

– Говорят, Вы начинали как эстрадный певец. Почему сейчас не поете?

Он задумался.

– Нет хорошего репертуара.

– Однако Ваш коллега по шоу, Майкл Романов, пишет отличные хиты. Может, имеет смысл обратиться к нему?

Красивые брови Марусина презрительно изогнулись:

– У нас с ним разные места в мировом искусстве. И Майкл это прекрасно понимает. Кому сегодня нужны его грошовые песенки? Я готов исполнять только романсы или рок-баллады. Однако хочу подчеркнуть, что имеющийся музыкальный материал избит, он банален, поэтому мне остается искать себя в кинематографе.

Как бы он там без вести не пропал, подумал я, но вслух спросил совсем о другом:

– В Вашей жизни были серьезные увлечения? Говорят, что во время одного шоу Ваша возлюбленная трагически погибла.

Марусин тут же сделал соответствующее — скорбное — лицо.

– Это была черная полоса в моей жизни, о которой мне до сих пор сложно говорить. Наша связь с Милой была уникальной, основанной на родстве душ. Мы понимали друг друга с полуслова, и хоть между нами не было

близких отношений (я женат и не могу изменять своей жене), это была любовь.

Говорил он заученно, словно часами репетировал эту речь перед зеркалом. Но мне было невероятно скучно. Смог бы он замутить весь этот проект с сайтом? Кишка тонка! Почему же Майкл был так уверен, что Марусин без ума от Милы? Нетрадиционная ориентация Марусина, конечно, в глаза не бросается. Но вряд ли человек, переживающий влюбленность, не сможет почувствовать, что его приятель, вздохнув говорящий о любви, фальшив и не испытывает к своей избраннице никаких чувств. Так в чем загадка? Может, Майкл вообще не наблюдал за этими отношениями — ему кто-то о них рассказал? Так сказать, внушил: мол, Марусин так же, как и ты, влюблен без памяти. И затем трагедия связала эти две истории воедино в помрачившемся от горя рассудке Майкла. Я мысленно сказал себе, что этот момент мне обязательно надо выяснить. Если я прав, значит, кто-то хотел, чтобы Майкл думал именно так, а не иначе. И кому-то было очень важно, чтобы Романов не знал о нетрадиционной ориентации Игоря.

10. Сегодня в шоу-бизе много гееподобных юношей и мужчин, которые якобы играют в запретные игры. Быть похожим на гея в тусовке стало модно, многие бравируют своей бисексуальностью. И эта бравада, за которой, как правило, кроется растерянность и бешеная закомплексованность, меня несколько напрягает. Как всегда напрягает неумение, а порой и нежелание человека определиться, кто он есть на самом деле. Нет ничего зазорного в том, что ты гей, зазорно выставлять свои сексуальные пристрастия напоказ. Интимная жизнь потому и называется интимной.

Об этом мы в свое время разговаривали с Эдом Мишиным, главным редактором журнала «КВИР». Эд — один немногий в нашей стране, кто может открыто и без комплексов говорить обо всем, что связано с нетрадиционными отношениями.

— Знаешь, Саш, — сказал мне тогда Эд, — Фрейд считал, что однополая любовь базируется на тех же самых психофизиологических основаниях, что и разнополая: человек по природе бисексуален, в его воображении присутствуют как гетеро-, так и гомоэротические компоненты, а их «баланс» определяется только в процессе индивидуального развития. Я вот до сих пор помню цитату из его письма: «Гомосексуализм, несомненно, не преимущество, но в нем нет и ничего постыдного, это не порок и не унижение; нельзя считать его и болезнью... Преследование гомосексуализма как преступления — большая несправедливость и к тому же жестокость».

— А бисексуальность?

— Бисексуальность — интересная, хотя, на мой взгляд, еще не изученная штука. Общество считает, что бисексуал — человек распущенный, пресыщенный отношениями, и для него важна постоянная смена ощущений и ролевых ситуаций. Но почему-то мало кто задумывается, что мы все в той или иной

степени бисексуальны, и впервые бисексуальность проявляется в подростковом возрасте, когда девочки валяются на кровати и поверяют на ушко свои секреты, когда пацаны смотрят первую в своей жизни порнуху и случайно касаются друг друга. Впоследствии эти первые эротические переживания прячутся в закоулках памяти, чтобы не дай бог, кто-нибудь не узнал... Но заметь, любое сильное жизненное переживание, скажем, тот же развод, может вытащить потаенные желания... И неожиданно для себя человек понимает: ему приятно заниматься сексом как с женщинами, так и с мужчинами. Только в каждом случае у него будут совершенно разные сценарии, эдакая специализация сексуальных позиций: скажем, с женщиной он обязательно должен быть «сверху», а с мужчиной — «снизу».

— Ну, и как можно отличить бисексуала от не бисексуала?

— А это так важно? — почему-то удивился Мишин. — Кому надо, тот поймет. Другое дело, что сегодня много тех, кто пробует такой секс ради собственного пиара. Мол, я такой крутой, могу и так, и по-другому. Но в реальности многие боятся признаваться в том, что они такие, какие есть. Будучи смелыми в Интернете, в большинстве своем — как они жили двойной жизнью, так и продолжают жить. И, как раньше, общество их отторгает.

— Несмотря на декларацию того, что все мы сегодня свободны?

— Понимаешь, Саш, квір — это такой крючок, за который очень удобно цеплять тех, кто вдруг становится неугоден. А кто неугоден сегодня? Влиятельные, известные люди. Или те, для кого собственная популярность становится источником дохода. Потерять его — смерти подобно. Не мне тебе рассказывать, сколько фальшивых невест и жен в современном шоу-бизе. Это такие правила игры. Вот и получается почти анекдотичная ситуация: истинный гей скрывает свою ориентацию, псевдо-гей выставляет ее напоказ.

— Но ведь статью отменили, чего бояться? Что в этом такого?

— Не скажи. Статью отменили, но, по сути, все продолжается. Ни в одной европейской стране, например, нет такого, чтобы гомосексуальность использовалась в качестве компромата на политиков. У нас это любимый прием для черного пиара. Гомосексуалист ты или нет, неважно: черные пиар-технологии действуют по принципу «сначала ввяжемся в бой, а потом разберемся». И человек начинает оправдываться, предъявлять публике счастливую семью. Но тот, кто оправдывается, заведомо неправ. И в памяти избирателей остается черная метка: это гей, за него голосовать нельзя потому, что он спит с мужиками. То, что гей может быть образованным, талантливым человеком, способным решить многие проблемы, в расчет не принимается. И это в Москве или в твоём либеральном Питере! А представь, каково гомосексуалистам жить в провинции, где люди более консервативны? Многие шифруются похлеще Штирлица.

— Выходит, ничего не изменилось?

— Ну, почему же? К примеру, снимали о кви́ре фильм, и всплыла такая история. Знаешь, в брежневские времена в самом центре Ленинграда была

так называемая плешка, где с начала 60-х постоянно собирались геи. А 8 марта они всегда открывали весенний сезон. Приходили 200-300 мужиков, к воротам привязывали ленточку и разрезали ее. Традиция просуществовала четверть века. Ни разу милиция не воспрепятствовала этому.

— Почему?

— Органам было интересно наблюдать, чтобы потом использовать увиденное в своих интересах. Но при этом именно в брежневские времена регистрировались однополые браки — на Севере. Туда приезжали со всей страны специалисты, и надо было давать им квартиры. А как это сделаешь без документов? И гомосексуалистов регистрировали. Когда прибыла парткомиссия из Москвы, ей сказали: «Это ценные работники, они нам нужны». Хотя так...

11. С последним человеком из этой фантастической пятерки я познакомился, когда часы пробили полночь. Владелец агентства праздников «Фантастик», выглядел импозантно, модно и вместе с тем серо. Таких метросексуалов я встречаю каждый день.

Одинаковые стрижки.

Одинаковый парфюм.

Одинаковые костюмы.

Одинаковые шарфики, повязанные по последней моде.

Одинаковые манеры.

Одинаковое мышление.

Одинаковые женщины рядом

Все это создавало ощущение модной, правильной, но на удивление унылой серости.

Я украдкой наблюдал за Виталием. Пришел он, по традиции, без жены. Хищно оглядел зал и тут же направился к худощавой блондинке — известной светской львице. Пара дежурных комплиментов, улыбка. Поглаживание запястья, но... не получилось. Блондинка презрительно оглядела Виталия и брезгливо одернула руку. Она не для него. Она классом выше.

Виталий поспешно ретировался, делая вид, что ничего такого не произошло. Со стороны я видел, как он уязвлен и зол.

— Интересный тип с точки зрения психологии, — Зимин подошел неслышно, по-кошачьи. В его руках был бокал с негазированной водой. — Я за ним не первый год наблюдаю. Вы видели его жену, Саша?

— Не имел чести.

— Много потеряли, — поймав мой заинтригованный взгляд, он пояснил. — Анна невероятно красивая, эффектная женщина. Поверьте мне, я знаю толк в женской красоте. Когда они рядом, люди задаются вопросом, что она в нем нашла, вот Виталий и не появляется на публике с супругой. Он явно проигрывает.

— Он действительно открыл бизнес на деньги жены?

Зимин хохотнул.

— А кто Вам сказал, что это он открыл? Бизнес принадлежит Анне, Виталий занимает должность генерального директора, но без права подписи. Он — свадебный генерал. А всем управляет Аня, она — железная леди. А Виталик так. Погулять вышел, по бабам. Только не каждая ему по кошельку и статусу. Впрочем, Вы сами видели.

— И почему она это терпит?

— Хороший вопрос. Чужая семья — потемки. Я не исключаю, что она его любит. Такое вот простое объяснение. Любит со всеми комплексами и психологическими проблемами. Именно Аня вытянула Виталика из депрессии, когда его выгнали из шоу. Собственно, и агентство возникло для того, чтобы он пришел в себя. Но выяснилось, что Виталик только и может, что рот открывать под фонограмму, а в бизнесе он полный профан. И вот теперь Аня зарабатывает деньги, а он ходит по тусовкам, пытается самоутвердиться. Хотите, я Вас познакомлю?

Хочешь, не хочешь, а надо.

Информацию о том, что я журналист, Тихонов воспринял индифферентно. Ему было все равно. Такого равнодушия к жизни я, пожалуй, еще и не встречал. Погасший взгляд, глубокие морщины, тщательно заретушированные тональным кремом...

— Вам нравится новый альбом Литты? — спросил я, чтобы хоть как-то завязать разговор. Зимин тактично отошел в сторону.

— Я его не слушал, — флегматично ответил Виталий. — Меня не интересуют современные исполнители.

— Совсем никого не признаете?

— Только себя, — и в нем промелькнула живая искра. — Себя я могу слушать бесконечно, но мир потерял такую возможность. Я ему оказался не нужен. Что ж, тем хуже для мира.

— Вы говорите про шоу Stardust? — уточнил я, хотя ни на секунду не сомневался в ответе.

— А о чем же еще? — тонкие брови изогнулись. — У меня были все шансы на победу, и в последний момент они испугались, поняли, с кем имеют дело, и дали ход назад. Идиоты! Они упустили единственно возможный шанс — получить готовую звезду!

Похоже, у Виталика были явные проблемы — мания величия, которая к тому же наложила на старую и очень глубокую обиду. Похоже, без доктора тут уже не разобраться. Но доктора поблизости не было, а вопросы задать все же нужно.

— Меня очень интересует это шоу, — начал я издалека. — И в первую очередь потому, что я уверен: организаторы совершили непростительную ошибку, отказавшись от звезды такого мегауровня, как Вы.

Что я несу? Однако грубая лесть дала свой первый результат. Тихонов впервые за нашу встречу посмотрел на меня с интересом.

– Шоу было отвратительным. И с точки зрения организации, и с точки зрения идеи. Так и напишите в своей газете, или что там у Вас. Журнал? Телевидение?

– Все сразу, – ляпнул я. — Холдинг у нас.

Слово произвело должное впечатление, и Виталий проникся ко мне уважением. Я решил ковать железо, пока горячо:

– Скажите, Виталий, а Вы помните обстоятельства, при которых убили участниц конкурса?

– Такое не забывается, – сказал он, но эта тема его интересовала намного меньше, чем собственное творчество. — Это был такой кошмар, когда погибла... черт, уже и не помню, как ее звали.

– Ксения...

– Точно!

– А Вы не знаете, что могло послужить причиной ее гибели? Может, что-то видели, слышали?

– Это так давно все было, – капризно протянул Тихонов, одновременно оглядывая зал в поисках очередной сексапильной блондинки. — Ксения была неприятным человеком, мне не нравилось с ней общаться. Она все время подкалывала, высмеивала, иронизировала. С ней было сложно.

– В общем, Вы с ней не общались, – с некоторым облегчением подытожил я, соображая, как поскорее уйти.

– Мало, – кивнул Тихонов. — По-настоящему мы с ней говорили только один раз, накануне ее гибели. Ксения репетировала новую песню, а я зашел случайно в студию, уже не помню, зачем. Там еще ее подруга была... Тоже не помню, как зовут.

– Мила. И о чем вы говорили? — я перехватил его рассеянное внимание.

– Я прослушал песню, и она мне понравилась. Жесткая. Про то, что все тайное всегда становится явным. Ксения сама ее написала. Мне показалось, что все это ее лично как-то касалось и человек, о котором она пела, обидел ее. И очень серьезно обидел. Я спросил, кому она посвящена, и она ответила, что одному нашему общему знакомому, который зарвался. Она готовила эту песню на финал. Финал должен был получиться убийственным.

Что ж, он таким и получился.

12. Я добрался домой только ночью. Странное ощущение: ты возвращаешься с банкета, открываешь входную дверь и понимаешь, что хочешь есть. Несмотря на то, что на часах давно за полночь. Этот парадокс разгадать не могу, но он повторяется из раза в раз: вроде и ем на банкете, а дома вкуснее... Ну что ты будешь делать...

В московской квартире непривычно тихо. Мне всегда здесь не хватает котов. Вот и сейчас по привычке позвал обоих шалопаев, вспомнил, что я в Москве, виновато улыбнулся и поплелся на кухню. Сварганил

гигантский вкусный бутерброд, сделал чай, на отдельной тарелке выложил пирожное. Вот только ни слова о том, что по ночам есть вредно! Я и так все знаю. Но зато как вкусно есть ночью, блуждая по Интернету! Если хотите, это персональный рецепт от Нежданова всем тем, кто страдает бессонницей, влюбленностью, одиночеством или кто просто вернулся с модной тусовки и не хочет ложиться спать.

Итак:

1. *Сделайте себе бутерброд.*

2. *Налейте чаю.*

3. *Включите компьютер.*

4. *Пообщайтесь с интересным человеком.*

И, как знать, возможно, вы встретите утро в прекрасном расположении духа.

На мое счастье, Watchman был в сети. И, вопреки сложившейся у нас традиции обмениваться письмами, в этот раз мы с ним поговорили по аське.

Застегнутый врасплох (02:14)

Доброй ночи! Почему не спите?

Watchman (02:15)

У нас с Вами сейчас разные часовые пояса, Александр. Я в Калифорнии. А вот Вы действительно полуночищаете. Опять проверяете крепость здоровья?

Застегнутый врасплох (02:16)

Приходится. Был на презентации альбома Литты. Вечер прошел в антикризисном настроении.

Watchman (02:17)

И в чем это выражается?

Застегнутый врасплох (02:18)

Все друг друга уверяли, что кризиса нет. И от этого становилось как-то не по себе. Всем хочется обыкновенного чуда, но чуда пока не предвидится.

Watchman (02:19)

Надежда — это неплохо, но нам еще выбирать и выбираться из этой ямы.

Застегнутый врасплох (02:20)

Знаете, я был в Австралии. Там кризиса нет. Там люди наслаждаются жизнью. Приехал сюда — тоска и паника. Даже у звезд те же эмоции, а они всегда жили намного лучше.

Watchman (02:21)

Помните фильм «Бриллиантовая рука»? Там было проклятие: «Чтоб ты жил на одну зарплату!» Вот для наших звезд оно исполнилось. Пусть и временно, пусть и в несколько метафоричной форме. Но, пожалуй, впервые за много лет они поняли, что желания не всегда совпадают с возможностями. И не обязательно рядиться в дорогие безвкусные тряпки и отдыхать

на дорогих курортах, чтобы тебя считали человеком. Мир меняется, Саша, меняется стремительно. И то, что было востребовано в последние 10-15 лет, стремительно отмирает. Тот, кто этого не понимает, останется за бортом. Кризис — это шанс пересмотреть свою жизнь.

Застегнутый врасплох (02:23)

А кто останется? У кого есть шанс?

Watchman (02:24)

А кто остается во все времена? Тот, кто идет своим путем и не сворачивает с него. Вот, скажем, Арбенина будет на все времена, потому что она самобытна и при этом не боится меняться. Но заметьте, меняется она не в угоду публике. Она меняется исходя из своего мировоззрения, характера, опыта. И это чувствуется. Те же, кто подстраиваются под публику, проигрывают. Пусть и не сразу. Есть люди-пена и есть люди-вечность. Понимаете разницу?

Застегнутый врасплох (02:25)

Понимаю. Но насколько я понимаю, ваша позиция: люди-вечность не занимаются пиаром и не принимают участия в конкурсах, так? Это и есть главное отличие.

Watchman (02:26)

Не главное, но суть Вы уловили. **Истинному таланту пиар не нужен. Ему не нужна реклама, поддержка. Он прорастает сам по себе и идет собственным путем, ни под кого не подстраиваясь и ни на кого не размениваясь.** Когда человек начинает говорить о своем творчестве, я понимаю, что никакого творчества у него и нет.

Я невольно вспомнил свое псевдо-интервью с Марусиным. И буквально выстрелил по аське:

Застегнутый врасплох (02:28)

А Вы Игоря Марусина знаете?

Watchman (02:29)

Удивительное совпадение! Я тоже сейчас о нем подумал. Вот Вам образчик человека-пены. Через полгода о нем никто и не вспомнит.

Застегнутый врасплох (02:30)

Однако на плаву он держится, как минимум, три года. Кажется, его заметили со времени шоу...

Watchman (02:30)

Знающие люди увеличат этот срок до пяти лет. Пять лет назад он выступал в одной из молодежных групп. Ее название Вам ничего не скажет. Песенки там были незатейливые. Группа в основном держалась за счет симпатичных мальчиков. Я сразу сказал, что ни один из них не пробьется. Стержня там нет. Смотришь, слушаешь, а как только клип заканчивается, не можешь вспомнить ни слов, ни лиц. Так что Марусин в шоу-бизе не новичок, но пока что у него ничего не получается и не получится. Ему не хватает самоиронии.

Застегнутый врасплох (02:31)

Откуда, кстати, пошла легенда про неземную любовь Марусина к Миле?

Watchman (02:32)

Я смотрю, Вас эта старая история всерьез заинтересовала. Это идея Разумовского. Ему показалось, что они будут прекрасно смотреться друг с другом, когда исполнят песню о супружеской измене, а жена Марусина будет сидеть в этот момент в зале. Вы в курсе, что у него есть жена и ребенок? Мне всегда было жаль эту бедную женщину. Вот кто угодил в настоящую ловушку. С учетом... м-м... некоторых пристрастий этого господина. Но я отвлекся. Разумовский прекрасный продюсер, он выхватывает суть проекта, но вот что касается человеческой психологии, изначально проигрывает. Он не может понять, почему артист поступил именно так, а не иначе. Хотя, возможно, ему просто не хватает времени разобраться, что к чему. Человек он неплохой, только слишком спешит. Однако в жизни немало ситуаций, требующих внимательного и осторожного отношения.

Застегнутый врасплох (02:35)

Я постоянно думаю, почему девушек убили накануне финала. Какой мотив? Зачем?

Watchman (02:38)

Я не в курсе, кто и что Вам рассказал, но могу сказать, что убийство это было совершено испуганным человеком, потерявшим контроль над собой. Посреди белого дня, за пять метров от зрительного зала. Значит, убийцей двигал страх. И этот страх был намного сильнее, чем страх быть застигнутым на месте преступления. Странно, что Вам до сих пор не пришлось в голову поговорить о тех днях с Милой.

Застегнутый врасплох (02:38)

Она жива? Мне казалось, что... Говорили, что она убита, что пропала. Я так и не понял, что, собственно, произошло.

Watchman (02:39)

Информация между нами, хорошо? Никуда Мила не пропадала. Она долго лежала в больнице. Она больше уже никогда не сможет петь. Но... все сделали вид, что ее просто нет. Девушку просто взяли и вычеркнули из жизни. И эта история одна из тех, которая отвращает меня от шоу-бизнеса. Людей просто вычеркивают, словно их никогда и не существовало. Возможно, Мила сможет Вам рассказать, что именно произошло в те дни. Вот только найти ее будет непросто. Тут и Разумовский вам не помощник. Впрочем, дело не в нем. Тот, кто хочет, чтобы о нем забыли, всегда становится забытым.

13. Три часа ночи. Я сидел на кухне и ругал себя последними словами. Ну почему я решил, что Милу постигла такая же участь, как и Оксану. Никто не произнес слова «умерла». Все говорили «исчезла», «трагедия»...

Мила... Как же ее фамилия? Я быстро набрал название конкурса и после долгих переходов с сайта на сайт получил список участников. Вот она! Людмила Прищепа. И никакой информации. Ни-ка-кой. По вашему запросу ничего не найдено. Словно человека взяли и стерли из виртуальной матрицы.

Watchman сказал, что Мила больше никогда не сможет петь. Для человека, чья жизнь связана с музыкой, это большая трагедия. Для человека, которого вычеркнули из жизни, трагедия вдвойне.

Тогда... Меня пробил холодный пот. Может, Мила и есть тот самый человек, которого мы все ищем? Почему мы решили, что наш аноним – мужчина? Оскорбленная и уничтоженная женщина способна на самую извращенную месть.

Стоп, Нежданов, не торопись. Запрягаешь быстро, едешь медленно. Ее нужно найти. Обязательно.

Мякнула аська. Кто-то из друзей прислал очередную ссылку. Я сонно ее открыл. Программа Britain's Got Talent. Наш вариант не хуже. Наверняка очередная хохма. Я включил ролик.

На сцену вышла неряшливая тетка. На голове редкие седые кудельки, плохо сшитое платье подчеркивает многочисленные складки на животе. На щеках лихорадочный румянец, который ее делает еще более некрасивой. И что движет такими людьми? Зачем они выходят на сцену? Неужели ничего не понимают?

– Как Вас зовут, дорогуша?

– Сюзан Бойл.

– Сколько Вам лет?

– 47. И это только одна из моих особенностей.

Она нагло покачивает бедрами. В зале гул и улюлюканье. Жюри смеется.

– Откуда Вы?

– Я из маленькой шотландской деревушки.

– И зачем Вы здесь?

– Всегда хотела выступить перед большой аудиторией. И теперь мне надо раскатать этот зал.

Она снова вызывающе покачивает бедрами, а по экрану бежит строчка: «...родовая травма, из-за которой плохо училась в школе и выросла некрасивой...единственная любовь в ее жизни — кошка Пебблз... замужем Сюзан не была... никогда не целовалась... безработная... у нее недавно умерла мать, и Сюзан решила попробовать свои силы в пении, несмотря на насмешки окружающих...»

Мне стало ее жаль. На лицах зрителей – смесь жалости и стыда за то, что сейчас должно произойти.

– Ок, Ваша мечта?

– Я хочу стать профессиональной певицей!

– Почему не стали?

– До сих пор не было шанса. Вы мне его даете!

– Что Вы будете петь?

– «У меня есть мечта» из «Отверженных».

Первые аккорды... Сейчас облажается... Точно облажается...

Я замер.

Как только Сюзан начала петь, я остолбенел. Неловко задел рукой чашку, и она покатилась по столу, упала и застыла на полу, так и не разбившись, словно и ее сохранил безумный талант Сюзан Бойл.

Зрители ошеломленно замолкают, и через секунду зал взрывается овациями. И пока Сюзан поет, зал рукоплещет ей стоя.

Песня длится и длится, и когда она заканчивается, жюри говорит:

– Когда Вы стояли здесь и говорили, что хотите стать певицей, над Вами все смеялись. Никто больше не смеется. Это было невероятное исполнение...

– Я так взволнована, потому что понимаю, против Вас был настроен весь зал, все цинично ждали вашего провала. И Ваша песня была самым большим отвлекающим моментом в моей жизни. Это была честь — слушать Вас!

Ролик закончился. Я набрал в поисковике имя и фамилию. Оказалось, что уже через час после эфира программы о ней знали не только в Объединенном Королевстве. Ролик с ее выступлением появился на YouTube. В течение первых суток это видео посмотрели 5 миллионов пользователей. Еще через четыре дня общее количество просмотров составило свыше 30 миллионов. И его продолжают смотреть и пересматривать. Невероятная сказка о некрасивой и немолодой Золушке. Чудо, которое вдруг стало явью.

Красивая история. Я вдруг подумал о никому уже не известной Миле Прищепа. Девушке, чью жизнь искалечил и переломал шоу-бизнес. Ей повезло меньше, чем Сюзан Бойл.

ПАУТИНА

Они все-таки на нее вышли. Вот этого момента Демиург не учел. В последнее время он совершал одну ошибку за другой. И отчаянно злился на себя: вся гениально выстроенная им система могла обрушиться в любой момент подобно картонному домику. Обидно, что причиной обычно становились такие досадные мелочи, как эта девица.

На вечеринке Литты он случайно услышал, как этот вездесущий журналист разговаривает с Зиминим... Вот тут-то и всплыло это давно забытое имя — Мила.

С того самого момента, как Прищепа (наградили же родители такой фамилией!) вышла из больницы, она затаилась. Демиург сделал несколько

попыток ее найти, но Мила как в воду канула. Вот он и забыл, что была когда-то в его жизни такая странная девочка, девочка, которая знала так много, что ее захотелось убить.

Демиург хрустнул пальцами, вновь и вновь презирая себя за это вынужденное уродство, за эту деталь, которая не давала ему покоя ни днем ни ночью, напоминая о самом безобразном провале в жизни.

Жаль, что тогда так и не удалось до конца придушить эту тварь. С Оксанкой все получилось быстро и как-то гладко, что ли... Наверное, так распорядились звезды: ей надо было умереть. Ему просто повезло: нож вошел так мягко, что она просто осела ему в руки тряпичной куклой. Он вытер нож о ее концертное платье и увидел, как на него, забившись в угол, смотрит Мила. Он до сих пор видел ее глаза, в которых плескались страх и изумление. Он шагнул к ней, но она, вскрикнув, бросилась бежать.

Ненужный свидетель. А от ненужных свидетелей надо избавляться. Сложнее всего было ее подкараулить: словно испуганная мышь, девчонка спряталась в норку, и не было никакой возможности вытащить ее оттуда. Но ему почти повезло. Они столкнулись на лестнице спустя неделю в тот момент, когда она, испуганно озираясь, пробиралась на сцену. Нужно было только сомкнуть пальцы на шее...

...Спугнули шаги на лестнице. Она еще дышала, и он закричал: «Помогите!» Никто ничего не заподозрил... Правда, пришлось изображать какие-то чувства: вызывать «скорую», тащить ее на руках и тихо-тихо шипеть на ухо: «Скажешь кому, убью!» И она, придя на мгновение в сознание, забила в его руках, покорно кивая: мол, не скажу, не скажу...

Это он придумал оставить окровавленную одежду, чтобы еще больше напугать участников. Это он пустил слух о том, что Мила исчезла, убита, ранена. Чем больше противоречивой информации, тем лучше: когда люди боятся, они перестают говорить о причине своих страхов, они просто боятся.

Потом он еще пару раз навещал Прищепу в больнице, однажды даже вместе с Разумовским. Мила затравленно молчала, не отвечала на вопросы. И накануне выписки сбежала, как была: в больничном халате и тапочках. С тех пор он про нее ничего не слышал. И почему-то забыл. Словно все, что было связано с тем шоу, стало неважным и неинтересным.

Непростительная ошибка. Он бы и дальше пребывал в счастливом забвении, если бы не это письмо от нее.

«Видела твой сайт.

Ты больше никого не убьешь.

Мне надоело молчать».

Три строчки. Он получил письмо по электронной почте и задумался. Как, собственно, реагировать?

Ей надоело молчать, и что? Чего она хочет? Денег? Правды? Или это просто женская глупая блажь, совершенная под воздействием алкоголя?

Пустая бравада — нам не страшен серый волк?

Наверное, стоило проигнорировать. Равнодушие — одно из самых сильных оружий на земле. Не получая реакции на свои слова или поступки, человек начинает дергаться, переживать, думать, представляя различные ситуации... И если выждать нужную паузу, твой противник все сделает за тебя.

Но на ожидание не было времени. Конкурс начинался через пару дней. Демиург не выдержал сам.

«И что ты хочешь?»

Письмо улетело в одно мгновение, и он тут же пожалел о содеянном.

Видимо, Мила была в сети, поскольку ответила сразу: «Справедливости».

Он взвился под потолок. Глупая баба! Хотя бы денег потребовала за молчание, он бы понял. Справедливости она хочет! А ее нет! Нет в этой жизни справедливости. Уж извини! И ты дура, если этого не понимаешь! В твоей жизни точно ее не будет, раз сама полезла на рожон. Он еще накручивал себя, представляя, как встретит ее, что он с ней сделает, когда по электронной почте пришло очередное письмо.

В нем была одна песня.

Та самая песня, с которой все и началось.

Песня, ценой которой стала человеческая жизнь.

Много это или мало?

Не ему решать.

МОСКВА

1. За неделю до конкурса в Москве началось безумие. Столица погрузилась в атмосферу музыки, а я как-то незаметно для себя перебрался в евродом, который жил по своим, особым правилам.

Больше всего я ждал пресс-конференций и вечеринок. На пресс-конференциях всегда можно узнать что-то интересное, а на вечеринках неплохо развлечься. Конечно, не каждая страна может позволить себе такое шоу, но... Россия, к примеру, постаралась.

Именно на эту вечеринку я сейчас и ехал, вспоминая события последних часов.

День оказался утомительным. С утра шли репетиции, и я буквально разрывался: хотелось увидеть номера артистов, поговорить с ними и перехватить организаторов для краткого интервью. Дни в режиме нон-стоп. Я забыл про рекомендации врачей, я забыл про личную жизнь, про друзей и родных. Я забыл обо всем. В моей жизни был только конкурс «EUROsong».

Я и сам не заметил, как просмотрел и прослушал все выступления конкурсантов, и у меня мгновенно появились свои фавориты. За эти дни

я почти не думал о сайте, он как-то незаметно отошел в сторону. В жизни оказались другие, более притягательные вещи.

Первый полуфинал, второй полуфинал... Дни стремительно катились к грандиозному финалу, и я чувствовал, как росло всеобщее напряжение.

Больше всего мне нравился Александр Рудак из Норвегии. Все, кто с ним встречался, мгновенно поддавали под его гипнотическое обаяние. Мальчишеская улыбка, вечно взъерошенные вихры и скрипка стали визитной карточкой этого артиста. Я заметил, что и журналисты, и остальные участники старались быть поближе к нему. И я их понимал: самые высокие ставки делались как раз на моего тезку. Впрочем, были и другие фавориты: изящная художавая Мадмуазель из Франции, державшаяся чуть особняком ото всех; зажигательный грек Димитрус Руфис, по которому сходили с ума все барышни из оргкомитета, и неважно, сколько барышням было лет — восемнадцать или сорок; трогательная исландка Сюзанна с длинными белыми волосами, делавшими ее похожей на русскую Снегурочку. Я с ужасом наблюдал за распределением голосов во время полуфинала, не веря, что она может не войти в финал, но чудо свершилось, и она оказалась в лидерах. Правда, были и те, кто отдавал симпатии юной чернокожей певице из Англии. Прелестная Дженис была похожа на опасную кошечку, и, по слухам, во время финала ей должен был аккомпанировать сам Уэббер, автор знаменитых мюзиклов. Были и откровенно провоцирующие номера. Например, в номере Немца должна была принимать участие королева бурлеска Дита фон Тит, и весь Интернет задавался вопросом: устроит она стрип-тиз или нет.

Честно говоря, голова у меня шла кругом от полученных эмоций и впечатлений. Одно знакомство перетекало в другое, и я вскоре понял, что переполнен именами, чужими судьбами и чужим успехом. Но чужой успех не вызывал зависти, нет, напротив, он пробуждал что-то в душе, заставлял двигаться вперед. Я никогда еще не делал таких замечательных фотографий и никогда еще не жил такой наполненной и интересной жизнью, как в эти дни.

Зимин мне позвонил неожиданно:

— Где Вы сейчас, Саша? В евродоме? Нам надо увидеться. Подъезжайте в Rome-safe. Сможете быть через два часа?

— Смогу, — с тоской ответил я, понимая, что пропускаю пресс-конференцию Саши Рудака.

Допустим, фотографии я смогу сделать чуть позже, но мне хотелось задать ему несколько вопросов.

Однако судьба была милостива: с Рудаком мы столкнулись в коридоре.

— Привет, — сказал я, памятуя о демократизме этого артиста. — А ты не можешь мне дать короткое интервью?

— Могу, — просто ответил он. — Только я есть хочу. Пошли в Макдональдс. Там и поговорим, а?

Я обомлел. Вот так запросто пойти в Макдональдс? А с другой стороны, когда у меня будет еще такой шанс?

И мы пошли в Макдональдс.

2. — Вредно, но вкусно, — сказал Саша, когда мы взяли подносы с заказом и устроились за самым дальним столиком.

На нас никто не обращал внимания.

— Не боишься, что репутация пострадает? — спросил я. — Твоя популярность растет сейчас как на дрожжах. А ты сидишь и уплетаешь фаст-фуд.

Он рассмеялся:

— В Москве я услышал выражение: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». Нельзя быть хорошим для всех. Я человек общительный, мне нравится знакомиться с новыми людьми. Но подстраиваться под других — увольте!

— Пока нет головокружения от успеха? Ты лидируешь...

— Если бы я упал с четвертого этажа, может, голова и кружилась бы, а так нет. К тому же я еще и не выиграл.

Он так вкусно уплетал картошку фри, что я наплевал на все свои условные диеты и впился зубами в сочный чизбургер.

— Ты в курсе, что тебя называют мальчиком, дарящим надежду?

— Да ну? — весело удивился Рудак. — А кому я дарю надежду?

— Людям.

— Приятно. Я и не знал, что меня так называют, но как раз хочу, чтобы было так. Иметь надежду — это очень важно. Вот взять, например, мою ситуацию. Я больше года был с Ингрид...

— О которой твоя песня?

— Да. Я ее безумно любил. А она меня бросила, нашла другого парня. Когда узнал об этом, страшно переживал. В тот день я летел на гастроли в Китай, зашел в самолет, заперся в туалете и разрыдался. Выплакался, и вдруг мне полегчало. Я подумал, что вырвал Ингрид из своего сердца навсегда. Но когда через несколько месяцев она рассталась с моим «соперником», я обрадовался: значит, не так уж она его и любила, и ее можно вернуть. Но она вернулась не ко мне, а к новому ухажеру — у нее всегда новые мальчики... А со временем я все-таки понял: судьба послала нам это расставание не просто так. Мне нужно было несколько лет страдать, чтобы однажды в голове родилась песня, с которой я смогу выступить на конкурсе и, как знать, может быть, и победить. Вот это и есть надежда. И если я ее кому-то смогу подарить, я рад.

— Говорят, что твоя песня в духе Норвегии? Но в последнее время побегают фрикковые композиции.

— А какой смысл загадывать? Прошлый год одно, нынешний совсем другое. Интересы людей меняются. Я вообще долго думал, почему на этом конкурсе, где вроде бы все страны показывают свои культурные традиции, от Норвегии то испанская песня, то итальянская. Мы никогда не поем

песни, которые по-настоящему норвежские. Я понаблюдал, что типично для Норвегии: скрипка и фольклорный ритм. Но честно говоря, я вообще не думал участвовать в «EUROsong».

– Да ладно! — не поверил я.

– Прошное лето я провел в деревне у моря, в Западной Норвегии, где много бродил по улицам. Каждый день я ходил по 4-5 часов и думал, наблюдал за жизнью. А каждую ночь ночевал в новых домах и устраивал им концерты вместо платы за ночлег. Ты не представляешь, как могут вдохновлять люди и красивые окрестности! Как может вдохновлять сама жизнь! Так вот... Рождение моей «Норвежской сказки» было подобно чуду. Забрался на самую высокую гору, вытащил скрипку и стал играть мелодию. Я несколько дней думал об этой мелодии, а потом стал писать к ней текст. Местные люди, с которыми я общался, рассказывали мне свои истории. И я стал описывать в песне свою историю. Но, наверное, таких историй тысячи... Вот у тебя была несчастливая любовь?

Я вспомнил Весту и кивнул.

– Вот! В каждой деревне, где я был, всегда находился человек, у которого была похожая история. И он ее считал уникальной. Когда мы любим, мы уверены, что такого еще ни с кем не происходило. А на самом деле все истории любви похожи и вместе с тем уникальны.

– В букмекерских конторах говорят, что у тебя самые высокие шансы на победу. Как ты относишься к таким прогнозам? Они помогают или мешают?

— Помогают, конечно. Это придает уверенности. Есть и те, кому уже надоело, что я — фаворит, слишком часто, по их мнению, звучит моя песня. Но это неважно для большинства зрителей. 90 процентов из них не слышали ни одну из песен конкурса заранее.

– В прошлом году букмекеры угадали, самые большие ставки были на Диму Вилана.

– Мне лестно.

– Он тебе нравится как артист?

– У вас много интересных артистов. И каждый по-своему самобытен. Я правильно произнес это слово?

– Абсолютно!

– Потихоньку вспоминаю русский язык. Если говорить в рамках конкурса, то мне нравится то, что делает Дима Вилан. Готовясь к конкурсу, я даже стащил у него какие-то идеи.

– Зачем?

Он задумчиво посмотрел на меня:

– Идеи хороши! Чтобы выиграть конкурс, нужно очаровать публику, а для этого необходима такая «молодая энергия», которая есть в Диме. Люди должны видеть, что артист хочет им рассказать какую-то личную историю, поделиться пережитым. Важны эмоции. Ты не представляешь, как на сцене

важны эмоции. К сожалению, в Норвегии нет такой школы, где учили бы говорить, как Вилан, двигаться, как Вилан, поэтому он стал для меня неким примером. Но вместе с тем я понимаю, что должен сам твердо стоять на ногах, иметь собственное лицо. Во мне должно быть что-то такое, что отличало бы меня от других.

– Ты считаешь, все, что делает Вилан, обречено на успех?

– Глупо так считать. Я вообще не понимаю этого вашего выражения «обреченность на успех». Как можно быть обреченным? В этом есть изначально негативный смысл. Мне нравится его манера петь, я в восторге от его песни Believe и считаю, что лучше артиста для ее исполнения нет. Но у меня слишком много дел, чтобы вникать в жизнь Вилана и узнавать что-то новое. Хотя чувствуется сразу, что Дима умный парень, имеет свою позицию в любом вопросе и не соглашается со всем, что ему скажут. Таких людей называю личностями.

– А тебе не страшно принимать участие в этом конкурсе?

Он весело тряхнул головой:

– Чего бояться? Я просто выхожу на сцену и пою. Мне интересно! Это ведь совершенно невероятные эмоции, новый опыт.

– Но ведь чем больше успех, тем сильнее человеческая зависть и неприятие. Не опасешься?

– **Хороших людей всегда больше, чем плохих, – пожал он плечами. — Я верю в хороших людей. Так что не боюсь.**

— Есть хорошая русская пословица: «Надейся на лучшее, а готовься к худшему». Не согласен с этим?

— По мне, пословица мрачноватая. У вас много таких. Наверное, климат действует, – подмигнул он мне. – Зачем думать о плохом? Даже если публика от меня быстро устанет, у меня все равно останется на всю жизнь это воспоминание.

Я хотел спросить про сайт, но передумал. Вполне возможно, что он об этом не знает.

Саша с сожалением посмотрел на пустой поднос:

– Мне пора, – сказал он. — Скоро начнется пресс-конференция.

Мы тепло распрощались. И я вдруг подумал: а есть ли в Рудаке иммунитет к звездной болезни? А ну как победит? Что тогда? Будет ли ходить на обед в Макдональдс?

3. Ресторан Pomme-café расположен на Таганке. Выбор места меня немного удивил. Не то чтобы оно очень дешевое и простое, а... как бы это сказать, не слишком мажорное, что ли. Мне казалось, что люди уровня Зимина обедают в других ресторанах. Скажем, у Новикова. Впрочем, для меня Зимин был по-прежнему загадкой.

Он встретил радушно, словно я был самым дорогим гостем на свете, столь же радушно пододвинул меню. Рядом с ним сидел смутно знакомый мне человек. Где-то я его видел. Вот только где?

— Мы с Вами нигде не встречались? — спросил я.
— Я бы запомнил, — сухо ответил он и коротко представился: — Денис.
Руки мне не подал. Да я, собственно, и не напрашивался. И все же странно, на память я никогда не жаловался, впрочем...

— Денис — наш финансовый гуру, — улыбнулся Зимин. — Не скромничай, Денис, не скромничай. Все знают твой талант ко всему, что связано с деньгами. Надеюсь, фамилию Прогарин Вы слышали?

Я кивнул. Как же не слышал. У этого человека удивительный дар превращать в деньги даже камни. И еще, если мне не изменяет память, именно он был финансовым консультантом конкурса Stardust.

— О Вас много говорят, — вежливо сказал я.

Денис поджал тонкие губы, но ничего не ответил. Делая заказ, я мельком взглянул на него: ничем не примечательное, будто смазанное жизнью лицо. Редущие волосы. Выступающий подбородок. Одежда дорогая, сшитая на заказ. Он очень странно держал нож, зажав его в кулаке. Это было смешно и нелепо, словно Прогарин был лишен хороших манер.

Зазвонил телефон, Зимин снял трубку, и я переключил свое внимание на него. По сравнению с финансовым гуру, он будто лучился жизнью и энергией. Мой взгляд снова упал на злосчастное пятно. Странно, что он его совсем не стесняется. Пятно, подобно хамелеону, меняло свой цвет: то розовело, то бледнело, то становилось густо-красным. Словно жило своей жизнью.

— Вы заказывайте, — сказал Денис, проследив за мной. — Здесь недорого, но вкусно. И атмосфера такая... Почти домашняя. Мы иногда специально сюда приходим, чтобы быть как дома. Рекомендую салаты... Очень хороши. На Петра не обращайтесь внимания, он еще так час может беседовать.

Я сделал заказ и откинулся на спинку стула, недоумевая, зачем меня позвали. Но хоть поем: в последнее время я совершенно забыл вкус горячей пищи.

Зимин сделал неопределенный знак рукой, поднялся и, не прерывая разговора, вышел. Мы остались с финансовым гуру одни. Он размеренно ел, словно меня и не было рядом.

— Вы, наверное, думаете, зачем Вас позвали? — сказал он, покончив с закуской. Губы его блестели от масла.

— Есть такой интерес.

— Петя власть свою показывает, — небрежно отозвался Прогарин о своем спутнике. — Ничего срочного нет. Через два дня начнется конкурс. Разумовский на нервах, требует хоть какого-то результата. По мне, это глупо, результат бывает двух видов: тот, который тебя удовлетворяет, и тот, который тебе не подходит. Третьего не дано. Вот Зимин и вспомнил о Вас. Давненько, говорит, Нежданов не отчитывался. Пусть придет!

Врет или действительно такой разговор был? Мне стало неприятно.

— А Вы здесь причем?

Он равнодушно пожал плечами.

— Так меня тоже вызвали. И тоже срочно. Но я расследованиями не занимаюсь, мне проще — у меня финансы.

— Не скажите, в условиях кризиса...

Он в ответ хмыкнул и потребовал у официанта поторопиться с горячим:

— Кризис, Саша, для дураков. Умные без кризиса проживут еще сто лет, и плевать им на все эти проблемы. Тем более, о каком кризисе Вы говорите, если речь идет о конкурсе? «EUROsong» — настоящее Эльдорадо. Деньги потоками плывут, только успевай их разгребать. А уж с такой бесплатной рекламой, какая получилась...

— Вы говорите про...

Он кивнул:

— Ну да, про этот сайт. Признаюсь честно, я на него подсел. Каждое утро начинаю с него. Рейтинг так стремительно меняется, что становится интересно: кто же выйдет в лидеры.

— Вы не забываете, какая цена у этого лидерства?

Он рассмеялся.

— И Вы поверили во всю эту ерунду, Саша? Право слово. Я считал Вас умнее и прозорливее. Неужели Вы думаете, что артистов действительно будут убивать?

— Все так думают.

Денис весело щелкнул пальцами:

— Вот! Вы тоже повелись на эту приманку. Если убийство заявлено, как же его не будет? Матч состоится в любую погоду. Вас обвели вокруг пальца, Саша. Вас и миллионы других людей. Вы попались на обычную финансово-рекламную разводку: поздравляю, Вы — лох!

Я ошалело уставился на своего собеседника:

— Я Вас не понимаю...

— Ну еще бы, — казалось, эта ситуация его действительно забавляет. — Вы же сами с этого начали: кризис, денег нет... А откуда они возьмутся в таких условиях? Когда стало известно, что конкурс будут проводить в Москве, тут все за головы схватились: на что? Кризис на дворе! Людям не до шоу: сначала ведь они требуют кусок хлеба и только потом зрелищ. А если нет внимания публики, нет и самого конкурса.

— Конкурс всегда вызывал повышенный интерес, — я еще вяло отбивался. — Его смотрели, смотрят и будут смотреть!

— Да Вам просто в рекламный бизнес надо идти, — Денис с жалостью посмотрел на меня. — Слоганы и лозунги писать! Все сложнее, Саша. Шоу, как Вы понимаете, денег стоит. А кто их даст? Сами знаете, как быстро и креативно свернулись все рекламные бюджеты. Олигархи? Так и им нет нужды лишний раз светиться. Нет, конечно, какие-то деньги были, но не для проведения конкурса столь высокого уровня, да еще в общеевропейском масштабе. И вот тут Зимину пришла идея...

– Зимину? — я едва не опрокинул бокал с водой.

– Ну не Разумовскому же, — со снисходительной жалостью Прогарин обглаживал нежные куриные косточки, причмокивая от удовольствия. — Конечно, Зимину. Он же мегамозг всей этой конторы. Разумовский, между нами, ему и в подметки не годится. Вот он и придумал такой креативный ход: народ проснулся, потянулся к разумному, доброму, вечному, а за ними, почуяв интерес народа, пришли и рекламодатели. Знаете, как всех на пададь тянет? Вам и не рассказывать! Забавно, что многие подписывали миллионные рекламные бюджеты с одним только вопросом: а можно будет посмотреть, как кого-то убьют? И знаете, под такие деньги мы им пообещали, что можно будет. Когда имеешь дело со стервятниками, нельзя быть трупом. Это чревато.

Я ошеломленно ел салат с жареным тунцом, не чувствуя его вкуса.

— Но зачем же меня было во все это впутывать?

– Для спокойствия Разумовского. А для чего еще? Вам ведь Петр Григорьевич сказал, что сначала ему звонить и докладывать?

– Сказал.

– Ну, вот... И Вы звонили и докладывали. Стоп-стоп, не стоит на меня так смотреть! Виноват! Слово «докладывать» нехорошее. Лучше «информировать», не так ли? Вот вы его и информировали. Правильно! С такими людьми, как Зимин или я, лучше дружить. С Разумовским тоже нужно дружить, но... он не всегда в теме.

Я промолчал.

– Да Вы расслабьтесь, Саша! Сейчас проинформируете, что не нашли шпионов в родном отечестве, и пойдете на свой конкурс восвояси. Петя проинформирует Разумовского. А через два дня конкурс.

– И кого-нибудь убьют!

– Никого не убьют. Сайт станет прошлым. Сколько я таких конкурсов повидал, Вам и не рассказать. А кто о них сейчас помнит?

– А Stardust?

Денис поморщился, словно у него внезапно заболел зуб.

– Станный конкурс был, кто-то там с жизнью расстался, а я чуть было своей деловой репутации не лишился. Хорошо, что пресечь удалось. Жаль только, девчонку спасти не смогли, и со второй что-то непонятное произошло... Но я не вдавался в подробности. Мне Разумовского надо было от тюрьмы спасать. И себя, кстати...

– Поэтому Вас и называют финансовым гением?

– У меня и другие достоинства есть, — усмехнулся он, — но от любопытных глаз я их тщательно скрываю. Но удалось! Слава богу, что Андрей Константинович оказался вменяемым человеком и закрыл эту лавочку.

– А с Ксенией Вы как часто сталкивались? Говорят, что ее нередко видели рядом с Вашим кабинетом... И еще говорят, что отношения у вас были далеко не платоническими.

Благодарушие с него слетело мгновенно.

– Не лезли бы Вы в эту историю, Саша. Она не для Вас, слишком в ней много грязи.

– И все-таки?

– Ладно, все равно рано или поздно все это выплывет наружу. Роман с Ксенией был. Только не у меня.

– А у кого?

Он оглянулся, к нам через весь зал шел Зимин.

– А вот с Зиминим и был. Но упаси Вас бог задавать ему такие вопросы, как мне. И вот еще что... если вас спросят, я Вам ничего не говорил. От всего отопрусь.

Зимин подошел к нам пружинистым шагом. Материализовавшийся официант мгновенно принес чашку кофе и мороженое.

– Иногда мне кажется, что мое ухо прилипло к телефонной трубке, — пожаловался он. — Ни минуты покоя. Извините, Саша, дернул Вас сегодня, а разговора так и не получится. Мне нужно ехать. Но надеюсь, что обед был вкусным.

Я с трудом выдавил из себя слова благодарности. И снова посмотрел на пятно. Мне показалось, что теперь оно светилось кровавым светом.

От чувства неловкости спас телефонный звонок.

– Вы Саша? — в ухо ударил пронзительный неуверенный женский голос.

– Да.

– Извините, что я Вам звоню, но Майкл Романов сказал, что Вас интересует все, что случилось на конкурсе Stardust. Это так?

– Конечно! А Вы кто?

– Я Мила!

– Мила? — радостно воскликнул я, не веря своей удаче. — А я Вас ищу! Вы где сейчас? Нам надо встретиться!

Зимин и Денис переглянулись. На лице каждого мелькнуло странное выражение, которое я так и не смог расшифровать.

– Я тоже хочу с Вами встретиться! Сегодня, если можно... Где Вам удобно?

– Я сейчас еду на Русскую вечеринку в Евродом. Вы сможете туда подъехать? Может, встретимся при входе? Я проведу Вас... Только я не знаю, как Вы выглядите. Может, подскажете? Дайте какую-нибудь опознавательную деталь. Роза в волосах? Бриллиантовое кольцо?

Надо же, я еще пытался шутить. Но Миле, судя по всему, было не до шуток. Голос ее был тихим и печальным:

– Бриллиантового кольца у меня нет. И встречать меня не надо. Я сама Вас там найду — я знаю, как Вы выглядите.

И она повесила трубку.

– Обед был очень вкусным. Спасибо. Извините, мне тоже пора, — опасаясь возможных вопросов, я вскочил и бросился к выходу, не заботясь о правилах приличия.

Они не стали меня останавливать. Наверное, если бы я оглянулся, то увидел, как Зимин флегматично постукивает пальцами по столу, а по его руке расплзается багровый паук, так пугавший меня. Но я не стал оглядываться. И это было правильно.

Уходя, никогда не оглядывайся.

4. Я взял такси, забрался на заднее сиденье и включил плеер. Одна из самых сложных песен Дианы «Кафка», но меня она зацепила. Может, потому, что я сам себя чувствовал в искаженном мире действительности, как акробат на трапеции, который вот-вот сорвется вниз? Диана пела, я думал.

Один акробат на трапеции — как известно, это искусство, расцветающее под куполами огромных цирков, относится к разряду труднейших среди всех, доступных человеку, — вначале только в целях совершенствования, а позднее уже и в силу возникшей тиранической привычки организовал свою жизнь таким образом, что, попав на работу, в одном и том же цирке он день и ночь оставался на трапеции. День и ночь...

Внутренне я кипел от злости, хотя внешне этого и не показывал. Что ж это такое получается? Меня использовали как «мешок»? Развели как мальчишку? Немного утешало, что за это мне неплохо заплатили, и все же... Все же мне было очень обидно. С другой стороны, с чего Денису быть столь откровенным? Шоу-бизнес давно меня научил, что откровенность здесь — всегда результат либо большой глупости, либо большого ума. И чего в данном конкретном случае было больше, я пока не понимал. Что ж, придется в очередной раз воспользоваться звонком другу.

Слава ответила сразу же. Выслушала вопрос и раздраженно пробурчала:

— Я что тебе, информационное бюро, что ли?

— Обещаю, что больше звонить не буду, — поклялся я, скрестив пальцы. — Но только ты у нас знаешь все про всех и можешь поделиться закулисными сплетнями.

— Он меня еще и сплетницей обозвал, — пробурчала Слава. — Ладно, что там тебя интересует.

— Некто Денис, финансовый гуру. В каких отношениях он с Зиминим?

Она помолчала немного, соображая:

— Ну и вопросы у тебя, однако, — сказала она наконец. — Не устаешь удивлять. Ну что тебе сказать? История давняя, история темная. Ты же знаешь пословицу про то, что два медведя никогда не уживутся в одной берлоге. Берлога — это холдинг Разумовского. В роли мишек у нас, соответственно, выступают Зимин и Прогарин. У каждого свои сильные и слабые стороны. Фишка в том, что Разумовскому они нужны оба, но вместе эти два титана работать просто не в состоянии.

— Они не ладят?

— Чисто внешне они хорошие приятели, но, между нами, Прогарин терпеть не может Зимина. Впрочем, как и Зимин терпеть не может нашего

финансового гения. Насколько я помню, во время конкурса у них были большие трения, и Денис даже поставил ультиматум Разумовскому, что уйдет, если Зимин не оставит его в покое. Как-то ситуацию удалось разругать, но после конкурса Прогарин в офисе появляется редко.

— То есть теоретически у него есть основания насолить Зимину?

— Теоретически и практически, — подтвердила Слава. — Свалить Зимина мечтают многие. Ты не представляешь, в каком страхе он держит некоторых. Одно пятно чего стоит, я без ужаса не могу на него смотреть.

— Откуда оно у него?

— Это тайна, покрытая мраком, — хмыкнула Слава. — А вот другой секрет из жизни Зимина, похоже, известен многим. Ты знаешь, что он безнадежно был влюблен в Наташу?

— В Минор?

— У нас на эстраде только одна Наташа, остальные — суррогаты. Как и примадонна у нас тоже одна. Но Разумовский перехватил инициативу. Кстати, Наташка до сих пор Зимина побаивается. Говорит, что не решается оставаться с ним наедине. Ей всегда кажется, что он знает про нее что-то такое, неприличное.

— У нее свои скелеты в шкафу?

— А у кого их нет? — вопросом на вопрос ответила Слава. — Слушай, а что ты так Зиминим заинтересовался? Это, в конце концов, может быть опасно.

— Птичка на хвосте принесла, что он имеет отношение к одному небезызвестному сайту.

— А знаешь, может, — после длительной паузы сказала Слава. — Он приезжал к нам, мы тогда запускали глобальный Интернет-проект. Заехал он случайно — к боссу. Но увидел, что творит наш дизайнер, остановился, как вкопанный. Столько вопросов задал — ну просто рог изобилия. Что? Почему? Сколько времени нужно на раскрутку? Как работает реклама? Как ее проводить? Как часто нужно размещать информацию? И как сделать так, чтобы хостинг был не в России? В общем, Пашка еле отбил. Так что интерес к сайтам у господина Зимина имелся. Все, Нежданчик, поболтали и хватит. Мне пора.

Она резко повесила трубку.

Что ж, Прогарин мне в чем-то не соврал, пусть даже у него и был мотив свести счеты с Зиминим чужими руками. Допустим, для привлечения рекламодателей Зимин придумал такой сайт, дело пошло. Народ заинтересовался. И возник момент, когда Разумовский задался вопросом, а кто автор всего этого безобразия. Не будет же Зимин кричать на каждом углу, что это он все придумал. Как и любой автор, он трепетно относится к своему творению, и сказать, что сайт — мыльный пузырь... Нет уж! А как же тщеславие, амбиции, интерес?! Как отказаться от этого наркотика?! Вот он и нашел «мешок» в виде меня, отвлек Разумовского от главной цели и пустил вместе

со мной по ложному следу. Просто, как все гениальное. Даже конкурс трехгодовой давности сюда приплели для убедительности. Пять подозреваемых. Да это мечта любого детектива. И я, как гончая, несся по следу, увлекшись историей. Это Зимину и надо было.

Так что теперь? Вариантов два.

Первый — сайт придуман для привлечения интереса, и Зимин не убийца.

Второй — сайт создан для реального голосования, и Зимин убийца.

А если так, то мне надо брать ноги в руки и мчаться к Разумовскому. Вопрос, поверит ли он мне. Доказательств-то никаких, слова Прогарина — не в счет. Он от всего отопрется.

Между тем, конкурс стартует со дня на день. И если вторая догадка верна, то кто-то из артистов может погибнуть.

Черт, голова пухнет от этих мыслей. Вот-вот лопнет.

Лопнуть она не успела, мы приехали.

Русская вечеринка была в самом разгаре.

5. Собственно, смысл любой такой вечеринки заключается в том, чтобы поддержать своего артиста. Гости, группа поддержки приходят не то чтобы поесть и попить на халяву, но выразить свое восхищение: «Вася! (Петя! Ваня! — неважно) Ты лучший, и ты обязательно победишь!» В последнее виновник торжества верит не всегда, но, согласитесь, приятно слушать добрые слова в свой адрес, пусть они и развесистая клюква в сахаре лести.

Я вошел в зал в тот момент, когда на сцене выступала Ася Мамотько, конкурсантка от России. Ее низкий звучный голос плыл со сцены. Публика аплодировала стоя: на мой взгляд, кавер-версия на легендарную песню «Группа крови» Виктора Цоя, которую Ася посвятила автору, была намного интереснее и красивее ее конкурсной песни. И, похоже, многие артисты придерживались моей точки зрения.

У столов, заполненных традиционно русскими блюдами: блинами, солеными грибами, огурчиками и прочими вкусностями — толпились звезды разной величины. Все слаженно жевали и запивали это изобилие водкой, коньяком и вином. Напитков, как и еды, было множество. Собственно, а что вы хотели? Русский народ всегда славился своим гостеприимством и хлебосольством.

Я быстро наполнил свою тарелку и оглянулся: интересно, как выглядит Мила? В этой праздничной суете и полумраке было так много знакомых и незнакомых лиц, что я даже слегка потерялся.

Небольшой ажиотаж на входе подсказал, что прибыла прима французской эстрады — сама Мадмуазель. Она появилась в «Евродоме» в черном элегантном платье с открытой спиной. Воплощение изысканности и европейского шика. Я уже знал, что она — один из главных претендентов на победу. И одна из трех номинантов на смерть в прямом эфире.

Мадмуазель была изумительно хороша, несколько холодна и выглядела

немного усталой. Остановившись недалеко от сцены, она прислушалась, слегка наклонив голову. По выражению ее лица было совершенно нельзя понять, нравится ей пение русской конкурсантки или нет.

Ася закончила петь и, спустившись со сцены, нерешительно подошла к французской диве. Разговор занял от силы несколько минут. Со стороны это было похоже на милую дамскую беседу ни о чем, но мне показалось, что это две соперницы, столкнувшись лицом к лицу, оценивают свои шансы на победу.

Вежливо улыбнувшись, они разошлись. Асю мгновенно перехватили телевизионщики. Я невольно подошел поближе. Пару дней назад Ася давала пресс-конференцию, но ее манера отвечать на вопросы не произвела на меня особого впечатления: сухо, стандартно, неинтересно. Но, может быть, она сейчас меня чем-нибудь поразит?

— Я считаю, что Мадмуазель — настоящая жемчужина «EUROsong», — А еще мне очень понравился мальчик Саша Спуш. Он где-то здесь. Саша, где ты, ау! Хороший, открытый, добрый. Пока это все, с кем удалось нормально пообщаться, врать не буду. Остальное мое время уходит на работу, на репетиции, на постановки.

— Как Вы можете прокомментировать слова, что Вам просто купили победу на отборочном туре?

Красивые брови сошлись на переносице. Похоже, этим вопросом Асю изрядно достали.

— Я не следила за слухами, которые появились в связи с моей победой в отборочном туре. Все близкие, знакомые, коллеги по работе старались, чтобы до меня не доходила подобная информация. Сама я никогда не пыталась ее найти. Я не мазохист, чтобы читать про себя гадости. Мне это неинтересно. Хорошие новости мне приходит и рассказывает мама, а плохие... Негатива надо избегать, дольше жить будешь.

— Кого Вы считаете достойным соперником?

— Все равны. У каждой делегации свой национальный колорит, своя «изюминка». Сравнивать и выделять не стоит.

Тем временем на сцене одна за другой менялись группы: «Ис», «Ино-Янь», «Матро», «Эндэрос».

Я посмотрел на опустевшую тарелку (и когда только успел все слопать?). И чего я такой голодный после Макдональдса и ресторана? А? Не иначе, как нервы разыгрались!

Сколько ж здесь звезд! С ума сойти!

Я кивнул Яне Рудовской, улыбнулся Диме Вилану, осторожно обошел Анжелику Бурбаш, стараясь не наступить на подол золотого платья. Несколько минут мы мило поболтали с Аей из группы «Город 321», затем я, ловко лавируя между группами людей, подошел поздороваться с Анитой КуклоЦойко. Мне она очень нравится. И своими песнями, и подходом к жизни. Помню, Анита меня очень подкупила в одном интервью, когда сказала, что на свете

есть только две вещи, которые она не может себе позволить: перестать петь и поменять разрез глаз. В остальном для нее нет ничего невозможного.

И это действительно так. Она смогла открыть свой бизнес, выпустить альбом, полетать на сцене, четыре года добиваться желаемых параметров фигуры и даже принять роды у овец. И альбомы у нее хорошие. Однако на этой вечеринке я не ожидал ее встретить:

— Рад тебя видеть...

— Я тоже, — она кивнула в сторону Аси. — Мне очень понравилась ее версия песни Цоя. Она не подражает, она делает что-то свое. Жаль только, что на этом конкурсе такая манера не востребована. И песни такие не подойдут. Ну, что поделать? Формат есть формат. Знаешь, одну из своих первых песен — «Полет» — я посвятила Виктору Цою, потому что я действительно всегда очень любила его музыку. Я даже записала ее в «цоевской» манере и вначале пела, пытаюсь подражать его голосу. А потом нашла свое звучание. Вот и Асе это удалось.

— И все же у нас нет шансов, — флегматично отметил я. — Лично я ставлю на Сашу Рудака.

— Он всех обаял, — кивнула Анита. — Но и ты пользуешься популярностью.

— Почему?

— Вон та барышня с тебя глаз не сводит, — рассмеялась Анита. — Знакомая или поклонница?

Я обернулся. Недалеко от нас стояла молодая девушка в мешковатом черном платье. И она действительно не сводила с меня испуганных глаз. В руках женщины был бокал с вином, из которого она нервно пила, словно это было не вино, а сок. Прикончив один, она тут же схватила другой с подноса официанта. Я интуитивно понял, что это и есть Мила.

— Извини, мне нужно с ней поговорить, — я наспех попрощался с Анитой и бросился к Миле, опасаясь, что она исчезнет.

— Это ведь Вы?

Она кивнула.

— Я уже отчаялась Вас найти... Мне нужно Вам сказать кое-что очень важное. Это касается Ксении.

— Вы знаете, кто ее убил?

Она побелела.

— Знаю. Я все видела. Он убил ее при мне. Просто зарезал, как свинью. Сначала он с ней спал. А потом, когда она узнала про все его махинации, убил.

— Какие махинации?

Я скорее понял по движению губ, чем услышал:

— С деньгами. Он крал их у Разумовского. Он хотел его разорить.

— А Ксения здесь причем? — голова у меня пошла кругом, хоть я был трезв, как стеклышко, а вот Мила, похоже, изрядно набралась.

— Она рылась в документах... А потом стала шантажировать: если ей

не сделают первого места на конкурсе, она все расскажет Разумовскому. И тогда он убил.

— Да кто он? — я потерял терпение.

— У него еще на руке... Он...

Зрочки Милы расширились от ужаса, она неловко взмахнула бокалом, едва не облив меня вином. Алые капли выплеснулись кровавой россыпью на пол. Она явно указывала на кого-то за моей спиной.

— Он!

Я обернулся. Напротив нас стоял Зимин и улыбался.

Я застыл.

— Женщине плохо!

Музыка внезапно стихла. Меня толкнули, тесня в сторону...

Сквозь внезапно образовавшуюся толпу я увидел, что Мила, скорчившись, лежит на полу, и изо рта у нее идет пена...

ПАУТИНА

...«Однако около полуночи праздничное настроение гостей омрачил неприятный инцидент. Одна из девушек, присутствовавших в зале, неожиданно потеряла сознание. Организаторы мероприятия вызвали «скорую». Прибывшие врачи оказали больной первую помощь и вывели на улицу. Госпитализировать пострадавшую не стали. Как выяснилось, у юной особы неожиданно поднялось давление... В финале вечера гостей ждал большой торт, изготовленный в форме спорткомплекса «Олимпийский».

Пить меньше надо, тогда все получится! Демиург весело салютовал своему отражению. Вот он пить перестал, и у него все получилось, и даже лучше, чем он задумал. Пожалуй, зря он недооценивал элемент импровизации и случая. Случай — великий маэстро.

Всего-то и надо было, что подсыпать клофелина в вино. Она, дрянь, и так на ногах едва держалась. Демиург наблюдал за ней незаметно весь вечер, а затем в кульминационный момент просто показался... Эффект не заставил себя ждать. Как она испугалась! Остальное сделал клофелин. Он прекрасно рассчитал и действия организаторов вечеринки: лишнего шума никто поднимать не стал. Конечно, этот журналист рвался сопровождать девицу в больницу, да кто ж бы ему позволил?!

Конечно, Демиурга немного беспокоило, что все-таки эта шантажистка успела сказать Нежданову, неужели что-то важное? Но потом он успокоился, взял себя в руки: скорее всего, ничего. Склонная к мелодраматическим эффектам, Мила наверняка напустила в разговоре тумана, и Нежданов теперь мучается, пытается разгадать эту шараду. Пусть мучается. Времени на разгадки уже не осталось.

Час X наступил.

Сегодня начнется конкурс. Время его триумфа и возмездия. Сегодня он наконец-то возьмет реванш за все годы забвения и унижения. Сегодня он будет убивать...

Час X наступил.

Демиург, нетерпеливо пританцовывая, наклонился над ноутбуком и открыл сайт. Свое любимое детище, свое лучшее творение!

Испытывая жгучее нетерпение, он все же в первые секунды прикрыл глаза. Кто? Кого они выбрали?

Вдох-выдох, вдох-выдох, пока дыхание и пульс не стали ровными. И только тогда он позволил себе эту долгожданную радость: ознакомиться с тройкой лидеров.

Первое место...

Второе место...

Третье место...

Но что это?

Уникальный случай: все трое набрали одинаковое число голосов, значит, все решится уже в «Олимпийском».

Итак, на его персональный приз есть три претендента. И все достойны умереть в прямом эфире. Две женщины и один мужчина.

Мадмуазель (Франция).

Александр Рудак (Норвегия).

Светлана Лебеда (Украина).

А неплохо замутить перед отъездом небольшой международный скандалчик, чтобы вся Европа вздрогнула и очнулась в холодном поту, а?

Он рассмеялся и подмигнул себе же. Мелькнула мысль, что он все-таки сошел с ума, но Демиург отогнал эту мысль, словно назойливую муху. Сумасшедшим такие мысли в голову не приходят. Сумасшедшие уверены, что они нормальны. Вот он, Демиург, нормален. И вскоре все об этом узнают.

Три претендента.

Три способа убийства.

На столе лежали веревка, нож и яд. Прекрасный набор.

Впрочем, у него еще был бонус-трек. Он любовно погладил длинный футляр. Когда все кончится, я займусь тобой, любимая.

И ты будешь петь для меня. Он щелкнул мышкой, и по комнате поплыл дивный голос Наташи Минор.

Когда все закончится, я займусь тобой, любимая...

Час X наступил.

МОСКВА

1. За несколько часов до начала конкурса в «Олимпийском» царил настоящее безумие. Как только я вошел, миновав кордоны охраны, то мгновенно окунулся в эту нервную, но удивительно праздничную атмосферу.

В пресс-центре яблоку было негде упасть, журналисты отчаянно барабанили по клавишам, словно писали свой главный материал в жизни. Однако у многих, как я заметил, был открыт сайт Killingstars.ru. Коллеги делали свои прогнозы. Я присел за свободный компьютер и, не в силах сдержать любопытство, открыл знакомую страницу. Интересный расклад получается: образовалась тройка лидеров. Мне стало любопытно, а в курсе ли этих новостей пресс-службы, скажем, той же Мадмуазель или Светланы Лебеды. Последняя как артистка меня очень интересовала: я видел ее номер во время репетиции, и он произвел на меня неизгладимое впечатление: все тот же фрик, только, в отличие от тех же финнов, в этом фрике было много эротики и сексуальной провокации. И меня очень интересовал вопрос: насколько Европа окажется готова к такой трактовке антикризисной песни. Дикие танцы в свое время ей очень понравились.

И я пошел искать на свою голову приключений.

Приключения, впрочем, нашли меня сами. В виде Минор.

— Выступление Мадмуазель под угрозой, — сообщила она, встретив меня в коридоре. — Французская сторона обвиняет организаторов в том, что они не обеспечили должную безопасность... Греческая и эстонская стороны обижены, что не оказались в претендентах на убийство, англичане забаррикадировались в гримерке. Такое ощущение, что всех волнует не сам конкурс, не выступление, а эти дурацкие угрозы.

— А кто занимается вопросами безопасности? — словно невзначай спросил я.

Наташа пожала плечами:

— Зимин, разумеется, больше некому. Андрей ему доверяет.

Я побледнел, и это не ускользнуло от Наташи.

— По-моему, ты что-то не договариваешь, — сказала она, вглядываясь в мое лицо. — Хотелось бы узнать, что именно...

— Фишка в том, что у меня нет никаких доказательств, — ответил я. — А домыслы — они всего лишь домыслы. Твой муж верит только фактам.

— Сейчас он поверит и домыслам, — не согласилась Наташа. — Тем более если домыслы имеют под собой хоть какое-то основание. Я понимаю, что ты боишься. Если честно, я сама боюсь Зимина. Давай сделаем так: я найду Андрея, и мы поговорим втроем. Обещаю, Зимин ничего не узнает.

Что мне еще оставалось? Я согласился. Наташа бросилась на поиски мужа, а я пошел искать Светлану Лебеду. Конечно, вряд ли она мне даст интервью перед началом шоу, но кто знает... Может, и повезет.

2. Если французская делегация находилась в панике, то украинская пребывала в эйфории. Вместе со Светланой они разглядывали сайт и комментировали результаты голосования. Я незаметно присоседился.

— Интересно, а как он собирается это сделать? — задумчиво спросила Светлана, наматывая на палец длинную прядь. — Может, прямо на сцене?

— Скорее всего, во время голосования, — ответил кто-то. — Не волнуйся. Мы с тебя глаз не спустим.

— А кто волнуется? — невозмутимо ответила Светлана. — Я просто думаю, какую выгоду можно извлечь из этой ситуации.

— Французы финансовой компенсации требуют...

Лебеда поморщилась:

— Ерунда какая-то! Зачем отношения портить? Это ж отличный пиар-ход! Готовьте материалы прямо сейчас. Покушение во время конкурса!

— А если не будет покушения?

— Сделаем вид, что было! — дива была непреклонна. — А вообще, даже мысль об этом возбуждает... Пусть только подойдет ко мне, мало ему не покажется...

— Задушишь в объятиях?

— А хоть бы и так! — она рубанула воздух рукой. — Я столько в этот конкурс вложила, что не могу теперь по углам отсиживаться. Я должна победить! Любой ценой!

Тут она заметила меня.

— Нежданов, ты, что ли? Сто лет не виделись!

— Приятно, что ты меня помнишь, — я был польщен, последнюю съемку Светы я делал год назад.

— Ты один такой, тебя не забудешь, — рассмеялась она своим фирменным — хрипловатым — смехом. — Представляешь, меня убить хотят!

— Я в курсе!

— Как ты думаешь, эта информация может увеличить мои шансы на победу? Что в пресс-центре говорят? Песня нравится?

— Ее поют!

Она порозовела от удовольствия:

— Отлично! Если поют, то у нас есть шанс! Представляешь, я же квартиру продала, чтобы на конкурс попасть! Приезжаю, а тут такие страшилки! Не на ту напали! Спасибо, Нежданов, порадовал. Значит, надо выжать из этой ситуации максимум. Все, ребята, не расслабляемся! Работаем!

Она хлопнула в ладоши, и вся ее команда принялась за дело. Я впервые видел такую слаженность и организованность. Я сделал несколько удачных снимков и ретировался.

Последние часы перед началом конкурса самые тяжелые: и для артистов, и для журналистов. Первые напряжены до предела, вторые, напротив, суетны и любопытны.

В прошлые годы мои передвижения до и во время конкурса были весьма

ограничены. Мне даже не удавалось попасть в святая святых — в гринрум, где артисты отдыхали после выступления. Однако в этот раз, благодаря протекции Разумовского, я смог беспрепятственно попасть за кулисы. Чисто инстинктивно я понял, что если не мешать рабочим, то никто гнать меня не будет. Здесь все настолько были заняты своим делом, что на окружающих просто не обращали внимания. У самой сцены проверяли сложную конструкцию из разных тросов, на которой Дима Вилан должен был появиться из-за кулис. Я подошел ближе, пытаюсь понять, как эта штука работает... Штука, похоже, работать не хотела.

— Черт бы побрал этих начальников, гоняют то туда, то сюда, руководят, а потом вся техника из строя выходит, — бормотал самый старший из них, ковыряясь в механизме. — А кто виноват потом будет? Мы же и будем виноваты, с начальства какой спрос? На то оно и начальство!

— А кто гонял-то? — я понял, что мужику хочется излить душу, и поэтому решил выступить в роли доморощенного психотерапевта.

В ответ короткий взгляд, но, видимо, все же накопело.

— Ходил тут один. В костюме. Командовал. А потом послал нас на другой конец комплекса, мы и сами не поняли, зачем. Пришли — а механизм не работает. Утром работал, а сейчас нет. А ну как человек разобьется? Что тогда? Такой грех на душу взять... Ты, парень, иди, не мешай, тут работы еще часа на два...

— Последний вопрос. Как этот начальник выглядел?

— Выглядел как начальник. Костюм, мобильник... А, пятно у него еще на руке было... Жуткое такое... Как паук...

3. Больше всего в эти мгновения я боялся встретить Зимина, поэтому когда кто-то коснулся моего плеча, я вздрогнул. К счастью, это оказался Прогарин.

— Вы бледны, Саша... Плохо себя чувствуете?

— Душно, — неопределенно отозвался я. Мне и правда было душно. — Денис, а Вы случайно не видели Зимина?

— Случайно видел, — отозвался Прогарин. — Они французскую диву изволят утешать. Ей то ли пятым номером выступать, то ли шестым... Вот все и волнуются... А что Вас так пребывание господина Зимина вдруг заинтересовало?

— Просто...

Он внимательно посмотрел на меня:

— Вы не умеете врать, Саша. Вы поверили мне, и правильно, что поверили. Но, видимо, в своих размышлениях вы предположили, что сайт — это не просто приманка для рекламодателя. Вы решили, что Зимин действительно безумен.

— Я неправ?

— Мысль о безумии Петра меня посещала уже давно, — грустно ответил

Прогарин. — Мы с ним знакомы не первый год. Вы, наверное, наслышаны, что у нас с Зиминим не раз случались конфликты. И на то были свои причины. Я видел этого человека в разных ситуациях. Но, наверное, очевидным все для меня стало за день до убийства Ксении, я видел, как он ее избивал... Человек, способный на такую жестокость, способен и на убийство.

— Похоже, Вы не сомневаетесь, что это он ее убил?

— Я это знаю, — просто ответил он.

— Откуда?

— Я разговаривал с Милой. Она все видела. Только не спрашивайте, почему мы не обратились в милицию... Думаю, Вы все сами понимаете. Такие истории не то чтобы забываются — из таких историй исчезают главные герои, и история сама собой разваливается на мелкие, полустертые подробности. Расследование Ксению не вернуло бы, зато Миле мое молчание дало возможность исчезнуть... Пусть и в ущерб музыкальной карьере, но, знаете, жизнь дороже, чем карьера. Она очень боится Зимина.

— Почему она решилась нарушить молчание? — я невольно вспомнил скорчившееся тело Милы. Я знал, что она до сих пор не пришла в себя. И прогнозы врачей были весьма неутешительными.

— От страха тоже можно устать. Знаю это по собственному опыту. Думаю, Мила просто устала бояться, устала жить не своей жизнью. Вот и попыталась нарушить молчание, правда, насколько я знаю, весьма неудачно. Зимин и здесь преуспел.

— Вы думаете, он действительно попытается сегодня кого-нибудь убить?

— Я уверен в этом. Сложность в том, что мы не знаем, кого именно. Кандидатов неожиданно для всех оказалось трое. Роковое стечение обстоятельств, не правда ли?

— И что теперь делать?

— Единственный человек, кто может его остановить, Разумовский. Но мне он не поверит. Он знает, что я предубежден по отношению к Петру Григорьевичу. А Вам он доверяет. Вам он поверит.

— У меня нет никаких доказательств.

— Если Разумовскому удастся, скажем так, ограничить действия Зимина, и убийства не произойдет, это и будет главным доказательством ваших слов. Вам всего-то и надо убедить Андрея Константиновича: взять Зимина под своеобразный домашний арест. Думаю, что охрана может ограничить его передвижения по спорткомплексу. Сможете убедить?

— Попробую.

— Желаю удачи! — он пожал мне руку, и что-то в этом рукопожатии показалось мне неестественным... В первую минуту я даже не понял, что именно... И только, когда наши ладони разъединились, осознал, что у Прогарина почти нет правого мизинца. Я понял, почему он так странно ел в ресторане. Видимо, стеснялся этого недостатка.

Он заметил мое удивление и смущенно спрятал руку за спину...

— Несчастный случай, — пробормотал он.

— Извините, — непонятно зачем извинился я и тут же заторопился: — Мне пора, нужно найти Разумовского.

— Идите, Саша, идите... Мне тоже кое с кем нужно встретиться...

4. — Где ты бродишь? — прошипела Наташа. — Через час все начнется. Андрей с ума сходит. Я сказала, что нам нужно с ним поговорить наедине, а ты куда-то исчез. На телефонные звонки не отвечаешь.

Я рефлексивно посмотрел на свой мобильный. Пять непринятых вызовов. Два из них от Зимина. Видимо, за сценой связь плохо берет.

— Идем же!

Разумовский боссы Первого канала выглядели не лучшим образом:

— Да что ж за день-то такой! — метался Андрей Константинович. — теперь еще и Корольков из состава жюри вышел. Дескать, в конкурсе участие принимают его друзья, и он может быть необъективен. А раньше он где был? Чем думал? Дурдом!

— Мадмуазель выступать будет? — спросил я.

— Куда она денется? Пришлось пообещать, что возле сцены и за сценой будет стоять подразделение КГБ.

— У нас же нет КГБ, — удивился я.

Разумовский раздраженно хмыкнул:

— У нас нет, а они помнят, что оно есть. Главное, что она успокоилась. Что за день, поскорей бы его пережить!

— Есть еще проблемы, — честно признался я. — Но мне о своих подозрениях хотелось бы сказать без свидетелей.

— А Наташа? — вскинулся Разумовский, словно я сказал самую крамольную вещь из всех существующих.

— При Наташе, разумеется...

Найти уединенное место за сорок минут до начала конкурса «EUROsong» — идея бессмысленная. Даже не старайтесь повторить наш подвиг. Но мы такое место все-таки нашли. На служебной лестнице, между первым и вторым этажом.

— Ты все-таки его вычислил, — сказал Разумовский, чуть запыхавшись. Видимо, беготня по лестницам и одновременное решение всех вопросов его порядком доконали. — И кто это? Не томи!

Я хотел ответить, но нас прервал звонок. Разумовский выслушал молча, повесил трубку и посмотрел на меня:

— Можешь, не отвечать. Я знаю, кто это... Я так не хотел в это верить... Хотя были кое-какие подозрения. И еще письмо это дурацкое сегодня утром.

— Какое письмо?

— Анонимное. Черт, что теперь делать-то?

Меня мучили сотни вопросов, но я не решался их задать.

Разумовский как-то разом постарел. Наташа нежно коснулась руки мужа.

– Значит, я была права, да?

– Ты всегда права.

– Надо его на время конкурса как-то изолировать, а все остальные проблемы решать уже после.

Разумовский едва нашел силы, чтобы кивнуть в ответ. Обратно мы шли молча, у входа в служебный кабинет Андрей Константинович немного задержался, отдавая распоряжения охране. Затем позвонил Зимину:

– Петр Григорьевич, подойди к нам на минутку. Есть вопросы.

Наверное, это были самые томительные минуты в моей жизни, когда нервы были натянуты так, что, казалось, прикоснись к ним — лопнут.

Зимин влетел в кабинет:

– Андрей! Я его вычислил!

– Я тоже, — спокойно ответил Разумовский, и в этот момент на Зимине защелкнулись наручники.

Тот ошарашено посмотрел на свои скованные руки.

– Ты что? С ума сошел?

– Это ты с ума сошел, Петя, раз придумал такое! — грустно и устало ответил Разумовский. — Разбираться во всем мы будем после. Главное, сейчас провести конкурс. Все остальное потом. На все время «EUROsong» ты останешься здесь. Так всем будет спокойнее.

– Ты не представляешь, как ошибаешься! — Зимин побагровел и теперь зло пытался освободиться от наручников. — Кто тебе наплел эту ерунду?

– Ты думаешь, я сам не способен принять решение? Именно на это ты рассчитывал? А ведь я считал тебя своим другом. К счастью, у меня есть спецслужба!

– Имел я твою спецслужбу! Ты — идиот! — заорал Зимин. — Ты взял не того! Пораскинь своими куриными мозгами, Разумовский! Кому все это выгодно?

– Тебе! — заорал Разумовский в ответ. — Это выгодно тебе!

– Ты все-таки дурак! — бесновался Зимин. Выглядел он страшно и одновременно жалко. — Хоть один умный человек здесь есть? Пораскиньте мозгами, дебилы! Если вы хорошо подумаете, то поймете, кто за всем этим стоит.

Сцена была настолько омерзительной, что я отвернулся и вышел.

В коридоре мы столкнулись с Наташей, у которой в этот момент зазвонил мобильный.

– Ты в зал? — спросила она меня, одновременно нажимая на кнопки. — Иди, я тебя догоню... Алло? Слушаю вас... А, это ты...

Если бы я только знал, что случится вскоре...

5. Я протиснулся к сцене. Зал неистовствовал, предвкушая яркое и незабываемое шоу. Я в который раз порадовался за правильный выбор стадиона. Зал в «Олимпийском» стал самой большой концертной площадкой за всю историю конкурса. Ее общая площадь составила 10 тысяч квадратных метров. Из них общий метраж сцены — 1500 квадратных метров, а основная площадка — 300 квадратных метров. Стадион с легкостью вместил 25000 человек. И одним из зрителей был я.

Шоу открылось мини-спектаклем цирковых артистов, исполнявших различные трюки, в том числе и жонглирование факелами, на фоне смеющихся изображений городов стран-участниц конкурса.

Я внимательно смотрел на сцену, пытаясь украдкой сделать несколько кадров. Из головы не шли слова Зимина: **«Если вы хорошо подумаете, то поймете, кто за всем этим стоит».**

Я так задумался, что едва не пропустил самое главное: на сцену на лонже вылетел Вилан в образе странника. Пролетая над залом, он исполнил свою триумфальную песню прошлого года. Я затаил дыхание, настолько номер был зрелищным и опасным. И вместе со мной затаили дыхание тысячи людей: один из страховочных тросов лопнул. К чести Димы, его голос даже не дрогнул. Он допел песню, пока его медленно и осторожно опускали на сцену.

Оказавшись рядом с акробатами, Дима как ни в чем ни бывало продолжил шоу: под бурные аплодисменты он разбил несколько «кирпичных» стен, символизирующих трудности восхождения артиста на вершину «EUROsong», вершину, которую он штурмовал дважды.

Появились ведущие: певица Ирис и шоу-мен Иван Зургант. Они умело отвлекли внимание от Димы, которого работники сцены освобождали от страховочных тросов. Я понял, что еще минут пять-десять они будут виртуозно заполнять паузы, и помчался за сцену.

За сценой творилось что-то невообразимое. Яна Рудовская была бледна. Рядом с ней стоял Разумовский и руководители Первого канала.

– Вы видели? Видели? — вопрошала Яна. — Он только начал петь, а эта штуковина возьми и лопни! Он же мог разбиться!

– Мы проведем расследование, — сказал Константин Вернст. — Виновные будут наказаны.

Вспомнился давешний мужичок-рабочий, и мне его стало жаль. Похоже, головы действительно полетят.

Как только появился Дима, все бросились к нему.

– Слава богу, живой!

Дима натянуто улыбнулся:

– Ничего себе экстрим! В какое-то мгновение я подумал, что рухну прямо в зал. Хорошо, что обошлось.

Несколько минут Разумовский изучал злополучную лонжу.

– Подпилена!

Воцарилось молчание.

— Ты уверен, что решил нашу общую проблему? — спросил Константин Вернст Разумовского.

— Проблема сидит в наручниках в одном из служебных помещений, — нервно ответил Разумовский. — Мы провели свое расследование. Допросили свидетелей — четверых с пристрастием.

Я вдруг понял, кто эти четыре свидетеля, и мне стало не по себе. Похоже, я недооценил Андрея Константиновича.

— Что ж, пойдем пообщаемся с нашей проблемой, — сказал Константин Вернст.

На сцене печально и пронзительно пела Мадмуазель. Словно оплакивала кого-то.

И тут я все понял.

ПАУТИНА

Они прошли мимо него, так и не заметив. Глупые люди! Убедившись, что Разумовский вместе с остальными скрылся из поля зрения, Демиург поплотнее прикрыл дверь в гримерку. По телевизору шел конкурс в прямом эфире. Печально и пронзительно пела Мадмуазель. Словно оплакивала кого-то. Увы, сегодня ему не придется ее убивать. Цифры в его ноутбуке снова ожили. Француженка осталась позади. Зрителям не понравилась ее песня, они хотели драйва и теперь делали ставку на Светлану Лебеду. Что ж, может, Украине действительно сегодня повезет. Кто знает... До голосования оставался всего лишь час. И этот час следовало провести с пользой и радостью для себя.

Демиург достал бархатный футляр. Любовно провел рукой по бархатистой поверхности. Открыл, обнажив серебряный скальпель.

— Для тебя, любимая, только самое лучшее.

Наташа дернулась, пытаясь закричать, но ее рот был прочно заклеен лентой.

Ее никто не слышал.

МОСКВА

— Андрей Константинович, послушайте меня! — я обратился к Разумовскому в двадцатый раз, и в двадцатый раз он от меня отмахнулся. Дескать, потом, все потом...

У меня же было ощущение, что еще немного — и произойдет что-то непоправимое.

Пока мы дошли до служебного помещения, где сидел Зимин, уже

выступили Франция, Азербайджан, Эстония и Россия. Огромные экраны отражали происходящее на сцене, и мы исподтишка бросали на него любопытные взгляды. Возможно, этот небольшой отрезок времени мы бы преодолели намного быстрее, но кого-то из нашей разношерстной компании постоянно останавливали вопросами. И вместе с ним останавливались остальные — терпеливо ждали.

За время нашего отсутствия Зимин договорился с охраной о том, что-бы ему тоже включили прямую трансляцию. И теперь сидел перед большим ноутбуком, лениво потягивая сок через соломинку. стакан он держал в скованных руках. Он был взбешен: на скулах играли желваки, губы подергивались.

— О! Какие люди! И все ко мне? — спросил он зло.

На сцене заканчивала выступление Дания. Далее по списку шли Германия, Албания, Турция. К выступлению готовилась и Норвегия в лице обаятельного Саши Рудака. Конкурс жил своей собственной жизнью, и до наших заморочек ему не было никакого дела.

Ведущие сделали профессиональную подводку к скандальному немецкому номеру. Зал от души посмеялся. Пошла заставка. Зазвучали первые аккорды. Рядом с немецкими исполнителями начала извиваться скандально-порочная дива, бывшая жена Мэрелина Мэнсона. Под громкий припев «kiss-kiss» она сбросила с себя платье и осталась в корсете и чулках.

— Сильная дамочка, — философски сказал Зимин. Он мужественно заполнял паузу, пока остальные надрывно молчали. — Представляете, она своего кошмарного муженька заставляла смывать грим перед сексом. Дескать, не может ложиться в постель с такой образиной. И ведь смывал. Куда деваться? Секса с ней хотелось! Хотя по мне она очень костлява.

— Ты нам, Петр Григорьевич, зубы не заговаривай, — генеральный директор Первого канала был в ярости. — Мы сюда не дамские прелести пришли обсуждать. Лучше скажи, зачем ты все это устроил?

Зимин грустно посмотрел на него:

— Вы так и не догадались? Подсказать? Пошевелите извилинами! Ответ на поверхности лежит.

Германия закончила выступление, ей на смену вышла Турция.

— Летом под эту песню будет танцевать вся Европа, — зачем-то сказал Разумовский. — Наташе нравится эта исполнительница. Кстати, никто Минор не видел? Звоню, а трубка не отвечает. Может, она в зале, конечно, не слышит.

Зимин в волнении подался вперед.

— Трубка не отвечает? Ты когда ее в последний раз видел?

— Час назад! А что? — недоуменно спросил Разумовский.

Зимин застонал, пытаясь освободиться от наручников.

— Да то, то самое! Неужели ты не понимаешь, что именно Наташе грозит опасность? Он же не оставит ее в покое! Он всегда хотел ее получить! С того

самого момента, как ты на Наташку глаз положил.

— Да кто он?! — вопрос повис в воздухе, и тут в моей голове что-то щелкнуло.

— Андрей Константинович, — как-то неестественно тихо сказал я, а Зимин уставился на меня в надежде. — Вы сказали, что сегодня получили анонимное письмо. А что в нем было?

Он нахмурился, припоминая.

— Дурацкое какое-то письмо. Песня. Кажется, ее когда-то написала Ксения. Была такая исполнительница на конкурсе Stardust, ну ты знаешь, она погибла... Я песню слушать даже не стал. Не до этого. Мне хватило темы, чтобы понять, кто за всем этим стоит.

— И какая тема? — хрипло уточнил я.

— У того, кого ты ищешь, на руке проблемы.

Мы все уставились на пятно на руке Зимина, а он впервые не смутился под пристальными взглядами. Откинувшись на спинку кресла, он, глядя в глаза Разумовскому, процитировал:

— У того, кого ты ищешь,

На руке проблемы.

Было пальцев раньше пять,

А теперь четыре.

— **Это Прогарин**, — сказал я, и Зимин благодарно и с уважением посмотрел на меня. — Я хотел Вам сказать еще тогда, на лестнице, но Вам позвонили. А в коридоре Вы уже не хотели меня слушать.

— С чего Вы это взяли?

— Я сегодня встретил его за кулисами, и он снова стал настойчиво убеждать меня, что за всем стоит Зимин. В ресторане он делал то же самое. Когда Вас навязчиво убеждают в чем-либо, есть повод засомневаться в искренности слов. И потом, он соврал, что мы с ним незнакомы. А мы встречались в Австралии. Нас Костик знакомил. Я только сегодня вспомнил этот разговор: я тогда в шутку сказал, а хорошо бы сделать сайт, посвященный конкурсу, и мы стали размышлять, каким бы этот сайт стал. То есть он мне соврал несколько раз, понимаете? Я днем позвонил Майклу Романову и задал ему несколько вопросов о Прогарине, и он подтвердил мои подозрения. Андрей Константинович, мне неловко говорить, но Вы ошиблись! Очень сильно ошиблись.

— Извини, Петр Григорьевич, — на Разумовского было жаль смотреть. — Я действительно ошибся. Наташа тоже принесет тебе извинения, когда появится.

— Господи! — синхронно сказали мы с Зиминым. — Наташа!

— Андрей,ними с меня наручники! Немедленно! Надо найти Наташу.

Наручники мы снять не успели.

Распахнулась дверь и кто-то крикнул:

— Светлана Лебеда пропала!

ПАУТИНА

Как они доверчивы, эти женщины! Они мнят себя умными и сильными, но, столкнувшись с истинной силой, становятся слабыми и жалкими. Вот он поманил Светлану, и она пришла. Как была — в концертном платье. Обманула охрану, выскользнула из грин-рум за несколько минут до своего выступления. Как? Уму непостижимо! Но она это сделала! А все из женского любопытства. Не устояла перед соблазном. Но правильно говорят — любопытство кошку сгубило!

Прогарин решил не ждать окончания конкурса. Зачем? Зрители сделали свой выбор, теперь остается исполнить их волю. Теперь он смотрел на двух своих прекрасных пленниц и не знал, с кого начать. Возбуждение было так велико, что он боялся сорваться. Нет смысла ждать общего голосования, возможно, он может и не успеть. Они наступают ему на пятки. Они готовы испортить самое лучшее шоу в его жизни. Как всегда портили.

Денис Прогарин всегда мечтал петь. Он мечтал о славе Элвиса Пресли, Джо Дассена и Майкла Джексона вместе взятых. Ему хотелось быть сексуальным, богатым и всемирно известным. Ну, и что, что внешность подкачала? Ранние залысины, невыразительные черты лица, зато он пел, и пел прекрасно.

Он помнил тот странный месяц... Душный июль в провинциальном городишке, где у него не было перспектив с момента рождения. Объявление о кастинге на конкурс в Москве. Билет, купленный на последние деньги. Душный воздух маленького городка, который он покидал навсегда. Грязный вагон... Место у сортира. Москва. Площадь трех вокзалов. Чтобы заглушить запах дороги, он вылил на себя дешевый одеколон. И принимал гордый вид, когда пассажиры в метро зажимали носы рядом с ним. Удивительно, он довольно легко прошел отборочный тур и в ожидании полуфинала неделю жил на вокзале. Но ему было все равно: ради поставленной цели Денис был готов на все.

Но оказалось, что его выбрали для роли шута. Весь зал смеялся, пока он пел. На втором куплете он споткнулся и заплакал, ненавидя себя за проявленную слабость, и зал засвистел. В последний момент он собрался и пошел за кулисы с высоко поднятой головой. По щекам снова текли слезы. Только он, Денис Прогарин, слышал, как хрустят под его ногами осколки мечты... Странно, ноги они ему так и не порезали — только сердце.

В жюри в тот день сидел Разумовский. И он мог сделать правильный выбор — оставить Дениса или выгнать. Разумовский сказал: «Нет! Вы, юноша, бездарны!»

Что ж, выбор был неправильным.

Как рождается ненависть? На каких струнах души играется мелодия зла? Денису потребовалось восемь долгих лет, чтобы подобраться

к Разумовскому ближе. Когда Андрею Константиновичу представили финансового гения Прогарина, он даже не вспомнил досадный эпизод на курсе. И это было еще обиднее.

Не будь Зимина, месть осуществилась бы намного раньше. Но Зимин, этот верный пес, серый кардинал, правая рука, всегда был рядом. И тогда вместо физического устранения врага Прогарин придумал гениальную финансовую аферу. Он решил разорить Разумовского. Сделать его нищим. Деньги текли на зарубежные счета, контракты заключались на подставных лиц, все шло невыразимо прекрасно и, главное, быстро.

Но вмешался случай — в лице Ксении. Прогарин по глупости с ней переспал, и она приняла секс за любовь. Любовь — штука странная, часто ты влюбляешься не в того, в кого нужно. Прогарин сам не понял, когда влюбился в Наташу. Однако Наташа предпочла Разумовского.

Как Ксения узнала о том, что Прогарин мысленно ей не верен, уже не столь важно. То, что самой Наташе Денис не нужен, Ксению мало интересовало. Сам факт измены — не физической, духовной — ее убивал.

И убил. В тот самый момент, когда она начала шантажировать своего любовника.

С того времени все пошло не так. План великой мести дал сбой.

И вот теперь он сидел между двумя прекрасными женщинами и не знал, с кого начать. Сначала он хотел убить рыжеволосую украинку, но потом побоялся, что, увидев это, Наташа его отвергнет. А он хотел быть с ней, пусть и несколько минут. Но только по-настоящему, сказать, что любит, жаждет, мечтает. И, может быть... А вдруг она тоже его любит?

— Я устал, — сказал он вслух. — Я устал выбирать.

В левой руке у Прогарина был скальпель, в правой — нож.

Левой он коснулся горла Наташи. Правой — Светланы.

— Скоро твой выход, — прошептал он. — Но ты не будешь петь. Только не думай, что я лишу тебя триумфа, нет. Я избавлю тебя от самого горького разочарования — когда ты знаешь, что должен быть первым, но им не становишься. Поверь мне, это намного больнее, чем смерть. Я знаю. Я пробовал.

Лезвия нежно прошлись по нежной коже. Он с какой-то отчаянной усталостью увидел страх в их глазах. И ему стало грустно: зачем бояться? Смерть ничто в сравнении с той болью, которую причиняет шоу-бизнес.

— Вот сейчас, сейчас...

Зазвучала норвежская скрипка. Короткая сказка о несостоявшейся любви. Мелодия, в которой слышался триумф и торжество.

Ударить Прогарин не успел.

Дверь в примерку вышибли. Мелькнули белые взъерошенные волосы. Кто-то молнией бросился к нему, сознательно подставляясь под удар и отводя руку с оружием от распростертого женского тела.

Сначала упал скальпель, потом нож.

Женский крик. Кулак в челюсть. Соль во рту. И вдруг Прогарину все стало неважно. Он почувствовал, как что-то злое и нехорошее, так долго мешавшее ему жить, лопнуло в голове, и последнее, что он увидел перед тем, как умереть, были прекрасные глаза Наташи Минор, похожие на безбрежный и волнующий океан в далекой Австралии.

ЭПИЛОГ

...Начало голосования объявили российский космонавт Геннадий Падунка и японский астронавт Коити Вехата из девятнадцатого долговременного экипажа с МКС (в прямой трансляции из космоса).

Вехата произнес фразу первого космонавта Юрия Гагарина «Поехали!», и голосование началось. Уже после первых итогов стало понятно, что победит Норвегия, и я был искренне рад за своего тезку.

Я сидел перед экраном с перевязанной рукой: сквозь белый бинт проступала кровь, но от больницы я категорически отказался. Прогарин все же успел порезать меня скальпелем. Но больно мне не было. Скорее грустно. От того, что все так закончилось.

Наташа рыдала в объятиях Разумовского. Зимин стоял у окна и исподтишка наблюдал за ними, ничем не выдавая своих чувств. Только на скулах играли желваки. Наверное, он действительно ее любит, если такой человек вообще способен на любовь.

Светлана за считанные секунды погасила в себе истерику и помчалась на сцену. Что она выделявала на своих барабанах, не описать. Она блестяще выступила, но ее драйв Европа оценила холодно.

Я избавлю тебя от самого горького разочарования в жизни — когда ты знаешь, что должен быть первым, но им не становишься. Поверь мне, это намного больнее, чем смерть. Я знаю. Я пробовал.

Тело Прогарина увезли. Зимин сказал, что причиной смерти стало кровоизлияние в мозг. Я не стал вдаваться в подробности. Зачем? Мне было достаточно известия, что Мила наконец-то вышла из комы и что теперь ей больше некого бояться.

— Но как Вы поняли, что он прячется здесь? — спросил вдруг Зимин. — Почему именно в этой примерке?

Все замерли и уставились на меня.

Я вспомнил, как неся по коридору и молил бога, чтобы он дал мне шанс успеть.

— Как? — повторил свой вопрос Зимин.

Я встал, вышел в коридор и снял с двери плакат. Австралия — рай на земле.

— Мы действительно с ним там встречались, — сказал я. — На какой-то вечеринке. И говорили о шоу-бизнесе. Но тогда я не запомнил его лица. Счастливые лица не запоминаются.

— А он был счастлив?

— Там — да. А здесь...

Мы все посмотрели на экран.

Голосование подходило к концу. Саша Рудак светился от счастья: каждая секунда приближала его торжество. Ему завидовали в этот момент, его ненавидели, его любили...

За эту безумную ночь я повзрослел, многое понял и теперь спокойно и отстраненно смотрел, как стремительно рождается чужой триумф, чужой успех. И я радовался ему. Потому что любому успеху надо радоваться. Даже чужому. Иначе зачем жить?

Июнь-декабрь 2009

Я мысленно ШЕПЧУ СПАСИБО...

...Ты город, ты желтый прозрачный улей
Хочу с тобой, запахом улиц, не разминуться

(«Ты город», «Ночные Снайперы»)

18 декабря

Санкт-Петербург — за рождение и любовь

Москва — за реализованные и нереализованные возможности

2004 г.

КИПР

Айя-Напа — за начало, за шампунь в джакузи и личное знакомство

ЕГИПЕТ

Каир — за клубничный фреш с видом на пирамиды и помидоры в тазике

Хургада — за забавного доктора, девчонок, долгие прогулки и работу над новым альбомом

2005 г.

ЕГИПЕТ

Шарм-эль-Шейх — за фруктовые кальяны

ЛАТВИЯ

Рига — за замочки на мосту

Юрмала — за новых друзей

ИСПАНИЯ

Барселона — за стеб в автобусе

Ллорет де Мар — за скромный бар и компанию
Ситжес — за ночи по 50 евро

ЭСТОНИЯ

Таллин — за мячики в бассейне и Double Coffee

2006 г.

ИТАЛИЯ

Милан — за брендовые трусы

ГРЕЦИЯ

Афины — за целующихся жирафов и Евровидение

ДАНИЯ

Копенгаген — за сон возле русалки и парк

Tivoli

БЕЛЬГИЯ

Брюссель — за рождественский уикенд, вафли и глинтвейн

2007 г.

ГЕРМАНИЯ

Берлин — за Scooter

ПОРТУГАЛИЯ

Лиссабон — за лучший марципан и рыбу-луну

ИСПАНИЯ, БОЛЕАРСКИЕ О-ВА

Пальма-де-Майорка — за прогулки по морю босиком в январе

ИСЛАНДИЯ

Рейкьявик — за гейзеры, источники вечной молодости и Subway

ИНДОНЕЗИЯ, БАЛИ

Кута — за лучший seafood и орхидеи

ВЕНГРИЯ

Будапешт — за осознание родителями важности личной жизни подростка

ШРИ-ЛАНКА

Коломбо — за спасенный телефон

Канди — за инопланетных слонов

Бентота — за Taj Exotic над обрывом

ИСПАНИЯ

Салоу — за променады и PortAventura

Мадрид — за Сантьяго Барнабеу

ИСПАНИЯ, БОЛЕАРСКИЕ О-ВА

Ибица — за две вишенки

ИТАЛИЯ, ВАТИКАН

Рим — за слона и джинсы со звездочками

МАЛАЙЗИЯ

Куала-Лумпур — за башни, особенные суши и Mandarin oriental

Бату Феринги — за желтый паром и черных медуз, которые не покусали

2008 г.

ФРАНЦИЯ

Париж — за новогоднее волшебство, сырой фарш и крутую башню с лампочками

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Пунта Кана — за пальмы и песок

СЛОВАКИЯ

Братислава — за троллейбусы, которые надо догонять

Трнава — за кафетерий в универмаге

АВСТРИЯ

Вена — за запах лошадок

СЕРБИЯ

Белград — за ночную шаверму и компашки

ИРЛАНДИЯ

Дублин — за Baileys

АНТИГУА И БАРБУДА

Сент-Джонс — за лучшую бухту в мире

Барбуда о-в — за птиц фрегатов и «у холмов есть глаза»

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт — за вентилятор, который нашелся

ЛИТВА

Вильнюс — за зоопарк

Каунас — за драники и цеппелины

ЛЮКСЕМБУРГ

Люксембург — за зарождение мечты

МАЛЬТА

Сент Джулианс — за ребрышки

ГРЕЦИЯ

Миконос о-в — за пеликанов, пляжи и заботу

ПОЛЬША

Варшава — за огромные мыльные пузыри

СИНГАПУР

Сингапур — за приятную влажность и белого тигра

ГОНКОНГ

Гонконг — за небоскребы и встречу

ФИЛИППИНЫ

Себу о-в — за Hilton с коровами

2009 г.

АВСТРАЛИЯ

Сидней — за будущее, за любовь и мечту

Голд-Коаст — за домашние пляжи с не домашними акулами

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Окленд — за птицу киви, которую как будто нельзя фотографировать

ФИНЛЯНДИЯ

Хельсинки — за веселье на выходные

США

Лос-Анджелес, Анахайм — за долгие дороги и еще одну долгую дорогу

ВЬЕТНАМ

Ханой — за мраморный бассейн и маленькую машинку

ЛАОС

Вьентьян — за мандариновый сок и золотые пагоды

ТАИЛАНД

Пхукет о-в — за массаж горячими камнями и последний найденный район

АРГЕНТИНА

Буэнос-Айрес — за стейки и футбол

Ушуйай — за самый чудесный вид из окна и лаек

ПЕРУ

Лима — за демонстрантов

Куско — за инопланетные круги и Мачу-Пикчу

Пуно — за Титикаку

ШВЕЙЦАРИЯ

Цюрих — за шоколадки

ГРЕЦИЯ

Санторини о-в — за подъемы и вид

АНГЛИЯ

Лондон — за шопинг и «fish and chips»

ШОТЛАНДИЯ

Эдинбург — за фестивали и сидр

Лох-Несс озеро — за встречу с Несси

Глазго — за розовый чемодан

ХОРВАТИЯ

Дубровник — за сложноступность некоторых пляжей

НИДЕРЛАНДЫ

Амстердам — за больших американцев и кофе по утрам

ЧЕХИЯ

Прага — за вторую половинку

ИЗРАИЛЬ

Тель-Авив — за ночную фотосессию

Назарет — за лучики солнца сквозь мозаику

Хайфа — за самую короткую поездку в метро

Мертвое море — за дар долголетия

Иерусалим — за гранатовый сок

ПАЛЕСТИНСКАЯ АВТОНОМИЯ

Вифлеем — за воцарение мира

ШВЕЦИЯ

Стокгольм — за блондинов и блондинок

2010 г.

США

Нью-Йорк — за Mamma Mia, Times Square, Викки и каждый раз хорошую погоду

Орlando (Disneyworld) — за мир детства... и чудесные ожидания в очередях к разноцветным белоснежкам в будущем

Майами — за новогодний Martini Rose на пляже

Сан-Франциско — за нашу компашку на четверых и ужин в русском ресторане

Лас-Вегас — за Bellagio, Cirque Du Soleil и ощущение нереальности

Тёркс и Кайкос

Провиденциалес — за многокилометровые ночные прогулки вдоль океана

БРАЗИЛИЯ

Рио-де-Жанейро — за влюбленность, лучший эспрессо, Летишию и прогулки по фавелам

Игуасу Фолс — за грохот и шум водопадов

Сан-Паулу — за футбол

ПАРАГВАЙ

Сьюдад-дель-Эсте — за два часа эксперимента

АРГЕНТИНА

Пуэрто-Мадрин — за пингвинов и уют

Эль Калафате — за восхождения на ледники и айсберги

Мендоза — за вино, рафтинг и гаспачо

в Sheraton

ТУРЦИЯ

Стамбул — за хаммам, пахлаву и кебабы

МАЛЬДИВЫ

Барос о-в — за снорклинг, рыбалку, маленьких акул и Spa

НОРВЕГИЯ

Осло — за фьорды и цезарь с креветками, подушки в Radisson

ЯПОНИЯ

Токио — за рыбный рынок

Осака — за аквариум и китовых акул

Хаконе — за онсен

Киото — за пагоды и гейш

ИТАЛИЯ

Флоренция — за лучший тирамису

САН-МАРИНО

Сан-Марино — за физкультуру на подъемах

ИТАЛИЯ

Венеция — за завтраки с видом на Гранд-канал

РУМУНИЯ

Бухарест — за вкуснейшую домашнюю кухню

Брашов — за черное мороженое

Бран — за замок Дракулы

МАРОККО

Мараккеш — за сладкий мятный чай, еду

на рынке и медину

Касабланка — за сладости и доброжелательных людей

ШВЕЙЦАРИЯ

Женева — прогулки по набережной и городской Wi-Fi

Лозанна — за горки и домашний магазинчик

ИСПАНИЯ

Канарские о-ва, Лас-Пальмас — за удивление

в воде и на суше и за чудесные волны

«Давно не виделась — здравствуй.

Наш город не изменяет.

Наш город пахнет любовью...»

«Ночные Снайперы»

— **Как ты добился такой популярности своей странички ВКонтакте?**

— Я часто ставлю провокационные статусы, выкладываю провокационные фотографии, потому что так я могу получить реакцию от людей. А когда есть реакция, можно выявить тех, с кем будет потом интересно общаться. Я всегда ищу диалог. Конечно, некоторые пишут гадости: «Ты некрасивый, снимать не умеешь...» Поначалу меня это задевало, но потом я понял, что нельзя понравиться всем. Всегда будет кто-то, кто не переваривает мою работу, людей, которых я снимаю. Сколько раз мне говорили: «Ты попал в шоу-бизнес через постель. Ты спишь со всеми звездами». Я пытался объяснять, что это не так, но быстро понял, что проще соглашаться. Какая разница, что говорят? Лишь бы говорили. Я рад любому упоминанию о себе, кроме некролога. Амбиции есть у любого успешного человека. Для меня это уже азарт. Я беру себя на слабо: а смогу ли я раскрутить аккаунт, чтобы он работал на меня? Смогу ли набрать десять тысяч поклонников без упоминания в новостях ВКонтакте? Успею ли выложить фото с мероприятия раньше других? Изначально я не ставил перед собой цель сделать свою страницу популярной, но сейчас я уверен: если будет рейтинг аккаунтов по наполненности, мой попадет в первую тройку.

— **Часто ли ты отвечаешь на сообщения, общаешься с поклонниками, прислушиваешься ли к их мнению?**

— Да, конечно. У нас в стране очень много интересных и умных людей. Причем вне зависимости от возраста. Я могу ночь напролет переписываться с шестнадцатилетней девочкой о политической ситуации в стране, а потом общаться на сленге и стебаться с тридцатилетними знакомыми. Мне не нужна лесть, я ценю конструктивную критику. Как-то мне написала женщина-фотограф из Киева, разобрала и раскритиковала многие мои фотографии. Она мне сказала одну важную вещь: «Если убрать с твоих фотографий знаменитостей, это будут просто обычные фотки. А в каждом кадре должна быть история». Этому не учат на курсах или на занятиях по фотомастерству. Поэтому я благодарен ВКонтакте за возможность учиться через других пользователей и всегда обращаю внимание на их комментарии.

— **Чем еще тебе полезен ВКонтакте.ру?**

— Вообще социальная сеть дает мне очень многое. Я, как вампир, впитываю эмоции людей, отмечающихся на моей странице. Здесь очень легко найти хороших собеседников, которые впоследствии становятся твоими друзьями. Например, когда я заболел и написал об этом в статусе, мне пришлось двести сообщений за минуту с советами, какое лекарство принять и как лечиться. Или после Евровидения, когда я отработал десять дней подряд, снимая разные делегации, — сил не было никаких, а ВКонтакте очень помог, потому что с его помощью я смог чувствовать позитивную поддержку огромного количества людей. У меня звездный аккаунт на Одноклассниках, но бываю я там редко. Я очень четко разделяю: Одноклассники — это Москва, а ВКонтакте — это Россия.

Каждый месяц устраиваю у себя на странице конкурсы: «Угадайте, куда я поеду в следующий раз» или «Угадайте, кто победит на Евровидении». И люди начинают обсуждать, выяснять, строить догадки. Им интересен такой интерактив, поэтому они регулярно участвуют в конкурсах, а я при всей своей занятости стараюсь постоянно придумывать что-нибудь новое, реализовывать какие-то идеи.

— **То есть у тебя на странице идет непрерывный пиар и обновление информации?**

— Да, я всегда стараюсь дать информацию первым. Например, во время выступления Испании на Евровидении на сцену выскочил фанат, но почти все каналы успели этот эпизод вырезать. А я рассказал о нем в своих заметках в тот же день и добавил видео.

На журфаке, который я закончил с красным дипломом, нам говорили, что ты либо журналист, либо

нет. Этой профессии нельзя научиться и из нее нельзя уйти. Это стиль жизни, и мне он нравится.

— **При всей твоей открытости у тебя должны быть сферы жизни, в которые ты не пускаешь посторонних.**

— Да, я никогда не свечу своего брата, маму, девушку. Хотя они все есть в ВКонтакте. Стараюсь не афишировать своих друзей, потому что многие из них, в отличие от меня, не готовы к повышенному вниманию к своей персоне. Однажды у моей подруги был день рождения, и я в статусе предложил всем дружно ее поздравить. Подруга на меня обиделась, потому что ей вовсе не хотелось получить поздравления от двухсот незнакомых людей. По этой же причине я никогда не говорю, кто снимает меня в поездках.

— **Как попасть в шоу-бизнес?**

— Мне часто задают этот вопрос. И если 10-12 лет назад я бы на него ответил с легкостью, то сейчас затрудняюсь с ответом. Мне кажется, на данном этапе развития отечественного шоу-бизнеса попасть в него гораздо сложнее.

— **С чего все началось?**

— В 14 лет я сфотографировал еще на пленку группу Иванушки International. Потом мы с братом поехали в Москву, я посмотрел на кассете адрес «Продюсерского центра Игоря Матвиенко» и отправился прямо туда. Отдал им фотографии за автограф. Пиарщица группы попросила меня подписать договор на право использования фото, и тогда я предложил: «Давайте я буду снимать артистов, приезжающих с концертами в Питер». Она согласилась, и по звонку из Москвы меня стали пропускать на выступления. Так и началась моя карьера звездного фотографа. Я часто ночевал в аэропорту, потому что денег на такси не было, а нужно было встречать рейсы с артистами в 5-6 часов утра. Приезжал с вечера и ждал ради хороших кадров. Периодически делал домашние задания по ночам в клубах после съемок концерта, а утром прямо оттуда ехал в школу.

— **Как родители отнеслись к такому образу жизни?**

— Мама хваталась за сердце, но постепенно поняла, что спорить со мной бесполезно, и смирилась. Я единственный гуманитарий в семье: старший брат — моряк, а мама закончила физмат. Им был непонятен мой интерес к журналистике и фотографии, но они меня поддерживали и продолжают поддерживать.

— **Когда ты начал зарабатывать деньги?**

— Конечно, сначала никаких денег я за съемки не получал. Мне просто было по кайфу крутиться в этой тусовке. Постепенно я стал музыкальным редактором в журнале «Твой», а потом начал писать еще и в «Cool». Мой первый гонорар был в 14 лет за постер Мумий-Троля в журнале «Ровесник». Я получил тогда больше двух тысяч, и это для меня были очень большие деньги.

— **Как оплачивал поездки на съемки в другие города?**

— Я постоянно ездил со звездами по концертам, фестивалям, гастролям, а деньги на поездки зарабатывал, продавая фотографии в СМИ. Но всегда отдавал прессе только те фото, которые были одобрены самим артистом, никогда не позволяю себе опубликовать какие-то компрометирующие фото, потому что отношусь к людям так, как хотел бы, чтобы относились ко мне. Я не хочу, чтобы мои неудачные фотографии стали достоянием общечеловечности. И какими бы взыскательными и эмоциональными ни были артисты, они тоже люди, и я всегда стараюсь быть с ними вежливым и тактичным. Я очень рад, что за десять лет работы мне удалось добиться уважительного отношения звезд к моей персоне. И во многом это произошло благодаря тому, что я не рассказываю сплетни, не говорю про артистов гадости. Вращаясь в этой тусовке, я узнаю многое об отношениях между знаменитостями, у кого настоящая любовь, а у кого — пиар, не раз становился свидетелем скандалов. Но я считаю, что неправильно публиковать компрометирующие фотографии или лезть в чужую личную жизнь. В этом смысле я не совсем папарацци, хотя моя книга называется именно так. Мне важнее доброе отношение окружающих, нежели сенсационный снимок для желтой прессы. Я стараюсь лавировать между открытыми, смешными, местами пошлыми снимками и при этом не ссориться с артистами. Я верю в закон бумеранга: все зло, которое ты совершаешь, к тебе вернется. Поэтому предпочитаю быть со всеми в хороших отношениях.

— **В твоей книге есть фотографии знаменитостей?**

— Изначально я хотел наполнить ее фотографиями, но она вышла бы очень дорогой для читателей. А мне хотелось, чтобы люди имели возможность ее купить и прочесть. Поэтому я отказался от фотографий и написал историю о нашем шоу-бизнесе. (Эту книгу вы сейчас и читаете, а впереди еще финальная третья книга. В этой книге вы узнали, как все было на самом деле на Евровидении, так как я езжу туда как фотограф от страны уже 7 лет подряд. — *Примечание автора*).

— **Как складывалась твоя журналистская карьера?**

— На первом курсе я подписывал одноклассникам отчеты по летней практике, потому что уже работал музыкальным редактором журнала «Твой» и подрабатывал еще в нескольких изданиях. Но просто статьи не были востребованы, редакторы просили добавлять фотографии. И в какой-то момент произошло переключение с Жданова-журналиста на Жданова-фотографа.

— **Когда работа фотографа начала приносить доход?**

— Однажды я понял, что съемки непосредственно для артиста, а не для СМИ, себя оправдывают, и я получаю хорошие деньги. В 16 лет я уже сам оплачивал отдых за границей, а в 20 купил свою первую квартиру. Сейчас побывал в 73 странах мира, и это тоже только на свой гонорар фотографа.

— **Ты снимал все Фабрики звезд. Как относишься к бывшим «фабрикантам»?**

— Я снимал их с самого первого кастинга, поэтому со многими исполнителями познакомился еще до того, как они стали знаменитыми, и сейчас мне с ними очень легко общаться. Я гулял с Дэном Петровым из группы «Челси» по Питеру, снимал Никиту Малинина в Петродворце в обнимку со статуей, помню еще никому не известных ребят из группы «БиС» с йогуртом и булочкой на кастинге. В отношении этих людей для меня уже не существует понятия «звезда». Это просто друзья. С кем-то из них я больше общаюсь, с кем-то меньше, но со всеми мне достаточно комфортно, и я не ощущаю какого-то пафоса или звездности с их стороны.

— **То есть ты присутствовал при рождении нескольких поколений звезд?**

— Самое смешное, что звезды имеют тенденцию меняться. У меня есть подруга Ксения в компании «Кушнир Продакшн», она мне звонит раз в год с просьбой поснимать новый проект. Сначала это была Лера Массква, потом — «Братья Гримм», после — Анита Цой, сейчас они занимаются Лерой Лерой. Артисты меняются, а мы с Ксенией как работали в этом бизнесе, так в нем и остаемся. И я не исключаю, что скоро она мне позвонит по поводу нового проекта. Сейчас я уже достиг такого уровня, когда деньги не играют определяющей роли. Я могу сам выбирать, с кем мне интересно работать.

— **Когда ты все успеваешь?**

— Мой наркотик — кофе. Я категорически не приемлю сигареты и алкоголь. Поэтому спасаюсь кофеином.

— **При такой бурной деятельности как борешься с усталостью и стрессом?**

— Три-четыре года назад у меня начались сильнейшие приступы невралгии. Дышал урывками, потому что грудную клетку сводило от боли. На самом деле я просто загнал себя, и организм перестал справляться с таким ритмом. Врач сказала мне, что это не лечится, но посоветовала почаще переключать внимание и испытывать побольше положительных эмоций. Именно поэтому я столько путешествую. За десять лет посетил 73 страны. При этом я всегда стараюсь познакомиться с русско- или англоговорящими людьми, проживающими в этой стране, чтобы они мне подсказали самые интересные места, кафешки, магазинчики, о которых нельзя прочитать в путеводителе.

Вторая моя страсть — это зоопарки. Я побывал во множестве зоопарков мира, и эмоции каждый раз через край. Я всегда заранее пишу письмо руководству с просьбой показать мне какие-то закрытые территории, разрешить поснимать животных вблизи. Я держал в руках маленькой жирафа, бегемота, обезьянки, новорожденного ежика. К таким детенышам нельзя остаться равнодушным.

Эти поездки дают мне силы, чтобы работать в шоу-бизнесе, силы, чтобы зарабатывать хорошие деньги.

— **Чем будешь заниматься в ближайшее время?**

— 5 лет подряд я летаю на «EMA Music Awards». Работы и шоу-бизнеса всегда очень много. Я делаю фотографии каждый день и постоянно выкладываю эксклюзив у себя на странице ВКонтакте и в <http://twitter.com/alexzhdanov>

<http://vkontakte.ru/alexander.zhdanov>

Благодарю редакцию журнала <http://vkurse.vkontakte.ru> за интервью

И лично Егора Яковлева

Елену Лакки

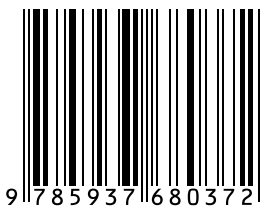
АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ ПАПАРАЦЦИ-2: ЧУЖОЙ УСПЕХ

...В Москве ведется активная подготовка к международному конкурсу песни «EUROsong». В это же время в сети появляется сайт, посвященный шоу. На первый взгляд, самое обычное место, где можно сделать ставку на победителя. Однако тот, кто получит наибольшее количество зрительских голосов, будет... убит в прямом эфире. И если поначалу web-страничка воспринимается как глупая шутка фаната, то вскоре становится ясно: все вполне серьезно — в день финала произойдет убийство.

Перед вами откроется мир российского шоу-бизнеса: известные артисты, реальные истории, бурные звездные страсти, счастье и слезы, пороки и грехи. Интернет, ложь, предательство.

Автор, являющийся одним из известнейших фотографов-папарацци, раскрывает все, даже самые сокровенные, тайны.

ISBN 593768037-5

Благодарю за помощь:

Дизайн обложки — Андрей Грудкин

Корректор — Лилия Сидорова

Верстка — Вадим Юдин | www.manu.lv

Фото на обложке — Арсений Кунцевич

Отдельное спасибо: Катерине Чижовой, Наталье Юрковой и Анастасии Бисс

По вопросам распространения и покупки первой и второй книги связывайтесь;
Если вы хотите стать героем третьей книги и оказаться на ее обложке, пишите;

info@starsbook.ru

Подписано в печать 11.10.2010. Гарнитура «Мириад».
Формат 60×90/16. Объем 12 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 10000 экз. Заказ № 18423.

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.